

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

V Международная научная конференция

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Казань

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
А43

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственный редактор: *Е. И. Осянина*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан) К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

Актуальные вопросы филологических наук: материалы V Междунар. науч. конф. А43 (г. Казань, октябрь 2017 г.). — Казань : Издательство «Бук», 2017. — iv, 70 с.
ISBN 978-5-906954-57-2

В сборнике представлены материалы V Международной научной конференции «Актуальные вопросы филологических наук».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Абжапарова М.Д.

Восприятие цветообозначений в пословицах и поговорках казахского, татарского, алтайского, русского и английского народов. 1

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Котова А.В.

К вопросу об идентификации passer в Catull. 2 и 3 5

Ляшенко О.И.

Национальная мифология в современном футурологическом романе (по роману Дмитрия Быкова «ЖД», 2006 г.) 7

Меладшина Ю.В.

Образы комедии Гоголя в судьбах героев и в сюжете романа В. Шарова «Возвращение в Египет» 8

Никонов С.С.

Своеобразие буржуазного общества в романе Джона Голсуорси «Собственник» 11

Никонов С.С.

Основные черты творчества В. Я. Брюсова 13

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Винникова О.М.

Выработка навыка использования сложного подлежащего английского языка 16

Kosacheva T.A.

The stylistic value of the elliptical constructions in mass media 18

Косачева Т.А.

Особенности передачи английских географических названий и имен собственных в русскоязычных текстах 21

Мусина Г.Ф.

Вопросы создания учебников физики на татарском языке в начале XX века 23

Полончук Р.А.

Исследование фразеологизмов военной сферы в китайском языке 25

Усачева В.С.

Сопоставление лексикографического значения лексем «человек» и «а тап» 27

Федченко О.Д.

Днепр, «росские» и «славянские» пороги (этимология названий) 30

Фиклистова Я.В., Гаркуша Л.Г.

Понятие концепта как составляющей единицы картины мира 36

Щепотина Е.В.

Особенности использования юридических понятий в публицистике (на примере американских и русских газетных статей) 38

Щукина Г.О.

Образный профиль лексем «мышь», «mouse», «maus», «souris» с позиций ономазиологии 40

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ**Artemova M.V.**

The Biblical expressions in English and Russian languages and the complexity of their translation 45

Марьяна Л.Н.

Передача описания внешности персонажей с концептом цвета «black» при переводе романа Дж.Р. Р. Толкиена «Властелин колец». 47

Паршина Т.В.

О правилах выполнения перевода научно-технической литературы и документации 50

Шичкина М.Г.

Toward a study in corpora in the frames of Translation Science and its general overlook. 55

Шичкина М.Г.

Штрихи к пониманию роли интерференции личности переводчика в переводческом процессе. 58

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**Лашина Е.Н.**

Методы работы с неадаптированным лексическим материалом у магистров неязыковых вузов 61

Ткачева А.Н.

Индивидуальный подход в обучении английскому языку в школе 63

Xoljigitova D.B., Shoyimova K.O., Gozieva N.R.

On the evolution of communicative methods of teaching foreign languages 65

Шашок Л.А.

Инфографический текст как новое средство наглядности на уроках по русскому языку как иностранному в военном вузе. 67

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Восприятие цветообозначений в пословицах и поговорках казахского, татарского, алтайского, русского и английского народов

Абжапарова Майя Даулеткызы, аспирант
Новосибирский государственный университет

Данная статья посвящена восприятию цветообозначений в казахских, татарских, алтайских, английских и русских пословицах. В ней сравниваются и анализируются цветообозначения и особенности их восприятия, присущие данным лингвокультурам.

В работе рассматриваются выбранные методом случайного отбора пословицы и поговорки с присутствием цветообозначений на казахском, татарском, алтайском, русском и английском языках. Пословицы и поговорки являются ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа и поэтому занимают значительное место в лексическом составе любого языка. Актуальность статьи заключается в том, что изучение лексики цветообозначений в составе пословиц и поговорок, особенно в сравнительно-сопоставительном аспекте, остается малоисследованным. Цель работы — провести анализ цветообозначений в пословицах и поговорках казахской, татарской, алтайской, английской и русской национальных культур, чтобы выявить негативные или положительные коннотации и сравнить полученные результаты в рассматриваемых лингвокультурах.

Приведём некоторые примеры пословиц и поговорок из рассматриваемых языков и проанализируем их [1, 4, 5, 6].

Белый цвет первый и главный; по мнению Н. К. Кононова, в палитре он — «мать-цвет», от него «произошли» все остальные цвета [2]. А. Меметов считает, что «восприятие белого цвета вызывает по ассоциации представление о чем-то положительном, хорошем, светлом, на основе чего возникает потенциальная сема ‘светлый, чистый, незапятнанный’ которая становится базой для образования метафорически переносных значений» [3].

Чистота и безупречность белого цвета:

Каз.: *Анань ақ сүтін сыйла.* — Уважай белое молоко матери.

Алт.: *Ак дегени алкыш, кара дегени каргыш.* — Белое — благословение, черное — проклятие.

Тат.: *Акъ къаз чамурдан чыкъкъанда да акъ къала.* — Белый гусь и из грязи белым выйдет. — *Акъ олмаса да, пак олур.* — Даже если белым не будет, то чистым будет.

Англ.: *The light is white, although people are black.* — Свет бел, хоть и люди черны.

Рус.: *Черное к белому не пристанет.*

Пословицы и поговорки с белым цветом в рассматриваемых языках выступают интерпретантами других оппозиционных понятий (честный — нечестный, щедрый — скупой и т.д.), которые тоже чаще всего строятся на контрасте. Белый цвет является символом чистоты, разумности и добропорядочности, а черный часто служит атрибутом зла. Эти контрастные цвета считаются с древнейших времен простым наглядным способом отражения противостояния света и мрака как жизни и смерти.

Наиболее конкретной и однозначной символикой обладает *черный цвет*, который ассоциируется с мраком, землей, смертью, выступает как знак траура.

Искусственно негативное восприятие черного цвета:

Каз.: *Қарны ашқанға қара нан да май татыр, шөлдегенге қара су да бал татыр.* — Голодному черный хлеб пок ажется маслом, жаждущему сырая вода покажется медом.

Алт.: *Унчукпаган кыжі уйче кара таштан кылар.* — На молчаливого человека хотя черный камень с избы упадет, он и тогда цел останется.

Тат.: *Дост къара куньде белли олур.* — Друг познается в тяжелые дни.

Англ.: *A black hen lays a white egg.* — Черна корова, да бело молочко.

Рус.: *Чёрная коровка даёт белое молоко.*

В данном случае, при более тщательном рассмотрении, черный цвет — нейтрален. Это связано с трактовкой изречения, когда бывает, что, на первый взгляд, что-то кажется плохим (например, человек), но на деле — всё наоборот. Белый цвет в данном случае тоже нередко используется, чтобы подчеркнуть что-то хорошее и светлое в изначально чёрном (к примеру, добрые поступки) и, таким образом, придаёт всей пословице положительное значение.

Резко отрицательное восприятие черного цвета:

Каз.: *Қара көз, қоңыр көз — бізді өтіп кет.* — Черный глаз, карий глаз — минуй нас.

Алт.: *Кара жыланга каргыш жүкпас, кара теке кай-адан ашпас.* — Черной змее проклятие не пристанет, черный козел со скалы не слетит.

Тат.: *Къара хабер тез белли омур.* — Черная весть быстро приходит (говорится о трауре, утрате). *Къара кунь къайртайтыр.* — Черные дни быстро старят (тягостный).

Англ.: *The devil is not so black as he is painted* — Чёрт не такой чёрный, каким его изображают.

Рус.: *Не так страшен чёрт, как его малюют.*

Здесь чёрный цвет выступает в резко отрицательном значении, значении утрат, юезысходности. Он наделяется наивысшей степенью негатива, такой, что даже чёрта нельзя соотносить с ним, т.е. чёрт может быть не таким страшным и зловещим по сравнению с той чернотой, с которой его ассоциируют.

Нейтральное значение черного цвета:

Каз.: Аркылы төбені шық түтін оны қара түске қаралайды. — Дым, выходящий сквозь потолок, окрашивает его в черный цвет. *Қара жер қартаймайды.* — Земля никогда не стареет.

Алт.: *Ак ла кара жарыжар, ак кудай көрөр.* — Белое с черным состязаются

Тат.: *Къара копек, акъ копек — эписиде копекдир.* — Черная собака, белая собака — все равно пес. *Къара юнни юванъ да, эп бир агъармаз.* — Даже если черную шерсть постираешь, все равно она не побелеет.

Англ.: *Black will take no other hue.* — Чёрный цвет не примет другого цвета

Рус.: *Чёрного кобеля не отмоешь добела.*

Здесь через нейтральное значение чёрного цвета раскрывается его естественная суть. Он не способен стать иным, быть перекрашенным в другие тона. Суть пословиц заключается в том, что невозможно изменить природу человека, его характер. Нужно принимать людей такими, какие они есть: с их достоинствами (обозначены белым цветом) и недостатками (ассоциируются с чёрным цветом). Таким образом, белый цвет имеет положительную коннотацию, а чёрный — мнимо негативную.

Негативная характеристика человека:

Каз.: *Адам шөлмекке қара шыныдан: не бас оның арадатереңдікте осындай, көрікті.* — Человек подобен бутылке из черного стекла: что у него внутри, не видно

Алт.: *Бурулуны актаба, актуны каралаба.* — ‘Винного не оправдывай, / невинного не черни.

Тат.: *Къальби къаранынъ ишиде кърадыр* — У человека с черной душой и дела скверные. *Ичи къараннынъ юзюнде нур олмаз.* — Если душа черная, то и лицо не светится.

Англ.: *Black when near the ink, bright when near the light.* — Черный около чернил, яркий около света.

Рус.: *Черную душу и мылом не отмоешь.*

Данные пословицы советуют нам переставать общаться с плохими людьми и выбрать свою жизненную среду, так как среда оказывает влияние на нас самих. Общаясь с плохими людьми, мы сами становимся плохими, добрые и светлые люди привносят добро и в нашу жизнь.

Преобладание черного и белого цветов во всех пословицах объясняется восприятием данных цветовых концептов рассматриваемыми народами как соответственно отрицательного и положительного, что находит проявление не только в пословицах, не только в языковых системах, но и в общей символике этих двух цветов. В пословицах данные концепты выступают в первую очередь не как цветовые характеристики, а как средства выражения отрицательного или положительного отношения к некоторым явлениям в обществе.

Серый цвет занимает в русских пословицах и поговорках большее место, чем в английских, очень редко — в казахских и алтайских, и совсем не встретился в татарских. Этот цвет передает неприметность, невыделенность объекта, что соответствует утверждениям исследователей о том, что серый цвет зачеркивает индивидуальность.

Каз.: *Тағдыр мынадай, сияқты сұр әк.* — Судьба такая, как серая известь.

Алт.: *Боро до болзо, мал эмей, бойдон до болзо, бала эмей.* — Хотя и серый, все равно конь, хотя и холост, все равно ребенок.

Англ.: *All cats are grey in the dark.* — Все кошки в темное серые.

Рус.: *Хоть кафтан и сер, а ум не черт съел. Коза бела, коза сера — а все дух один.*

В вышеприведенных пословицах проявляется представление об обманчивости цветовой характеристики: то, что кажется серым и неприметным, на самом деле таковым не является.

В английской пословице «*The fox may grow grey, but never good.* — Лиса может поседесть, но никогда не станет хорошей» серый отражает не только цвет в своем прямом значении, но и старость/мудрость — в переносном. Здесь взросление несет положительный смысл — приобретение опыта, ума, знаний. Следовательно, серый цвет может иметь и положительную коннотацию.

Часто в пословицах и поговорках казахского, алтайского, татарского, английского и русского народов встречаются золотой и серебряный цвета.

Золотой и серебряный цвет как ценность, драгоценность, искренность:

Каз.: *Көп жасап, күміс болганша, аз жасап, алтын бол.* — Чем долго жить, чтобы серебром блистать, лучше мало жить и золотом сверкнуть. *Қонағыңнын алғысы алтыннан қымбат.* — Благодарность гостя твоего, дороже золотого подарка его. *Сабыр түбі — сары алтын, сарғайған жетер мұратқа (асығыс түбі өкініш), асыққан қалар уятқа.* — Терпение — золото, терпеливый цели достигнет, (спешка — к досаде) торопыгу позор постигнет. *Ақыл алтын сандық, адамына қарай ашылар.* — Мудрость — сундук золотой, не каждому открывается такой.

Алт.: Мёд лучше водки, а отцовский дом лучше земли, содержащей золото и серебро (пословица найдена только в русском переводе). *Алтын башту кадыттан, арык башту эр артык.* — Лучше мужчина с худой головой, чем

баба с золотой головой. *Адаынн сѳзи — алтын, энинн сѳзи — эрјине.* — Слово отца — золото, слово матери — драгоценность.

Тат.: Золото и латунь смешались (пословица найдена только в русском переводе).

Англ.: *All that glitters is not gold.* — Не всё то золото, что блестит. *Speech is silver but silence is gold.* — Слово — серебро, молчание — золото —

Рус.: *Не все то золото, что блестит.*

Золотой цвет здесь имеет двойное значение, в отличие от серебряного. Обычно золотой оттенок — тёплый и несёт положительные эмоции. Однако в нередки интерпретация пословицы помогает понять, что зачастую люди не задумываются, с чем или с кем имеют дело; они могут заблуждаться, предполагать, что всё просто прекрасно. Тем не менее, это только внешне; что именно скрывается за тем или иным человеком, поступком, вещью, люди могут даже не представлять. Под блеском золота возможно скрывается некрасивый, неприятный оттенок (человек, поступок). Поэтому золотой цвет нередко символизирует ошибочность выводов людей и имеет мнимую положительную коннотацию. Серебряный цвет выступает в положительном значении. Здесь он олицетворяет отсутствие или наличие материального положения, с помощью которого можно (не) реализовать свои потребности: нанять работника, получить услугу и т.п.

Золотой и серебряный цвет как эквивалент денег:

Алт.: Акча — алтын, кижн — чаазын. — Деньги — золото, человек — бумага.

Англ.: *An ass loaded with gold climbs to the top of the castle* — Денежка дорожку прокладывает. *No silver, no servant.* — Мошна туга — всяк ей слуга. *Every cloud has a silver lining.* — У каждого облака есть серебряная подкладка / Нет худа без добра.

Рус.: *Свинья в золотом ошейнике — всё свинья. Осёл, даже гружёный золотом, всё равно осёл.*

В казахском и татарском языках пословицы и поговорки с золотым и серебряным цветом о деньгах не найдены.

Опять же золотой оттенок выступает в негативном значении. Здесь золотой цвет символизирует выгоду в корыстных целях. Порой люди ничего и никого не ценят, и главное для них — это угодить себе любимому. В русском же эквиваленте для придания отрицательной коннотации слову «золото» выбран соответствующий синонимичный перевод — «деньги» и даже уменьшительно-уничижительный вариант «денежка», чтобы продемонстрировать мелочность и ничтожность намерений и поступков. Серебряный цвет приобретает здесь положительное значение. Слово «облако» в данном случае используется в переносном значении — того, что омрачает жизнь, несёт огорчение или беспокойство. Наличие же «серебряной подкладки» символизирует нечто хорошее, доброе, светлое — как бы даёт надежду на лучшее.

Хроматические цвета шире представлены в примерах из русского языка, чем из казахского, алтайского, татарского и английского.

В русских и английских пословицах похожа концептуализация *зеленого цвета*: зеленый как цвет растительности, в первую очередь травы, зеленый цвет, связанный с признаком неспелости, преждевременности, зеленый в переносном значении «молодой / ранний / свежий»:

Алт.: *Күйк эмсе, көк өзөр, тан атса, күн өксөör.* — Кукушка закукует, зелень прорастет, утро наступит, солнце засияет.

Англ.: *Thraw the wand while it is green. A hedge between keeps friendship green.* — Не срывай яблока, пока зелено: созреет и само упадет. *The grass is always greener on the other side of the fence* — Трава всегда зеленее по ту сторону забора / Там хорошо, где нас нет.

Рус.: *Зеленый седому не указ. Красное лето — зеленый покос.*

Зелёный цвет в пословицах чаще используется в благоприятном значении. Будучи употреблённым в сравнительной степени, он приобретает оттенок чего-то лучшего, более красивого и привлекательного. Тем не менее, можно утверждать, что в пословице «Трава всегда зеленее по ту сторону забора» зелёный имеет мнимую положительную коннотацию, т.к. трава везде одинаково зелёная, а зеленее она кажется только от того, что растёт на чужой лужайке. В данном случае проводится скрытое сравнение с еще одним значением слова «green» — завистью, чувством досады, вызванным зачастую мнимыми успехами другого.

В казахских и татарских пословицах зеленый цвет не встретился совсем.

Сходство концептуализации *синего цвета* состоит в немногочисленности пословиц с наименованием этого цвета в английском и русском языках, в восприятии его как положительной характеристики объекта, как красивого и привлекательного, в обманчивости синей окраски предмета. В казахском, алтайском и татарском в русских пословицах примеров не найдено.

Англ.: *Blue are the far-away hills.* — Синие — это всегда далекие холмы. *True blue never stains.* — Истинная синь никогда не окрашивается. *There may be blue and better blue.* — Вещь вещи рознь, человек человеку рознь

Рус.: *Каков ни есть, а в синем.*

Другие хроматические цвета чаще встречаются в русских пословицах и поговорках, нежели в английских, казахских, алтайских и татарских.

Итак, проанализировав казахский, алтайский, татарский, английский и русский пословицы, в которых присутствуют оттенки и цвета, методом случайного отбора, можно сделать вывод что не всегда общепринятые представления совпадают с действительностью. Многие цвета, которые характеризуют в наших представлениях негативные действия, напротив, чаще употребляются с положительной коннотацией и, наоборот, оттенки, олицетворяющие положительные эмоции, порой используются в отрицательном значении. Также существуют пословицы, в которых цвета передаются на языке другой культуры с помощью какого-либо предмета или явления, то есть

приобретают образное значение. Суть такой трактовки заключается в том, чтобы сделать информацию более понятной и доступной для представителей иной лингвокультуры.

Литература:

1. Григорьева А. И. 1000 русских и английских пословиц и поговорок. М.: АСТ, 2010. 608 с.
2. Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках / А. Н. Кононов // Тюркологический сборник. М., 1975. С. 159–180.
3. Меметов А. Лексико-семантическая структура и фонетико-морфологические особенности цветочных прилагательных / А. М. Меметов // Востоковедный сборник. — Симферополь, 1997 — вып. 1. — С. 153–163.
4. Ойноткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: монография / Отв. ред. О. Н. Лагута. Новосибирск, 2012. 354 с.
5. Margulis, Alexander. Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings / Alexander Margulis, Asya Kholodnaya. North Carolina, Jefferson, 2000. 494 p.
6. Simpson, John. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs / John Simpson, Jennifer Speake. Oxford University Press, 2002. 364 p.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

К вопросу об идентификации *passer* в *Catull. 2* и *3*

Котова Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины

*Среди стихотворений Катулла два посвящены passer. В научном сообществе есть два основных направления понимания этого слова. Согласно традиционному толкованию, passer — это птенец, которого поэт подарил своей возлюбленной Лесбии. Орнитологическая идентификация птенчика неоднозначна: исследователи определяют passer как воробья, синего дрозда и неконкретизированную певчую комнатную птичку. Приверженцы альтернативного направления понимания видят в passer обценный смысл и считают, что passer — *membrum virile* лирического героя. В статье автор анализирует обе ветви трактовки этого слова.*

Ключевые слова: поэзия, римская литература, Катулл, *carmen 2*, *carmen 3*, *passer*

О стихотворениях неотериков мы имеем возможность судить лишь по текстам Катулла (I в. до н.э.), так как он единственный из поэтов этого кружка, чьи произведения сохранились в целом виде, а не отдельными фрагментами. Стихотворения Катулла были собраны в дошедшем до нас порядке уже после смерти поэта; хронологический и содержательный аспекты не были приняты в расчет — стихотворения сгруппированы на основании метрики.

Открывает сборник раздел, именуемый полиметрами; другое название этой части — *pugae* («пустяки», «шутки»). Здесь собраны стихотворения, написанные разными размерами. Что касается тематики, в числе *pugae* есть как резкие, обличительные стихи, так и шуточные, дружеские и любовные.

Среди полиметров есть два текста о *passer* — стихотворения 2 и 3. В научной литературе существует несколько трактовок слова *passer*, и данная статья посвящена анализу каждой из них, так как этот вопрос является принципиальным для интерпретации стихотворений 2 и 3.

Традиционное толкование понимает под *passer* птенчика, которого Катулл подарил своей возлюбленной Лесбии. Однако ряд исследователей усматривают в этом образе обценный подтекст, считая, что *passer* обозначает *membrum virile* лирического героя. Впервые на возможность такого объяснения намекнул в конце XV в. Анджело Полициано [16, р. 16–17]. В качестве аргумента он приводил эпиграмму Марциала XI, 6, последние три стиха которой будто бы подтверждают обценную интерпретацию.

Современники Полициано не восприняли его идею всерьез: Я. Саннадзаро [28, р. 144–145] высмеял ее в язвительной эпиграмме; М. — А. Мюре [22, р. 2] говорил об отсутствии веских аргументов для того, чтобы воспринимать «*passer*» не буквально; Ж. — Ж. Скалигер [29, р. 6] отмечал противостояние мнений Полициано и А. Турнеба,

но сам предпочел бы, чтобы они не затрагивали эту тему: «*docti quidem ambo, sed quos mallem hoc tacuisse*».

В XVII в. новый довод в пользу метафорического понимания привел И. Фосс, утверждавший, что греки часто использовали названия птиц для обозначения *membrum virile*, и, таким образом, *passer* в *carm. 2* имеет двойственный смысл; эта же аллегория находит продолжение в *carm. 3* (цит. по: [18, р. 188]). В это же время метафорического понимания придерживались Я. Дуза [8, р. 200] и Э. Форчеллини, который делает вывод о наличии у *passer* обценного значения на основании трех мест — *Catull. 2; 3* и *Mart. XI, 6* [10, р. 588]. Хотя большинство филологов XVII–XIX вв. придерживались традиционной точки зрения на этот вопрос [7, р. 2; 26, р. 23; 9, р. 5; 13, S. 1333; 27, S. 4; 21, р. 3;], в словаре Р. Клотца (очевидно, вслед Форчеллини) обценное значение слова *passer* документируется ссылками на *Catull. 2; 3* и *Mart. XI, 6* [20, S. 687].

В XX в. новый всплеск интереса к метафорическому пониманию этого образа возник после статей Э. Н. Дженовезе [12] и Дж. Джангранде [14]; к ним примкнули еще несколько ученых [5, р. 703, 706, 711–716; 23; 24; 25, р. 162; 6, р. 108; 16]. Обобщив их рассуждения, можно выделить три основных довода.

1. Некоторые сторонники обценного толкования продолжают оперировать пассажем Марциала [23; 16, р. 169]. Между тем Г. Д. Джослин справедливо замечает, что этот аргумент убедит только того, кто захочет быть убежденным. Кроме того, как подчеркнул Джослин, в латыни нет свидетельств употребления *passer* в значении «*membrum virile*». И хотя в некоторых контекстах *sinus* означает *cunpus*, *noscere / cognoscere — futuere, vorare / devorare — fellare*, не нужно искать такого рода подтексты повсюду [17, р. 423, 427–428].

2. Иногда обценный оттенок усматривают во фразе «*suamque porat / ipsam tam bene quam puella matrem*» (3,

6–7) [24; 16, p. 164], на что Дж. Н. Адамс резонно возражает: если бы *ogat* имело здесь метафорическое значение, то сравнение «*quam puella matrem*» стало бы абсурдно неуместным [3, p. 32–33].

3. Согласно Р. Хуперу, для Катуллы использование фривольной двусмысленности было таким же стилистическим приемом, как диминутивы или составные прилагательные [16, p. 175]. Однако этот аргумент вряд ли можно применить к *sgm.* 2 и 3. Процитируем А. К. Гаврилова: «Если то здесь, то там бьет в глаза у Катуллы грубая прямота, то отсюда совсем еще не следует, что тот же человек остальные произведения начинил темными намеками на то, о чем он предпочитает говорить просто» [1, с. 326].

Таким образом, гипотеза об обценном значении *passer* в катулловских *sgm.* 2 и 3 кажется нам совершенно небезительной.

Другая трудность связана с орнитологической идентификацией «птенчика». По мнению В. П. Смышляевой, *passer*, упоминаемый у Катуллы, — это ближе не определяемая певчая комнатная птичка [2, с. 117]. М. Шустер

конкретизирует: так называли не воробья (как часто считается), а синего дрозда, который распространен во всей южной Европе [30, Sp. 2368–2369]. *Passer* не может быть воробьем, так как, во-первых, эти птицы недоверчивы к людям и их очень сложно приручить [11, p. 88]; во-вторых, воробей не отличается ни красотой, ни очарованием пения. О. Келлер также понимает под катулловским *passer* синего дрозда [19, S. 80]; У. Дж. Арнотт, напротив, считает вполне вероятным, что у Лесбии был именно воробей (*passer domesticus*) [4, p. 228].

С нашей точки зрения, в стихотворениях Катуллы *passer* обозначает некую птичку, определить которую точнее не посчитал нужным сам поэт. В самом деле, воробьи не приручаются, а синий дрозд обладает такими явными достоинствами, как яркое оперение и мелодичное пение, которые Катулл непременно упомянул бы в своей похвале птенчику. Заметим, что в современных романских языках слова, восходящие к *passer* (румынское *pasăre*, испанское *rájaro*, португальское *passaro*) означают просто птицу.

Литература:

1. Гаврилов А. К. Структурализм и анаграмма (1982) // О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет. — СПб.: Изд-во С. — Петерб. ун-та, 2011. — С. 307–335.
2. Смышляева В. П. Римский поэтический авиарий. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — 126 с.
3. Adams J. N. The Latin Sexual Vocabulary. — London: Duckworth, 1982. — 272 p.
4. Arnott W. G. Birds in the Ancient World from A to Z. — London, New York: Routledge, 2007. — xiv + 288 pp.
5. Brenk F. E. Non primus pipiabat: Echoes of Sappho in Catullus' *Passer* Poems // *Latomus*. — 1980. — Vol. 39. — P. 702–716.
6. Dettmer H. Catullus 2B from a Structural Perspective // *Classical World*. — 1984. — Vol. 78. — P. 107–110.
7. C. Valerii Catulli Veronensis Carmina / Ann. perpet. ill. F. G. Doering. — Altonae: Sumtibus I. F. Hammerichii, 1834. — ix + 255 p.
8. Dousa I. Centurionatus, sive Plautinarum explanationum libri IV. — Francofurti: excudebat Joannes Suarius, impensis Petri Kopffii, 1602. — 410 p.
9. Ellis R. A Commentary on Catullus. — London: Macmillan and CO., 1876. — 516 p.
10. Forcellini A. Lexicon totius Latinitatis. 4 ed. T. 3. — Patavia: Arnaldus Forni excudebat, 1965. — 1032 p.
11. Fordyce C. J. Catullus: A Commentary. — Oxford: Oxford University Press, 1961. — 422 p.
12. Genovese E. N. Symbolism in the *Passer* Poems // *Maia*. — 1974. — Vol. 26. P. 121–125.
13. Georges K. E. Ausführliches Lateinisch-Deutsches Handwörterbuch. 7. Aufl. Bd 2. — Leipzig: Hahn, 1880. — 3213 S.
14. Giangrande G. Catullus' Lyrics on the *Passer* // *Museum Philologum Londiniense*. — 1975. — Vol. 1. P. 137–146.
15. Gruterus J. Lampas, sive Fax artium liberalium. Vol. 1. — Francofurti: E Collegio Paltheniano, Sumtibus I. Rhodii, 1602. — 1554 p.
16. Hooper R. W. In Defence of Catullus' Dirty Sparrow // *Greece & Rome*. 2 ser. — 1985. — Vol. 32. — P. 162–178.
17. Jocelyn H. D. On Some Unnecessarily Indecent Interpretations of Catullus 2 and 3 // *The American Journal of Philology*. — 1980. — Vol. 101. — P. 421–441.
18. Jones J. W. Jr. Catullus' «*Passer*» as «*Passer*» // *Greece & Rome*. 2 ser. — 1998. — Vol. 45. — P. 188–194.
19. Keller O. Die antike Tierwelt. Bd 2. — Leipzig: W. Engelmann, 1913. — xv + 617 S.
20. Klotz R. Handwörterbuch der lateinischen Sprache. 6. Aufl. Bd. 2. Braunschweig: Westermann, 1879. 1838 S.
21. Catullus / Ed. E. T. Merrill. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1893. — 336 p.
22. Catullus et in eum commentarius M. — A. Mureti. — Venetiis: Apud Paulum Manutium, Aldi filium, 1554. — 272 p.
23. Nadeau Y. Catullus' Sparrow, Martial, Juvenal and Ovid // *Latomus*. — 1984. — Vol. 43. — P. 861–868.
24. Idem. O passer nequam (Catullus 2, 3) // *Latomus*. — 1980. — Vol. 39. — P. 879–880.
25. Percy L. T. Catullus 2B: Or Not 2B? // *Mnemosyne*. 4 ser. — 1980. — Vol. 33. — P. 152–162.
26. Pohl J. Lectionum Catullianarum specimen: Diss. inaug. — Euskirchenae: Typis C. A. H. Rabuskii, 1860. — 63 p.
27. Catullus. Gedichte / Hrsg. und erkl. von A. Riese. — Leipzig: Kessinger Publ., 1884. — xliii + 288 p.

28. Sannazarius J. Opera omnia. — Francofurti: Hagen, 1709. — 183 p.
29. Scaliger I. Castigationes in Catullum, Tibullum, Propertium. — Lutetiae: Apud Mamertum Patissonium, 1577. — 252 p.
30. Schuster M. Valerius 123 // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. — 1948. — Bd 7A. — Sp. 2353–2410.

Национальная мифология в современном футурологическом романе (по роману Дмитрия Быкова «ЖД», 2006 г.)

Ляшенко Ольга Игоревна, учитель русского языка и литературы
МАОУ Лицей № 10 г. Перми

Важнейшей приметой современного общества в России является повышенный интерес к национальной идентичности. В условиях глобализации этническое расслоение стало ответной реакцией на всеобщую унификацию и стандартизацию.

В эпоху постмодернизма возник новый, постнеклассический подход к пониманию нации как «воображаемого сообщества»: «оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности». [1]

Согласно этому подходу, национальная идентичность формируется с помощью различных дискурсивных практик, в первую очередь — СМИ, рекламы, искусства и литературы, и потому является своеобразным медийным проектом, нарративом, перформансом.

Авторы современных футурологических романов активно эксплуатируют поиски национальной идентичности, используя как основу «русскую идею» (В. Сорокин «День опричника», «Сахарный кремль»), антилиберальные настроения (П. Крусанов «Американская дырка»), мифологизируя существующий этнос (О. Славникова «2017»), моделируя народы (Д. Быков «ЖД»).

В своем романе «ЖД» Д. Быков моделирует три этноса: варяги, хазары и коренное население. В сценарии будущего, предложенном этим автором, Россия оказалась выброшенным из мирового процесса государством, на территории которого происходит гражданская русско-еврейская война.

Все три народа вписаны в два пространства — реальное и мифологическое. В современном понимании мифы утратили свое назначение универсального толкования мира. Они обрели подвижность, способность меняться в зависимости от политических и идеологических потребностей общества. Исследователь современных политических мифов Б. Дубин помимо содержательных функций выделяет в новых мифах функции формальные — «тотализации и стилизации значений, идей, верований», а в их структуре предлагает разграничивать два плана — «семантический» (образы, фигуры, «сюжеты») и план «синтаксический»,

функция которого — соединение разнородных представлений и придание им целостного характера» [2]. В романе «ЖД» Быков демонстрирует эту тенденцию к переосмыслению мифов, подчинению их определенной национальной идеологии, подчеркивает их способность к пропаганде, продвижению в массы каких-либо идей.

Изображая борьбу варяг и хазар, Быков демифологизирует оппозицию Восток-Запад, создавая новую мифологию — вечную борьбу Севера и Юга в России, согласно которой прошлое страны представляет собой непрерывный процесс смены захватчиков. Оппозиция варягов и хазар демонстрирует современную тенденцию к обозначению категории «другого» для формирования национальной идентичности. То есть для осознания нации себя как таковой обязателен образ врага, противника: «национальный нарратив всегда оспаривается наличием других нарративов» [3]

Элементы семантического плана мифологии варяг заимствованы из скандинавской, славянской и греческой мифологий. Варяги, они же россы, — это выходцы северной страны Гипербореи, потомки арийцев. Они отрицают христианство, поклоняются скандинавскому верховному божеству Одину, покровителю воинской элиты; в тексте он отождествлен с древнеславянским богом Велесом, который, согласно славянским мифам, привел мир в движение. Варяги имеют свой молитвенный ритуал, обязательными атрибутами которого являются свастика и ледяной кристалл. Синтаксически все элементы варяжской мифологии подчиняются двум значениям: «север» и «война».

И. Сандомирская в «Книге о Родине» развивает мысль о том, что популярной технологией в создании образа родины является «корнесловие»: «желание остановить время в слове, отыскав в последнем признаки универсальных и первоначальных — т.е. сохранившихся, несмотря на разрушительность действия времени — следовательно, вечных смыслов». Оно имеет явные политические и исторические задачи — толкование известных слов в нужном идеологическом ракурсе. В романе Быкова демонстрируется эта возможность идеологизации и мифологизации языка. Так, например, в сознании варяг река Нара,

город Норильск, самовлюбленный Нарцисс, армейская кровать — нары являются однокоренными словами, мотивируемыми единой семантикой — Норд, то есть север.

Северная мифология варягов в тексте становится основой для создания стереотипов русского национального дискурса. Она формирует стандарты поведения и образа жизни варягов: пропаганда воинского духа, жизнь по уставу, нивелировка личности, культ посмертной славы, гиперболлизированный до абсурда патриотизм. Варяги — сторонники жесткой тоталитарной власти. Быков сатирически обрисовывает образы варяжских офицеров, выдавая за их главные черты откровенную глупость, бездушность, крайнюю жестокость. Речь этих героев, состоящая из смеси церковнославянского языка, канцелярских штампов и оборотов воинского устава, производит комический эффект.

В противовес варягам, хазары — народ южный. Смысловой доминантой их мифологии является богоизбранность, позиционирование себя как народа страдающего, незаконно лишённого родной земли и вынужденного скитаться. Их национальная идентичность носит намеренный перформативный, показной характер. Хазары интерпретируют русские былины в рамках своей национальной мифологии, создавая новых культурных героев — Элию Мур-Омэц и Саул-Овэй. Русских писателей-классиков они также встраивают в парадигму своего и чужого нарратива. Все это Быков подает как некий абсурд, сатирически осмысливая их идеологию. Хазары — аллегорическое воплощение современных нам либералов-демократов. Это свободолюбивый, раскрепощенный народ, ценители богемной жизни, интеллектуальная элита, пропагандирующая гуманистическую идеологию, приверженцы комфорта и потребительского

Таким образом, Быков отвергает две наиболее популярные сегодня, полярные политические идеи развития

России — русскую (крайне националистическую) и западноевропейскую (крайне либеральную). По Быкову, первая приведет к самоистреблению, вторая — к массовому растлению. Поэтому автор моделирует некий новый народ, за которым ему видится будущее страны. Это коренное население, безразличное к многовековой борьбе, происходящей на их законной территории.

Мифология коренного населения не является политизированной и сохраняет функцию универсального объяснения мира. Основой ее является культ круга и двойственность мироздания. Поэтика и структура романа также строятся по принципу двоичности. Книга состоит из двух частей. Пространство романа сведено к двум локализованным центрам, между которыми передвигаются герои — деревне Дегунино — символу плодородия, щедрости и полноты жизни — и противопоставленной ей деревне Жадруново — символу неизведанного, пугающего, смертельного. Герои появляются и существуют в тексте также попарно.

У коренного населения есть свой тайный язык. Как древний архетип, этот язык заложен в их сознании, и с помощью него коренные отличают своих от чужих.

Поклонение кругу объясняет то, что коренное население никак не борется со своими захватчиками, не пытается прорвать круг истории.

Изображая этническое расслоение России и внутреннюю борьбу за власть, Быков доказывает, что история России как нации еще не началась, а будущее автор видит за самым угнетаемым народом.

Итак, национальная мифология в романе Быкова является средством моделирования идеологии трех народов. Она оказывает влияние на сознание масс, создает стандарты поведения, стереотипы мышления, шаблоны мировоззрения.

Литература:

1. Андерсон Б. «Воображаемые сообщества» (www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php — 29к -)
2. Дубин Б. «Интеллектуальные группы и символические формы» (yanko.lib.ru/books/cultur/dubin-1.htm)
3. Лукина А. Новые подходы к исследованию национальной идентичности / А. В. Лукина // Известия Уральского государственного университета. — 2004. — № 33.

Образы комедии Гоголя в судьбах героев и в сюжете романа В. Шарова «Возвращение в Египет»

Меладшина Юлия Владимировна, аспирант
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Роман В. Шарова «Возвращение в Египет» построен на взаимодействии с текстами Н. В. Гоголя, формирующими канву, на которой создается текстовое пространство современного романа. В центре романа двоюродный праправнук писателя и его полный тезка — Николай Ва-

сильевич Гоголь (Второй) — и его переписка с потомками рода Гоголей. Роман имеет подзаголовок «Выбранные места из переписки Николая Васильевича Гоголя (Второго)». В основе сюжета романа — необходимость дописать второй и третий тома поэмы «Мертвые души», за-

вершить труд Гоголя, указав тем самым путь к спасению России.

«Возвращение в Египет» интертекстуально взаимодействует с различными гоголевскими произведениями, среди которых поэма «Мертвые души», публицистический сборник «Выбранные места из переписки с друзьями», повести «Нос», «Старосветские помещики», «Шинель», «Записки сумасшедшего», «Миргород». Но особое место в сюжете и в символическом плане книги Шарова занимает комедия «Ревизор».

Речь о комедии заходит с первых страниц романа. Подобно Гоголю, который начинает свой поиск пути к спасению России с «Ревизора», герои «Возвращения в Египет» в самодеятельных постановках этого произведения ищут возможности реализации спасительной миссии.

Накануне революции в родовом поместье Сойменка каждый год собирается клан Гоголей, чтобы исполнить свое предназначение, исправить ошибки прошлого и завершить невыполненную великим предком миссию. Постановки комедии «Ревизор» становятся не только актом осмысления, но и неким обрядом посвящения для юных представителей рода. «Эти ежегодные сборы позволяли не забывать, для чего мы едим, пьем, любим и рожаем детей, просто топчем землю, хоть как-то держали нас в форме» [Шаров, 119]. «Ревизор» становится отправной точкой, с которой начинается ознакомление с гоголевским творчеством, как с семейной тайной и долгом.

О чрезвычайной важности комедии в тексте романа можно судить уже по тому факту, что краткая характеристика основных героев романа дается в контексте исполняемых ими ролей в домашних постановках. Так, например, «дядя Петр (сойменский Осип) <...>; дядя Ференц (в Сойменке Держиморда) <...>; дядя Януш (Бобчинский) <...>; дядя Святослав (он же уездный лекарь Гибнер) <...>; Кирилл Косяровский (почтмейстер) <...>; дядя Юрий (в «Ревизоре» играл полицейского Свистунова) <...>; тетя Александра (она же Пошлепкина — слесарша) <...>; дядя Евгений. В Сойменке играл зрителя училищ Хлопова <...>; дядя Артемий Фрязов (Мишка, слуга городничего)» [Шаров, 32]. С первых страниц романа герой подается сквозь призму гоголевского «Ревизора». При этом зачастую его характер является зеркальной противоположностью характера персонажа комедии.

Например, дядя Петр, играющий чрезвычайно важную роль в жизни своего племянника — Коли Гоголя Второго, который является центром притяжения в этом эпистолярном романе, на орбите этого будущего спасителя России вращаются остальные персонажи в разной степени удаленности. Петр выступает в роли наставника Коли, он «гоголевед, крупный специалист по раннему Гоголю. Колин главный корреспондент. С ним самые доверительные отношения» [Шаров, 30]. Петр с ранних лет готовит племянника к исполнению его миссии, Коля пишет: «Учусь у дяди Петра читать Гоголя внимательно, с карандашом, с выписками. Мнение, что второй том «Мертвых душ» — это как бы Чистилище, мне нравится» [Шаров,

87]. Он становится проводником Коли не только в мир гоголевского творчества, но и посвящает Колю в семейные тайны клана Гоголей. В частности, рассказывает о происхождении бывшей возлюбленной Коли — Соне: «Скотница Краля, с которой у него [отца Коли — прим. Ю.М.] был столь страстный лошадиный роман, была не кто иная, как давняя соперница Маши Гоголь [мать Коли — прим. Ю.М.] — дочь Шептицкого Ксения. Ко времени приезда твоего отца в Сойменку у Ксении уже был ребенок, девочка лет четырех от роду, нетрудно догадаться, что ты ее знаешь под именем Соня» [Шаров, 534]. Петр, изначально разделявший точку зрения, что «мы не можем дописать» «Мертвые души», потому что с каждым поколением кровь Гоголей разжижается и разжижается» [Шаров, 76], дает благословление на этот союз своему племяннику: «Так что решайтесь и заводите ребенка. Со времен Николая Васильевича это будет первый младенец, в котором, как мы и мечтали, кровь Гоголей не разбавится» [Шаров, 535]. Впрочем, состояться этому браку не суждено и долгожданный потомок Гоголя не будет рожден.

Опираясь на комментарии самого Гоголя («Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьёзно; смотрит несколько вниз, резонер и любит самому себе читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с бариним принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить, и молча плут» [Гоголь, 9–10]), можно увидеть параллели между героем Шарова — Петром — и Осипом. Подобно Осипу, который оказывается мудрее, прозорливее своего молодого барина (именно он настаивает на скорейшем отъезде из города, опасаясь разоблачения и погони: «Оно хоть и большая тут честь вам, да всё, знаете, лучше уехать скорее... Ведь вас, право, за кого-то другого приняли» [Гоголь, 68]), Петр делится с Колей житейской мудростью, но, в силу особенностей характера, он делает это деликатно, не навязывая свои идеалы, давая время, чтобы мнение подопечного само сформировалось. Таким образом, интеллигентный, образованный, умный, искренне любящий своего юного родственника дядя Петр становится перевернутым отражением хамоватого, грубого и пронырливого Осипа.

В некоторых случаях судьба сценического персонажа переносится на реальную жизнь героя. Причем это совмещение столь существенно, что настоящее имя утрачено и даже в переписке между родственниками человек становится персонажем «Ревизора». И тогда герой Шарова либо полностью повторяет судьбу гоголевского персонажа, либо проживает ее по принципу «от противоположного». Примером прямого калькирования становится судьба безымянной актрисы, игравшей роль Марьи Антоновны. «У Марьи Антоновны жизнь не сложилась, она старая дева. Грешно шутить, но Хлестаков убежал, и больше никто на нее так и не позарился» [Шаров, 166]. Любопытно, что даже изломанную судьбу женщины, герои переписки объясняют сюжетом комедии. Примером пере-

вернутой кальки является героиня Шарова, игравшая унтер-офицерскую вдову. Ее жизнь, вопреки сценическому образу, сложилась «лучше некуда. Двое детей, муж дирижер, сама же она довольно известная в Башкирии пианистка» [Шаров, 166]. Социальный статус гоголевского персонажа антонимически обыгран в романе: вдова — счастливая жена, вдова представителя низших военных чинов — представительница интеллигенции, безвестная оскорбленная женщина — прославленная пианистка.

Примечательно, что в романе Шарова, отсутствует упоминание о герое, игравшем Хлестакова. Между тем, к этому гоголевскому персонажу в полной мере относится характеристика И. Я. Кронеберга: «Главное лицо драматического творения есть центр пьесы. Около него обращаются все прочие лица, как планеты около Солнца. Притягательная сила центра не позволяет им разобщиться; сколь далеко ни отступают, к центру возвратиться должны» [Кронеберг, 91]. И, тем не менее, в романе нет свидетельств о том, кто играл роль этого центра и «Солнца», причем это касается всех трех подробно описанных соименных спектаклей (1913, 1915 и 1916 годов).

О сложности роли Хлестакова Гоголь говорил много раз. Натура Хлестакова двойственна: в нем сочетается простое человеческое начало — лгун и «пустышка», и стихийное — поток неконтролируемой энергии, «вдруг развернулся неожиданно для самого себя. В нем все — сюрприз и неожиданность» [Гоголь, с. 115–117]. Хлестаков предстает не просто пустым человеком, он являет собой некую фантазмагорию, которая «как лживый олицетворенный обман унеслось вместе с тройкой бог весть куда...» [Гоголь, с. 118]. В амбивалентности образа Хлестакова проявляются черты сложной натуры самого Гоголя.

В романе неоднократно подчеркивалось, что изображенные Гоголем герои — это персонифицированные свойства человеческой, в том числе его, Гоголя, собственной души. Оба ревизора — мнимый (Хлестаков) и подлинный (чиновник по особым поручениям) — это, по мнению Тхоржевского, одного из режиссеров романа, две ипостаси самого Гоголя.

Разнообразие личин и ликов Хлестакова неоднократно предъясняется в романе: Хлестаков расценивается и как лже-пророк, и как антихрист, и как слух, пущенный, «дабы расшевелить болото» [Шаров. С. 84], и как «птичка заморская, яркая, к тому же певчая», «склевал, что ему насыпали, и скрылся. Никаких козней не строил, плохого тоже вроде бы не хотел, — а так по всем прошелся, что уже и не склеишь» [Шаров. С. 83]. Данные характеристики переключаются с чертами Гоголя, который выступает в роли пророка, чья истинность или ложность не установлена. Он «играл словами, в святая святых, на алтаре мешал Божественное с тварным, оттого все и посыпалось» [Шаров. С. 110].

Образ Хлестакова в романе неразрывно связан с темой самозванства и категориями истинности и ложности. И в этом контексте черты Хлестакова проступают в Василии Паршине — отце Коли.

Родители матери Коли были одержимы идеей «сгущения» крови Гоголей и «жениха для нее готовы были искать лишь среди потомства Псиоловых, Косяровских, Лукашевичей, то есть своей ближайшей родни» [Шаров, 76–77]. Однако судьба распорядилась иначе, и в захваченном Красной армией Новочеркасске Мария Гоголь по жребии становится «революционной женой» безымянного и безродного Василия Паршина, который подобно Хлестакову, ворвался в тихий, налаженный и понятный быт клана Гоголей, перепутал все планы и смешал карты. Причем сам Паршин это прекрасно понимал: «Отец как будто гордится, что я Гоголь, а не Паршин, и его фамилия во мне не продлится. <...> В том же разговоре он бросил, что был среди нас »рыжим«, ломал всю игру» [Шаров, 38].

Так же, как и Хлестаков, Паршин появляется внезапно и столь же стремительно исчезает из жизни Марии. Сам Гоголь указал Хлестакову его путь и единственно верную стратегию поведения: «не засиживайся, вовремя уноси ноги» [Шаров, 84]. Как и Хлестаков, Паршин «пустится в бега» — примкнет к секте бегунов и навсегда порвет с оседлым образом жизни. «Побег от греха» становится основой мировоззрения бегунов. Бегунский наставник Паршина, а затем и Коли, Капралов, «не любит Гоголя, хотя признает, что боком он из бегунов. Даже считает чем-то вроде наставника, а Хлестакова с Чичиковым его учениками. <...> И им, и ему было легко, покойно в дороге» [Шаров, 52].

«Самозванный» жених не принес невесте счастья, зато в этом браке родился сын, который стал носить «правильное» отчество — Васильевич — необходимое для того, чтобы все фрагменты головоломки рода Гоголей сошлись и ожидания избранного потомка сбылись. Тем не менее, сам Коля в определенной степени ощущает неправомерность провозглашения себя «мессией»: «Хотя с пеленок я и ношу знаменитую фамилию, прав у меня на это не много. Мать, урожденная Гоголь-Быкова, действительно принадлежала к этому роду, отцом же моим был крестьянин-бедняк из села Стриженово Калужской губернии Паршин Василий Христофорович» [Шаров, 78]. Однако он наследует не только фамилию Гоголь (кстати, тоже вопреки традиции, ведь это фамилия матери), но и «ген самозванства» своего отца, что впоследствии обернется невозможностью выполнить миссию: дописать «Мертвые души» и тем самым спасти Россию.

Как отмечает Е. А. Рыжова: «Самозванство всегда присуще только странной, переходной, маргинальной личности. Человек »с родословной, определенный, довлеющий себе характер« чужд самозванству» [Рыжова, 207]. Пришедший «из народа» и нежеланный член клана Гоголей — Паршин, ощущая свою инаковость, тем не менее утверждает, «что среди нас, Гоголей, он не случайный человек. Николай Васильевич очень бы его одобрил. Таким, как отец, он и в »Ревизоре«, и в »Мертвых душах«, и в »Выбранных местах« давал самое почетное место» [Шаров, 458].

Паршин сам ощущает свою близость не только к Хлестакову, но и к иным «самозванцам» гоголевского твор-

чества. Примечательно, что упоминание «Выбранных мест из переписки с друзьями» ставит Паршина в один ряд не только с персонажами произведений, но и самим автором: «Прямо на глазах публики он [Гоголь — прим. Ю.М.] с ловкостью фокусника жонглировал масками, одну за другой нахлобучивал на себя, снимал, но и после конца представления никто не имел понятия о его настоящем лице. Даже не мог сказать, было ли оно вообще. То он глумился над Россией, как раньше не смел никто; <...> и тут он вдруг объявлял, что речь, что в «Ревизоре», что в «Мертвых душах» идет не о России, а о его собственной измученной, мятушейся душе. И снова никто ничего не понимал» [Шаров, 110]. Любопытно, что и в «Выбранных мест» Гоголь вновь предстает пересмешником-Хлестаковым: «В «Выбранных местах» он повторил мельчайшие черточки и ужимки консерваторов, весь их словарь, обороты и фиоритуры речи, но по свойству своего таланта все так преувеличил, привел в такой гротеск, что, кажется, поглумился над ними даже больше, чем раньше над Россией. Читая его «Выбранные места», славянофилы были смешны себе, им казалось, что следом станет хохотать и уже не сможет остановиться вся Россия, но дело обошлось» [Шаров, 111].

Таким образом, Коля получает «ген самозванства» и от отца, и от матери — прямой наследницы Гоголя, изначально запустившего процесс самодеятельного спа-

сения России и не справившегося ношей, которую на себя взвалил. Г.Л. Тульчинский отмечает: «Самозванство неизбежно, как собственная тень, на борьбу с которой обречен человек, как тень души, тень сердца, отбрасываемая на реальность, которая уничтожит эту реальность, превращая в фантомы и призраки» [Тульчинский, 4]. Именно такую борьбу можно заметить в позднем творчестве Гоголя (например, дискредитация прежних комментариев комедии «Ревизор» и попытка наполнить новым смыслом старое произведение; смена направления деятельности — из писателя в проповедника), такую борьбу проживают герои романа, пытаясь решить в контексте ветхозаветного Исхода, самозванный мы народ или «взаправду избранный» [Шаров, 123]; такую борьбу переживает Коля Гоголь, когда перенимает эстафету своего предка, уверовав в свою избранность и пытаясь исправить трагические ошибки прошлого. Но все попытки окажутся тщетны. Самозванство и мессианство не тождественные понятия: «В мессианстве все-таки преобладает при-званность, посланничество. А здесь именно — само-званство» [Тульчинский, 4].

Подводя итог, можно сказать, что «Ревизор» для героев Шарова выступает по меньшей мере в трех аспектах — как важнейшее явление в творчестве Гоголя, как факт их собственной биографии, как источник идей самозванства, странничества и избранности.

Литература:

1. Гоголь Н.В. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора» // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1952. — Т. 4 Ревизор, 1951. — С. 112—120
2. Гоголь Н.В. Полн. академическое собр. соч. и писем: В 14 т. — М. — Л.: АН СССР, 1951. — Т. 4: Ревизор. — 552 с.
3. Кронеберг И. Я. Амалтея, или Собрание сочинений и переводов, относящихся к изящным искусствам и древней классической древности»: в 2 ч. — Харьков, 1825. — Ч 1. 475 с.
4. Рыжова Е. А. Феномен самозванства. Генезис и истоки. История изучения. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2009. — № 10. — С. 205—208.
5. Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. — СПб. РХГИ. 1996. — 412 с.
6. Шаров В. А. Возвращение в Египет. — М., 2015. — 759 с.

Своеобразие буржуазного общества в романе Джона Голсуорси «Собственник»

Никонов Семен Семенович, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В статье представлен анализ главных образов романа Джона Голсуорси «Собственник». Для писателя оплотом к его замыслу и построению стала традиция реализма. Показывая самые типичные образы буржуа, писатель дает полную картину царившего уклада жизни в XIX веке, преследуя цель развеять и разрушить ее к веку XX.

Ключевые слова: английская литература; образ буржуа; семейно-бытовая хроника; Сага о Форсайтах; Джон Голсуорси

Творчество английского писателя Джона Голсуорси было посвящено анализу класса крупной английской буржуазии рубежа XIX-XX веков, которое является высшим до-

стижением реалистической прозы того периода. Интерес к его многотомной эпопее «Сага о Форсайтах», а в частности к роману «Собственник», не утихает и по сей день.

Ежегодно публикуются научно-исследовательские статьи, в которых анализируются произведения Голсуорси. Наша статья будет посвящена анализу образов буржуазного общества, которое показано в романе «Собственник».

Название «Сага о Форсайтах» предназначалось для одного романа, но потом автор превратил его в название целого цикла, состоящий из 6 романов. Слово «сага» впервые появилось в Средневековье и означает древне-скандинавское поэтическое сказание, которое воспевае героизм. Английский писатель поместил это слово для иронической окраски клана Форсайтов, которые вовсе лишены героизма.

В первую очередь, Джон Голсуорси акцентирует внимание читателя на общей черте внешности этого семейства: выдающийся вперед мощный подбородок — деталь, которая характеризует Форсайтов как людей стойких, с жизненной хваткой и с силой воли. Им присуще осторожность, недоверие и инстинкт самосохранения, которые автор причисляет к «законам самой природы» [1, с. 53]. Этот же природный закон становится первоосновой для создания внешнего портрета героев. Писатель отождествляет Форсайтов с животными-хищниками: «Высокомерная птица» [1, с. 143]; «высокая грудь, как у зобастого голубя» [1, с. 15]; «фыркают подобно животным» [1, с. 9]. Да и сами очертания героев напоминают животных: «длинные ноги, длинные пальцы» [1, с. 13], что говорит о способностях героев захватывать и подчинять.

Благодаря своим индивидуальным чертам, каждый персонаж из семейства Форсайтов запоминается читателю. Например, старый Джолион является высоким, стройным англичанином, который представляется читателю опрятным и аккуратным человеком. Суизин противопоставлен старому Джолиону — невысокий, упитанный человек, с аристократическими замашками, который любит хорошо поесть и выпить.

Форсайты гордятся своим предком Доссетом Форсайтом — простым строителем-каменщиком, перебравшимся в Лондон и добившимся небольшого состояния в размере 30 тыс. фунтов на склоне своих лет, которая стала фундаментом для нынешних поколений семейства. Ныне Форсайты принадлежат к классу буржуазии, занимают высокое положение в обществе и имеют финансовое могущество — это поставило их в определенные рамки законов и правил, которые они не могут и не хотят переступить. Они соблюдают все традиционные морально-нравственные предписания и инструкции викторианского общества XIX века: «аккуратно посещали самые фешенебельные храмы столицы... весьма практически выражая этим свое сочувствие учению Христа» [1, с. 25]; их квартиры и дома располагаются в самых элитных районах Лондона; обладают хорошими манерами и этикетом; являются членами закрытых клубов. Главой семьи и одновременно эмблемой класса буржуа в произведениях английского писателя является старый Джолион — «воплощение умеренности, порядка и любви к собственности» [1, с. 35].

Описывая внешнюю оболочку благополучия и благосостояния, Джон Голсуорси переходит к внутренней характеристике своих героев. Например, Старый Джолион «оставался самым одиноким стариком во всем Лондоне» [1, с. 35]. Единственным близким человеком он считал свою внучку Джун, с отцом которой он не встречался на протяжении четырнадцати лет, в знак протеста против его брака. Молодой Джолион — художник и вольнодумец, выпускник Итонского колледжа и Кембриджского университета, трижды был женат, единственный персонаж из семейства, который смог преодолеть рамки своего класса, чем отец втайне был рад, потому что «считал людей своего класса сбродом» [1, с. 27]. Или, например, Тимоти — «самый осторожный человек Британии» [1, с. 33], это еще доказывает то, что он практически не появляется на общих собраниях семейства, тем самым избегая волнующих и сотрясающих «вестей», которые могут пошатнуть его здоровье. Или то, что у героя Суизина иногда проявляются причуды (прокатиться с Ирэн) несмотря на его уже пожилой возраст. При этом он является самым примитивным Форсайтом и автор даже отмечает: «...из всех братьев он [Джемс] был наименее примечателен как по уму, так и по индивидуальности и именно поэтому имел все шансы на бессмертие» [1, с. 67].

От среднего класса, Форсайтов отличает не только материальное благосостояние и высокое социальное положение, но и присутствие в них интеллекта и образованности. Голсуорси не раз говорит о влиянии литературы на формирование личности Форсайтов. Например, главный герой романа «Собственник» — Сомс «был большим любителем романов» [1 с. 61]. Однако, в произведениях искусства семейство видит только их материальную ценность. Так, например, Джемс, постукивая пальцем по фарфоровой вазе, выносит вердикт: «Не настоящий Вустер» [1, с. 14]. Или спор о мраморной группе Суизина, в котором обсуждают только о его стоимости: «Двухсот бы не дал!» [1, с. 38] — заявляет старый Джолион.

Прием иронии в создании образов романа «Собственник» играет немаловажную роль. Повествование начинается в очень серьезном тоне, а завершается полным разрушением этой же серьезности. Например, Джемс вначале описан как: «самый здравомыслящий человек Лондона» [1, с. 67], а затем: «при малейшей боли в ухе он готовился к смерти» [1, с. 68]. Или то, как Джемс жалуется, что не может сомкнуть глаз всю ночь, затем «он повернулся на другой бок и сейчас же захрапел» [1, с. 72].

Таким образом, при создании образов романа «Собственник», Джон Голсуорси использует множество приемов, самые основные из них:

— Ирония, проходящая красной нитью в романе, является доминирующим. Тем самым писатель показывает авторскую позицию в отношении к буржуазному обществу викторианской эпохи.

— Детализация. Характерная для реалистической прозы XIX века, когда на смену развернутым описаниям

внешности пришли портреты, отмечающие какую-то одну, но очень важную в смысловом отношении деталь.

— Сравнение. Противопоставляя героев друг с другом, а также сравнивая их с представителями животного мира, писатель подчеркивает те качества, которые им свойственны.

Литература:

1. Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. / пер. с англ. — М.: Изд-во ЭКСМОПресс, 2000. — 800 с.

Основные черты творчества В. Я. Брюсова

Никонов Семен Семенович, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В статье предпринимается попытка выявить основные черты творчества Валерия Брюсова. Мы приходим к выводу, что характерной чертой поэтики Брюсова является стилевая всеохватность, энциклопедизм и экспериментаторство, его лирический субъект многолик и многогранен. Он использовал строгую, четко очерченную композицию стиха, но при этом искусно использовал литературные тропы и приемы. Это делает его символическую лирику полновесной и в некотором смысле совершенной и по форме стихотворения, и по его содержанию.

Ключевые слова: В. Я. Брюсов, символизм, творчество, мифология, урбанизм, мировоззрение, стихотворения

Валерию Яковлевичу Брюсову, бесспорно, принадлежит одно из центральных ролей в истории русской литературы рубежа XIX–XX веков. Удлиненный, на все пуговицы застегнутый черный сюртук, белоснежный воротничок, скрещенные руки на груди — такими скромными и лаконичными штрихами Брюсов ковал собственную фигуру «законодателя вкусов», «мэтра» и «мага» в кругах русской интеллигенции. Нередко его нарекают вождем русского символизма, но, тем не менее, он выходил за рамки символизма, не нуждался в нем. Исследователи выделяют четыре периода:

1. 1890 годы. Время, когда поэт увлекается французским символизмом (Шарль Бодлер, Поль Верлер, Стефан Малларме), которое отразилось в сборниках «Русские символисты».

2. Второй этап обозначают «урбанистическим», который представлен следующими сборниками: «Tertia Vigilia» («Третья Стража», 1900), «Urbi et Orbi» («Городу и Миру», 1903), «Stephanos» («Венок», 1906) и «Все напевы» (1909).

3. «Академический» период. Поэзия Брюсова уже не взлетает до возвышенного жизнеутверждающего пафоса «Stephanos». В сборниках этого периода («Зеркало теней» (1912), «Семь цветов радуги» (1916), «Девятая камня» (1916–1917), «Последние мечты» (1920)) поэт не перестает прославлять человека-труженика, смелого искателя и творца свободы.

4. Заключительный период — «академический авангардизм». Лирика после революции представлена сборниками «В такие дни» (1921), «Миг» (1922), «Дали» (1922) и посмертным сборником «Меа!» («Спешите!») (1924).

Для Голсуорси оплотом к его замыслу и построению стала традиция реализма. Показывая самые типичные образы буржуа, писатель дает полную картину царившего уклада жизни в XIX веке, преследуя цель развеять и разрушить ее к веку XX.

Несомненно, каждый этап творчества индивидуально специфичен и отличается от остальных периодов, но мы попытаемся выявить самые основные и характеризующие черты всей лирики Брюсова, которые присутствуют во всех четырех этапах его творчества.

Для начала важно отметить противоположные моменты или, лучше сказать, начала, в творчестве Брюсова. Читая лирику поэта, мы обращаем внимание на контрастное содержание: оптимистическое — воспевание чувства любви, призывы к борьбе за свободу, к героическому существованию и возрождению человечества; пессимистическое — упаднические (décadent) настроения, бездушные и мотив «бегства», смерть как спасение от рабства, отвращение к повседневной жизни. Лирический герой у Брюсова то сильный человек, который избран на героические подвиги, то — одинокий человек, потерянный и не видящий другого пути, кроме как пути к смерти.

Что касается формы стихов Брюсова, то поэт время от времени стремится к инновациям, экспериментирует со стихосложением (вольный стих, моностих, верлибр, тонический стих и т. д.), стараясь ввести новшество в русскую поэзию, то обратно возвращается к классическим формам (катрен, рондо, рондель, триолет и т. д.).

Даже в его критических и научных статьях видится эта противоположность. Еще в начале XX века Брюсов относился к научному методу критически и уже к 10-ым годам он реабилитирует науку, равняя ее с искусством. В 1909 году, приветствуя теорию «научной поэзии» французского поэта-инструменталиста и декадента Рене Гиля, он согла-

шался с ним в том, что «между наукой и искусством различие только в тех методах, какими они пользуются» [1, с. 426]. У науки — метод аналитический, а у искусства — синтетический. Конечная цель обоих — познание мира.

Несмотря на такую антитезу в характере творчества Брюсова, можно выделить два центральных тематических направления его произведений: первое — исторические и мифологические сюжеты, имена богов и легендарных героев, и второе — портрет города, как символа современной культуры и цивилизации.

Первое направление представляет собой своеобразную летопись мировой истории и «пантеон» брюсовской поэзии. Поэт создает целую галерею романтических портретов реальных и вымышленных героев прошлого. В его стихах, не переставая мелькают персонажи греко-римской мифологии и цивилизации. Образы Зевса, Афродиты, Тезея, также Александра Македонского, Юлия Цезаря, Клеопатры и многих других представляют собой образы-символы, которые помогают поэту поднимать вечные темы человечества: любовь, свобода, личность и т. д. Его непреодолимо тянуло к мифологическим архетипам, вечным образам и характерам, которым так было богато греко-римское искусство. Несмотря на определенные трансформации, которые в поэзии Брюсова претерпевают мифологические образы и сюжеты, миф привлекает его в первую очередь как часть великой культуры прошлого. Для Брюсова миф интересен в своем первоначальном виде, и потому он стремится сохранить его во всех основных чертах в своей поэзии. Для него предания и легенды прошлых веков, также образы, изображенные в них, сильны как раз своей устойчивостью к переменам, неизменностью. В мифах и легендах Брюсов копался в поисках того образа настоящего героя, на примере которого можно было со всей полнотой раскрыть актуальные темы рубежа XIX-XX столетий, а также определить истинные ценности человечества, сплетая тем самым прошлое и настоящее. Это подтверждает фрагмент риторического обращения к Психее из одноименного стихотворения, где поэт констатирует те ценности жизни, которые делают человека человеком:

*И на пиру богов, под их бесстыдный смех,
Где выше власти все, все — боги да богини,
Не вспоминала ль ты о днях земных утех,
Где есть печаль и стыд, где вера есть в святыни!*
(1898) [2, с.39]

Или отрывок из стихотворения «Служителю муз», где автор передает истинную ценность короткой, но яркой человеческой жизни:

*Пусть боги смотрят безучастно
На скорбь земли: их вечен век.
Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек!*
(1907) [2, с.130]

Однако в обращении Брюсовым к мифологии мы не видим самоцель, скорее это увязывается с его идейно-эстетической философией. Символика исторического мифа служит, по мнению поэта, объяснением и пониманием «человеческой природы и деяний человека» [1, с. 259].

Второе направление его поэзии — это звонкое эхо городской жизни, ее пейзажей и событий. Являясь одним из первых поэтов-урбанистов, Брюсов посвятил множество стихотворений именно образам современного города. Раскрывая городскую цивилизацию, и подробно показывая ее жизненный процесс, Брюсов обращает свое внимание на тему будущего. Он показывает те процессы, которые неизменно последуют за прогрессом.

На фоне городского ландшафта, Брюсов воспевает человеческий разум и его место в мире, применяя множество красочных и разного рода литературных тропов, он передает душевный и умственный рост человека, являющегося частью материального мира, но все же преклоняющемуся не ему, а своему сердцу и душе. Показательным стихотворением Брюсова на эту тему, считается «Сумерки»:

*Горят электричеством луны
На выгнутых длинных стеблях;
Звенят телеграфные струны
В незримых и нежных руках;*

*Круги циферблатов янтарных
Волшебнo зажглись над толпой,
И жажduщих плит тротуарных
Коснулся прохладный покой.*

*Под сетью пленительно-зыбкой
Притих отуманенный сквер,
И вечер целует с улыбкой
В глаза — проходящих гетер.*

*Как тихие звуки клавира -
Далекие ропоты дня...
О сумерки! Милостью мира
Опять осените меня!*
(1906) [2, с.]

К теме о прогрессирующей цивилизации Брюсов также оживил в русской поэзии интерес к космическим, вселенским темам, к тому глобальному размаху мировосприятия, который был утрачен после Михаила Васильевича Ломоносова и Гавриила Романовича Державина. Он — один из зачинателей «научной поэзии», откликающейся на последние изобретения и находки цивилизации («При электричестве», 1912; «Принцип относительности», 1922; «Мир N измерений», 1924). Желание Брюсова показать урбанистический мир и стремление вперед к будущему можно объяснить его же словами из стихотворения «Мир электрона»:

*Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;
(1922)[2, с.]*

Голос поэта чист и точен, как звездные бездны в зимней ночи, так излюбленные им. Певец мироздания, певец единой Вселенной, сердцем вырвавшийся за пределы притяжения планеты, — вот, пожалуй, настоящее достижение Валерия Яковлевича Брюсова.

Литература:

1. Брюсов В. Я., Богомолова Н. А., Котрелев Н. В. Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. — М.: Советский писатель, 1990. — 720 с.
2. Брюсов В. Я., Трифонов Н. А. Брюсов В. Я. Избранное: Стихотворения. Лирические поэмы. — 2-е изд. — М.: Московский рабочий, 1983. — 287 с.

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Выработка навыка использования сложного подлежащего английского языка

Винникова Ольга Михайловна, ассистент
Российский университет транспорта (МИИТ)

В статье рассматриваются сложности, возникающие у студентов в использовании не находящихся аналогии конструкций иностранного языка. Акцентируется внимание на способах решения данной проблемы.

Ключевые слова: лингвистические структуры, аналог, контекст, инфинитивный оборот, сложное подлежащее, грамматические конструкции

Определенные расхождения в системах русского и английского языков порождают трудности выработки у студентов коммуникативной компетенции. Не для кого не секрет, что тенденция к емкости и информативности английских устных и письменных текстов предопределяет возникновение различий лингвистических структур. Вместо громоздких многослойных сложноподчиненных предложений с безличными оборотами в главных частях русского языка в английском часто используется субъектный инфинитивный оборот.

Не находящиеся аналоги в родном языке конструкции традиционно вызывают сложности для понимания, перевода и, тем более, дальнейшего применения. И, если восприятие и переработка отсутствующих лингвистических единиц тренируются рядом упражнений, основанных на работе по трансформационной модели, то для введения этих элементов в актив требуются дополнительные наработки.

В методологии выделяют два способа обучения незнакомым лингвистическим единицам: дедуктивный и индуктивный. При первом — элемент речи подается вместе с контекстом, а лишь за ним следует объяснение. Второй характеризуется опережением объяснения над приведением примеров.

Дедуктивный путь трансформирует большую часть текста до отдельных кирпичиков [1]. Для примера рассмотрим предложение: «A man in big hat having arrived from the city proved to speak politely». Для его понимания необходимо представить его как сочетание:

A man wore a hat.

The hat was big.

A man had arrived from the city.

The man spoke politely.

It was proved.

Разбивая мысленно сложные предложения до простых, производя их анализ, а затем синтезируя полученную информацию, студенты учатся уяснять сложные варианты в их непосредственном первоначальном виде. Р а с -

смотрение большого количества примеров позволяет выявить в них нечто общее. Языковые элементы заучиваются в контексте. И лишь затем каждая фраза разбирается с точки зрения семантики и грамматики.

При индуктивном подходе, напротив, сначала разъясняется грамматическая структура. Для ее иллюстрации приводятся самые простые примеры вне контекста. Когда уже имеется навык обработки такого материала, можно постепенно усложнять задания, вводя более громоздкие варианты.

Закрепить знания позволят упражнения на восприятие, идентификацию, подстановку и перефразирование. Первый вид упражнений нужен для тренировки навыков выявления признаков грамматического явления. К ним относятся такие задания, как: 1. Прочитайте предложение, назовите его составное подлежащее и сказуемое. 2. Укажите субъектный инфинитивный оборот в предложениях. Переведите их. 3. Найдите в предложениях подлежащее.

Второй вид заданий предполагает самостоятельный поиск элемента в целом тексте или его отрывке. Существует целый ряд подобных упражнений: 1. Среди предложений выберете и прочтите только те, в которых употреблен Субъектный инфинитивный оборот. Предложение с оборотом переведите на русский язык. 2. Выберете из предложенных предложение, перевод которого соответствует русскому. (Дается русское сложное предложение с неопределенно-личной формой глагола в главном и варианты его перевода на английский). 3. Выберете из предложенных предложение, перевод которого соответствует английскому. (Дается английское предложение со сложным подлежащим и варианты его перевода на русский).

Большое значение приобретает различение вариантов форм инфинитива, используемых в сложных подлежащих для выражения вида и залога. Для тренировки понимания и подбора нужного варианта используются такие задания: 1. Переведите предложения, принимая во

внимание форму инфинитива. 2. Выберите и прочитайте только те предложения, где инфинитив переводится сказуемым в прошедшем времени. 3. Сопоставьте английские предложения с инфинитивным оборотом с вариантами их перевода на русский. (Даются два столбика, в правом — английские предложения с различными видами сложного подлежащего, в левом — русские варианты их перевода в неправильном порядке).

Помощь в достижении автоматизма в употреблении грамматической конструкции оказывают задания на постановку. Они предполагают заполнение пропуска необходимыми элементами. В качестве примеров можно привести такие упражнения: 1. Заполните пропуски в предложениях подходящими глаголами в действительном или страдательном залоге (предлагаются несколько глаголов, которые обычно выступают в качестве служебной части составного глагольного сказуемого). 2. Дополните данные предложения, употребляя простой или перфектный инфинитив. 3. Выберите из рамочки нужный вариант инфинитивной конструкции и вставьте их в пропуски в предложениях.

Для более четкого и правильного использования грамматической конструкции и лучшего ее понимания можно задействовать упражнения на перефразирование. Такого рода задания включают: 1. Перепишите предложение таким образом, чтобы подчеркнутая часть была заменена на инфинитивную часть сложного подлежащего. (В качестве исходного предложения дается сложноподчиненное предложение, в котором главное предложение выражено неопределенно-личным оборотом типа *It is reported that ...*, *It was expected that ...*). 2. Измените форму инфинитива в выделенной части предложения таким образом, чтобы сказуемое русского придаточного предложения переводилось глаголом в прошедшем времени. (В исходном предложении дается инфинитив в настоящем времени). 3. Перестройте предложения таким образом, чтоб в них присутствовал субъектный инфинитивный оборот.

Полезными для закрепления и контроля усвоения материала будут упражнения на перевод с русского языка на английский язык с использованием изучаемой конструкции. Для перевода можно предложить как отдельные разрозненные предложения, так и небольшие отрывки текстов. Оборот должен использоваться многократно в ходе перевода.

Для развития навыков перевода следует также пояснить, на какие принципы следует опираться в работе над любым текстом. [3] Прежде всего, студенты должны осознавать, что переводу должны подвергаться не конструкции, а смысл, вкладываемый в текст с их помощью.

Первым шагом при работе с любым материалом является прочтение целого абзаца, попытка понять, о чем говорится в отрывке, выявление общих смыслов. И лишь затем стоит продумать, какие средства языка стоит применить для передачи основных идей.

При столкновении с грамматическими конструкциями, аналогов которым нет в родном языке, у студентов, как

правило, возникает желание дать кальки, не несущие никакой информации. Чтобы избежать этой ошибки стоит для начала объяснить обучаемым, перевод отдельных слов — плохой путь. Хорошим решением будет дать понятие о переводческих трансформациях. Важно отметить, что грамматические трансформации предполагают необходимость в случае несовпадения систем языков заменять части речи, члены предложения, а иногда и весь его строй, чтоб передать весь смысл как можно точнее.

Кроме того, в случае возникновения сложностей можно пояснить и методы распознавания сложного подлежащего по структуре предложения или по глаголу-сказуемому. Для развития навыка выявления оборота по одному из признаков, безусловно, нужна тренировка.

Переводить предложения, содержащие субъектный инфинитивный оборот, можно двумя способами: сложноподчиненным предложением с глаголом в неопределенно-личной форме в главной части или простым предложением с приложением. В первом случае глагол ставится в начале предложения в неопределенно-личной форме, а составное подлежащее становится придаточным. Во втором случае сказуемое трансформируется в вводную конструкцию, разбивающую простое предложение, сказуемым в котором становится инфинитив оригинала.

Однако самую большую трудность представляет обучение применению такого оборота в речи. Даже в случае хорошего распознавания нехарактерных для родного языка лингвистических элементов студенты редко используют эти знания для построения высказываний. Одной из причин может быть отсутствие четкой взаимосвязи между грамматической теорией и практикой ее применения.

Для выработки навыка применения оборота в речи необходимо создание определенной потребности в говорении и в задействовании грамматических знаний в ходе построения речи. Самым эффективным способом представляется коммуникативная ситуация. Ситуацией называют совокупность обстоятельств, событий и взаимоотношений общающихся, которая благодаря её отраженности в сознании порождает личностную потребность в целенаправленной деятельности [2].

Взаимодействие между учащимися происходит в ходе решения определенных задач, установка на которые обеспечивает связь между грамматической теорией и практикой. [4]

Субъектный инфинитивный оборот более всего характерен для научно-исследовательских статей, поэтому одним из вариантов ситуаций, способствующих задействованию сложного подлежащего, является ситуация проведения научных экспериментов. В данном случае можно предложить студентам представить себя учеными, докладывающими о результатах опытов, составив сообщения по предложенным учителем данным.

Хорошим примером ситуации для субъектного инфинитивного оборота может быть и составление диалогов. На-

пример, можно предложить студентам в парах обсудить научные эксперименты, применяя изученную грамматическую конструкцию.

Помимо исследовательских докладов можно использовать сложное подлежащее в ситуациях, связанных с поиском обоснования чего-либо. Так можно предложить обучающимся разыграть детективов и представить доводы и доказательства вины того или иного подозреваемого, на основании приведенных улик.

Изученные, отработанные в упражнениях и примененные ситуативно конструкции легче войдут в речь обучаемых, однако, на любом этапе могут появляться ошибки. Преподаватель должен хорошо контролировать способы отбора и применения даже изученных и отработанных языковых элементов. Вместе с тем, использование не характерных для родного языка лингвистических конструкций будет служить хорошим показателем высокого уровня владения иностранным языком.

Литература:

1. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М.: Высшая школа, 1966. 268с.
2. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению: пособие для учителей иностранных языков. — 2-е изд. —: Просвещение, 1991, с. 93—101
3. Смолевич С. Ф. Грамматические трудности при обучении переводу научно-технических текстов с английского языка. Субъективный инфинитивный оборот, Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. — № 3—2. — С. 170—174
4. Филатова, Т. Н. Создание коммуникативных задач на уроке английского языка [Текст] / Т. Н. Филатова // АЯШ. — 2011. — № 1. — с. 2—4.

The stylistic value of the elliptical constructions in mass media

Kosacheva Tatiana Anatolievna, Lecturer
National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

The present paper deals mostly with mass media means of economy that means: their material can greatly deviate from grammatical tradition; the utterances can be pressed to one word that would anyway express all the possible meanings. In particular this study throws the spotlight on stylistic features of spoken and written language mostly in favour of laconism and compactness. The subject of the paper is the stylistics of the spoken English represented in mass media.

Key words: style features, mass media, elliptical constructions, laconic brevity, advertisement

Стилистические особенности эллиптических конструкций в прессе

Косачева Татьяна Анатольевна, доцент
Национальный исследовательский университет «МЭИ» (г. Москва)

В статье рассматриваются основные стилистические особенности употребления эллиптических конструкций в прессе, отличающиеся лаконизмом и компактностью разговорного и письменного языка. Такие конструкции сильно отличаются от традиционных, высказывания могут быть сжаты для одного слова, не искажая основного смысла.

Ключевые слова: стилистические особенности, пресса, эллиптические конструкции, краткость, реклама

The speaker's economy by itself is not sufficient to explain the presence of ellipsis in mass media language, as ellipsis can have many other functions than merely meeting the writer's wish to reduce his or her efforts. Ellipsis can remove ambiguity, convey non expressible aspects of meaning, establish discourse coherence and contribute to a positive rapport with

the hearer. Here we will discuss several cases where ellipsis does not increase but rather decreases ambiguity in these cases.

Ellipsis appears to signal a restricted meaning expressed by the corresponding full form. As a consequence, the full forms take over the remaining meanings.

Elided forms thus appear to be unmarked forms giving rise to the unmarked meanings, in accordance with Horn's division of pragmatic labour [3].

The goal of the present paper is to study the stylistic functions of elliptical constructions in press with social advertising as a resource for research examples.

1. define ellipsis as a linguistic phenomenon and its role in the natural language;
2. list the types of elliptical constructions and their peculiarities
3. reveal the main features of social advertising in the light of the stylistic device of ellipsis and denote the specific functions obtained by elliptical constructions in social advertising.

Advertising is an inevitable outcome of a capitalistic society. The natural order of language is modified, shaped and stylized by the copywriter according to the aim of the advertisement. For this purpose, the style employed, the vocabulary used and even the semantic consideration of the language of advertisements show marked variation from the general spoken or written form of the language.

Social advertising communication as a specific kind of advertising with the distinct sphere of functioning and distinct communicative goals can be of particular interest. The term «social advertising» is used by native specialists in the advertising realm to indicate such commonly notions as «non-profit making advertising» or «public service advertising». Non-profit advertising stands for advertising subsidized by non — profit institutions or in their interests and aimed at donation stimulation. Thus, public service advertising delivers messages that advocate some positive phenomenon. their objective is to change people's attitude to a problem and in the long-term outlook-to create new social values [4]. The peculiarities of social advertising is the scrutiny of linguistic means and its realization. The evaluative category is traditionally reckoned to be a semantic universality. Such approach allows to consider a wide range of stylistic devices, with ellipsis among them.

Public advertising is a powerful society provocator, with a stable authority, which with these years have increased to the extent, allowing big commercial corporations to perform public advertising campaigns by themselves. Also non-profit advertising can be subdivided into following groups:

1. lifestyle advertisement such as anti — AIDS, anti-drugs, anti-smoking, anti-drinking, healthy food, children education and some others;
2. other adds such as the ones, calling for paying the taxes etc;
3. address advertisement;
4. event advertising;
5. charity advertisement, such as collecting money for constructing a church.

The notion of speaker's economy as a driving force behind ellipsis can already be found in Zipf's work. Zipf identified a systematic interaction between two opposing forces, the first one being the force of unification or speaker's economy.

If this force were to apply unboundedly, however, the result would be a vocabulary of just one word (presumably uh!) which refers to all the distinct meanings of the language. Because this never happens, there must be another force at work which has the opposite effect of promoting a distinct meaning for every word. This force is called the force of diversification of hearer's economy.

Even if ellipsis is the non-expression of sentence elements, these do not necessary have to be elements that are normally expressible. Sometimes ellipsis is the only way to express the certain meaning, because the full form violates syntactic or semantic constrains.

A well-known function of ellipsis in general is to establish discourse coherence.

By omitting the noun phrase, a speaker signals to the hearer that the referent is already familiar and should be found in the preceding discourse context e.g.

John walked and talked.

Ellipsis is also generally recognized as a positive politeness strategy [1, 2].

By omitting part of the message, one establishes a relationship with the addressee. The elided utterance expresses the same meanings as its full counterpart, but in addition it is specified with respect to the attitude towards the reader. In this case, the elided utterances express a subset of the meanings of their full counterparts.

Ellipsis is the non-expression of sentence elements whose meanings can be retrieved by the hearer or reader. E.g. Pete loves his wife and John does too.

Besides oral speech and fiction, which aim at economy and expressiveness respectively, elliptical constructions are common to some special types of text. For the sake of business-like brevity, elliptical sentences are very frequent in advertising [5].

In generative linguistics the term ellipsis has been applied to a range of phenomena in which a perceived interpretation is fuller than that which would be expected based solely on the presence of linguistic forms. Central examples drawn from English include:

Noun phrase ellipsis (a phrase, whose head is a noun or a pronoun), optionally accompanied by a set of modifiers: sluicing (a construction in which the sentential part of the interrogation clause is elided, this typically occurs only in constituent questions, not the polar ones).

E.g. Mary wants to drink something, but she does not know what.

Verb phrase ellipsis (an elliptical construction in which a verb phrase has been left out or elided, it is an extremely well-studied kind of ellipsis, although it appears mainly in English). E.g. He tried to find the missing check but couldn't.

The present times mass media plays a prominent role in daily obtaining various information. The language of mass media and, namely, social advertising is rather peculiar, which results certainly in the usage of special methods and expressions. Various styles of language, including mass media, apply some linguistic means to strengthen the utter-

ance effect due to adding the emotional contents to the logical one. The realization of this function presents the surrounding world perception as an image with certain form. The typical constructions employed in social advertising are not simply factual. One of such wide spread constructions is ellipsis, which is often used to convey some information brighter and more understandable. Ellipsis is perceived as a sentence, with all those forms omitted, which are easy to reproduce automatically. The majority of linguists perceive ellipsis to be a rhetorical figure, appeared by some part of the sentence being omitted. Ellipsis makes the speech compressed and gives it vividness. In mass media elliptical constructions preserve the same functions as in other styles, such as ellipsis of a sentence member in a simple and all types of composite sentences, compound syntactical unit, complicated syntactical and dialogic constructions. Moreover elliptical constructions acquire some novel functions, such as:

1. laconic brevity,
2. logical character,
3. compositional,
4. genre indication.

Mass media applies the constructions with phraseological and contextual — phraseological ellipsis, possessing the following specific functions: to present the agility of action, to emphasize rigidity, to denote the topic of a story, to introduce the minor genre (jokes, anecdotes etc.), to create a curious headline.

Mass media and, namely, social advertising, aims at influencing on its perceiver, thus, its main function is the expressional one. Combined with the brevity of articles, the urgent topics of discussion and the tendency to report some new facts leads to success. As the first thing to catch one's eye, the headlines present extensive stuff for studying and analyzing the phenomenon of compression. Articles reconstructed in a way that facilitates picking up the most interesting information with the headline revealing the plot itself. The elliptical constructions, often used in the British mass media are the following: the omission of an auxiliary verb, the omission of a subject in the first part of a composite sentence, the omission of a subject in the second part of a composite sentence, the economy function, preventing ill-motivated tautology from occurring, the omission of a conjunction.

References:

1. Brown, P. and S. Levinson: 1987, *Politeness*. Cambridge, Cambridge University Press.
2. Cook, G. 1966 [1922]. *The Discourse of Advertising*. London: Routledge
3. Horn, L.R.: 1933, *Economy and Redundancy in a Dualistic Model of Natural Language* in: S. Shore & M. Vilkuina, eds., *SKY1993 Yearbook of the Linguistic Association of Finland*
4. Goddard, A. 1998. *The Language of Advertising*. Written texts. London: Routledge
5. Ross, J.R. 1969. *Guess who?* In Robert Binnick, Alice Davison, Georgia Green, and Jerry Morgan (eds.), *Papers from the 5th regional meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago Linguistic Society: Chicago III.

Thus, we conclude, that the most applied elliptical constructions in mass media are the following: contextual, situational and phraseological.

There are some examples of elliptical sentences.

1. Volunteers needed.
2. Time to help others.
3. No seatbelt. No excuse.
4. If you are in control, who is?
5. Save us from injustice. Close Guantanamo.

Some more elliptical sentences, speaking on ecological problems.

1. Don't buy exotic animals.
2. Save trees. Use recycled paper.
3. Take a stand on racism.

In these examples the attention was focused on the stylistic specifics of the advertising mottoes and slogans. Having looked through these elliptical sentences, the following conclusions can be made.

1. Elliptical constructions are most frequently used in slogans for environmental protection, health and human rights.
2. The most frequent stylistic functions of the elliptical constructions were to imply the imperative construction and to avoid message redundancy.

So, ellipsis in language seem to have two main functions: first, it allows efficient reading if the reader has enough background knowledge to allow ready inference of what has been omitted, and second, by requiring readers to make inference, it makes the writing more engaging, more intellectually or aesthetically stimulating.

Elliptical uses of language can be suggestive, denying, full disclosure, inviting the reader to participate in the making of the making of meaning. Both these functions of ellipsis can have the effect of creating a bond of respect and shared assumptions between the author and the reader.

They become collaborations in the discourse. Consequently, the elliptical text is exclusive in the sense that is not designed for all readers, just for those who can bridge the gaps within the text. And from its gaps one can infer the intended readers — those the author assumes can supply missing information or missing warrants or assumptions that support an argument. In this way, too, elliptical texts may shape their audience, implying that they hold, or should hold, certain beliefs or knowledge.

Особенности передачи английских географических названий и имен собственных в русскоязычных текстах

Косачева Татьяна Анатольевна, доцент
Национальный исследовательский университет «МЭИ» (г. Москва)

В статье рассматриваются особенности передачи английских географических названий и имен собственных в русскоязычных текстах. А именно: транслитерация и транскрипция английских имен собственных и выбор между этими двумя способами, преимущество употребления того или другого способа.

Ключевые слова: транслитерация, транскрипция, особенности передачи, имя собственное, географическое название, топонимы

Denotement of English geographical and personal names in Russian language texts

Kosacheva Tatiana Anatolievna, lecturer
National Research University «Moscow Power Engineering Institute».

This article deals with peculiarities of denotement translation of geographical names and English personal names in Russian language texts and historical view of English toponims.

Key words: transliteration, transcription, peculiarities of translation, personal name, Geographical name, toponims

Практически во всех текстах содержатся имена собственные и географические названия. Переводчик должен предельно верно передать их.

Имена собственные — это особый класс слов, выполняющих номинативную функцию. Чаще всего, имя собственное непосредственно связано с обозначаемым им объектом, что означает, его семантика строго определяется единичностью этого объекта и не зависит от контекста [3].

Имена собственные, как правило, обозначают объекты, географические названия, людей и т.д.

Современная топонимия Великобритании представляет собой результат многовекового развития названий, включая кельтские, латинские, скандинавские и французские элементы, представляя собой единую совокупность названий. Это единство не снимает, однако, вопроса о региональном своеобразии, свойственном разным географическим областям, возникающим под воздействием разных факторов. Современная карта страны в значительной мере отображает этот процесс формирования целостной системы из многочисленных и неоднородных компонентов [1].

Так, среди населенных пунктов кельтские компоненты незначительны. В настоящее время кельтские корни выявляются, в основном, среди названий природных объектов (рек, холмов, лесов). Например, часто употребляется формант pen-: Penhill, Pencoyd, Penge. (pen — вершина, холм, кельтский язык).

Большое количество кельтских названий встречается в западных областях, где кельтское население сохранялось до 8 века. Например, Penarth-в Уэльсе, Penicuik — в Шотландии.

В современной топонимии станы латинское влияние незначительно, но все же имеет место. Так, наименования населенных пунктов, расположенных на месте бывших

римских укреплений и городов, отчетливо выделяются на современной карте. Например, часто используется компонент chester /caster (lat. Castra, др. англ. caster — лагерь). Он применяется в сочетании с древними определительными компонентами, например, Lancaster, Doncaster и просто Chester.

В современной топонимии Великобритании четко прослеживается скандинавское влияние, особенно его можно заметить в графствах, в прошлом подчиняющихся «датскому закону», именуемому Дейнло.

Чаще всего в области Дейнло употребляется конечный компонент -by: Moorby, Wilby. Первоначальное значение -by- деревня, ферма (ср. совр дат. by -город, шв. — деревня, норв. — горо, поселок). Это значение подтверждается трехсоставными топонимами, созданными на основе уже существовавших ранее наименований, относятся к вторичным поселениям: Blackfordby от Blackford, Saltfleetby от Saltfleet. На севере Англии до сих пор сохраняется этот способ наименования ферм.

Среди английских топонимов французских элементов немного. В некоторых названиях используется компонент -mont (фр. Mont-гора): Ridgmont, Grosmont. Компонент -ville встречается в более поздних названиях: Bronnille, Coalville.

Среди географических названий выделяются топонимы, обозначающие принадлежность какому-либо человеку. Например, Нахеу, остро принадлежащий человеку по имени Nark, Hawsker, участок, принадлежащий человеку по имени Nauk. Большинство таких названий возникло в феодальную эпоху посвящения, построенные на личных именах, являются более поздними топонимами.

Как утверждает автор Беленькая В.Д., рассматривая семантику сложных и составных топонимов, характерной

особенностью английской топонимии является то, что одни и те же единицы могут использоваться в качестве конечных элементов топонимов различных морфологических структур.

«Это означает, что разные группы наименований, условно — членимые, сложные, составные, объединяются единством основного признака — семантикой конечных элементов. Указанная общность относится также к простым наименованиям, которые могут функционировать в качестве конечных элементов названия разного морфологического строения» [2]. В связи с их семантикой конечные элементы топонимов можно разделить на две главные группы: термины, связанные с жизнью и деятельностью человека, обозначающие жилье или разного рода сооружения и термины, относящиеся к природным объектам, которые часто переносятся на населенные пункты.

Например, в первой группе топонимов чаще всего употребляются следующие компоненты:

house — дом-Summerhouse, Woodhouse
borough-населенный пункт-Woodborough
path-дорога-Vagpath
mill-мельница-Cutmill

Во второй группе наибольшее распространение находят следующие компоненты:

Brook-ручей-Withbrook
bank-берег реки-Firbank
dale-поле, долина-Brogdale
forg-брод-Lyford
gate-горный проход-Handgate
head-вершина горы-Turnhead
land-земля, поместье-Lowland
pool-пруд-Blackpool
sand-песчаная почва, пески-Chicksands
Stone-каменистая почва, камень-Bellstone
well-источник-Lipwell.

При сравнении семантических характеристик топонимов главных словообразовательных групп можно заметить повторяемость многих компонентов. Например, Marsh, (Marsh, Lamarsh, Denge Marsh) образует простые, сложные и условно-членимые топонимы. Это касается и таких названий, как mere, grove, ditch и т.д. Эти слова составляют наиболее устойчивый пласт английской топонимии [2].

Итак, были рассмотрены некоторые особенности топонимики Великобритании, а теперь следует перейти к способам передачи географических названий и имен собственных. К сожалению, определенных правил передачи имен собственных в переводе не существует. Переводчик должен искать нужные соответствия по словарям, справочникам и атласам.

Однако существует ряд приемов передачи имен собственных. К ним относятся:

- 1) транскрипция,
- 2) транслитерация,
- 3) перевод или калькирование,

4) включение в текст иностранного имени в его исходной графике [3].

На практике эти приёмы чаще комбинируются друг с другом, поскольку каждый имеет свои достоинства и недостатки. Транслитерация и транскрипция конкурировали друг с другом в течение всей истории перевода. До прошлого века преимущество принадлежало транслитерации, методу побуквенной, графической передачи исходного имени. В 21 веке верх одерживает транскрипция — передача звукового облика слова. Например, известное имя Watson по современным нормам передается как Ватсон, хотя ранее произносилось как Уотсон. Также изменилось обозначение многих географических названий: Лейчестер стал Лестером (Leicester), Вулвич стал Вулиджем (Woolwich) и т.д. Однако, следует отметить, что любая транскрипция или транслитерация является лишь большим или меньшим приближением к оптимальному результату из-за несовпадения фонетической и графической систем двух языков. Предпочтение методу транскрипции отдается при передаче «номенклатурных названий». Методом транскрипции передаются:

1) названия газет и журналов: New York Daily News — Нью-Йорк дейли ньюс, Morning Star — Морнинг Стар и др.

2) названия банков, компаний и фирм: Bank of England — Вэнк оф Инглэнд, General Motors — Джeneral Моторс, Philips — Филирс.;

3) названия самолетов, судов и космических кораблей: Ranger-Рейнджер, Stealth — Стелс, Sky Lab-Скай Лэб.

Перевод, то есть калькирование бывает, незаменим при передаче значащих имен и прозвищ. Поскольку их функция не столько назывная, сколько характеризующая. Например, прозвища Stingy (Скряга) или Stunt (Коротышка) могут потерять смысл при транскрибировании или включении, а персонаж может утратить свою основную характеристику. Некоторые исторические имена также традиционно переводятся на другие языки. Например, имя английского короля 12 века John Lackland переводится на русский язык как Иван Безземельный.

Поскольку, этимология имен представляет интерес для краеведов и исследователей топонимики.

Однако чаще этот способ передачи имен собственных нежелателен.

Способ включения в текст иностранного имени в его исходной графике удобен тем, что он сразу выделяет имя собственное в контексте и убирает ряд проблем, связанных с трудностью и невозможностью передачи отдельных иноязычных звуков и букв. Однако, пригодный для зрительного прочтения, этот способ не действует при необходимости прочтения вслух текста человеком, не знающим языка оригинала. Для научно-технической литературы возможно компромиссное решение — сочетание включенной в текст иноязычной формы с транскрипцией (например, по закону Ньютона (Newton), но этот вариант неприемлем в художественных текстах и публицистике.

Из всего вышеупомянутого можно сделать выводы:

1) имена и географические названия следует транскрибировать;

2) для передачи имен видных деятелей и известных географических названий в качестве надежных справочников могут служить атласы, словари и энциклопедии;

3) временами нужно добавление в перевод идентифицирующих слов (область, город, море и т.д.) для установления соотношения имени с определяемым объектом [3].

Данные способы помогут переводчику лучше ориентироваться при передаче иностранных имен и названий в процессе перевода с иностранных языков на русский.

Литература:

1. Беленькая В. Д. Топонимы в системе лексической системы языка, Москва, 1962 г.
2. Беленькая В. Д. Очерки англоязычной топонимики, Москва, «Высшая школа», 1977 г.
3. Романова С. П. Коралова А. А. Пособие по переводу с англ. языка на русский. Москва, книжный дом Университет, 2004 г.

Вопросы создания учебников физики на татарском языке в начале XX века

Мусина Гульнара Флюновна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Казанский государственный институт культуры

В начале XX в. были разработаны и изданы первые учебники физики на татарском языке. Однако, несмотря на большое количество учебников, в мектебах и медресе вопрос о создании качественных учебников по тем или иным предметам, в частности и по физике, стоял остро. Данный вопрос поднимался и на страницах периодической печати и был предметом обсуждения для всего населения. В частности, великий татарский ученый Г. Ибрагимов отмечал, что многие светские науки уже появились в учебных планах медресе, однако у учителей нет учебников, чтобы хорошо давать знания по данным предметам. Ученый старался выяснить причины такого положения с учебниками и считал, что если сами татарские педагоги не в состоянии создавать оригинальные учебники, то следовало бы иметь переводы с русского и других языков. Постановка вопроса об учебниках была очень актуальна для того времени. На этом вопросе заострялось внимание не только педагогической общественности, но и государственных органов. К вопросу об учебниках, терминологии и о языке этих учебников добавился вопрос и о необходимости единых программ по отдельным учебным предметам.

Вопросы школьного образования среди татар и связанные с ним вопросы об учебной литературе рассматривались и в земских управах. Уделять внимание вопросам школьного дела у татар земства начали только с первой революции и особенно с 1911 года. Такие земства, как Уфимское, Вятское, Елабужское, Казанское, начали открывать школы и ассигновать средства на перевод и издание учебников на татарском языке. Уездные земские управы выделяли средства на приобретение учебников для мусульманских школ.

В 1915 г. состоялось совещание по учебникам для мусульманских школ, где присутствовали авторы учебников М. Курбангадиев, Ф. Карими, Г. Ибрагимов, Ф. Сайфи. Участниками совещания были разработаны дидактические

требования к учебникам для татарской и русско-татарской школы и отобраны самые лучшие из перечисленных в списке учебников. Большое внимание было уделено обсуждению учебников на татарском языке. Учебники на татарском языке подвергались критическому анализу, выявлялись их положительные и отрицательные стороны.

С самым большим докладом «Об учебниках, употребляемых в мусульманской и русско-татарской школах» выступил на совещании писатель и общественный деятель Ф. Сайфи, который в 1930–1935 гг. вел педагогическую деятельность в вузах Казани. Он дал обстоятельный анализ всех учебников, предложенных для рассмотрения на совещании. Анализируя, например, учебники по географии, он отмечал количественный рост учебников на татарском языке, но и выразил сожаление, что трудно найти среди них хороший. Остановившись на содержании учебников по географии для начальной школы, он указывал на то, что там должны быть даны сведения о суточном и годовом движении Земли и явлениях, обусловленных ими, о воде, о воздухе, о строении и рельефе земли, краткие сведения о Вселенной — о солнце, луне, звездах и т.п. Ф. Сайфи отметил, что лишь три учебника отвечают этим требованиям, среди которых он назвал учебники М. Курбангалеева «Дөнья» («Мир»), учебник З. Шакирова «Мухтасар дәреслек рәсемле жаграфия» и учебник Г. Фахретдинова «Рәсемле жаграфия» («Иллюстрированная география»). Отдельные направления физики находили свое отражение в данных учебниках, и соответствующие предметы уже преподавались.

Анализируя учебник М. Курбангалеева «Дөнья», Ф. Сайфи обращал внимание на хорошую структуру учебника, наличие рисунков, карт, подбор основных сведений для начальной школы, их генерализованность, использование новых данных, наличие сведений о солнце, луне, звездах. Среди недостатков учебника были указаны сле-

дующие: нечеткость рисунков и карт, отсутствие описания природы при характеристике зарубежных стран, отсутствие переводов терминов на русский язык [4].

Драматург, театральный и общественный деятель Г. Камал в своей рецензии на учебник Г. Гисмати «Гыйльме эшья. Яки тарих табиғый» также в первую очередь обратил внимание на язык данного учебника, указывал на термины, заимствованные из арабского языка, что создает определенные трудности в их понимании, а также отметил «тюркологизацию» языка учебника. Автор также отметил, что учебник предназначен для преподавания в младших классах средней школы и в нем содержится около семидесяти рисунков [2, с. 173].

Таким образом, были составлены единые требования, предъявляемые ко всем учебникам, но в то же время составитель учебника должен был всегда помнить специфику своего предмета. Поэтому высказывались специфические требования к составлению учебников по отдельным учебным предметам, которые заключались в следующем: 1) уделять внимание историческим вопросам, которые для данного предмета имеют важное значение; 2) в учебниках должны быть не только описания явлений или объектов; 3) предмет должен давать практические и жизненные знания.

Разработка дидактических требований и работа по отбору лучших учебников внесли большой вклад в дело решения проблемы учебников и содействовали успехам образования, просвещения и воспитания.

Решения земских совещаний имели существенное значение для практики школьного дела и совершенствования учебной литературы в татарской школе в дооктябрьский период. На этих совещаниях впервые в истории учебной литературы для дооктябрьских татарских школ были разработаны дидактические требования к учебникам, произведен отбор лучших из них. Учителя и авторы учебников были ознакомлены с лучшими образцами учебников и с дидактическими требованиями, на основе которых могли их составлять.

В начале XX в. учеными велась активная работа по составлению учебников физики на татарском языке и разработке языка данных учебников. Одним из таких составителей является выдающийся татарский педагог и ученый Г. Ибрагимов-Шинаси. Он окончил турецкую гимназию в Стамбуле и в 1906 г. поступил на факультет естественных наук Стамбульского университета. Там он изучал турецкий и французский языки, а также естественные науки. Однако, не закончив университет, он был вынужден вер-

нуться на родину, где ему была предложена преподавательская работа в медресе «Галия». Там он преподавал физику, химию и математику, открыл комнату для проведения опытов по физике и достиг значительных успехов в данной области. В 1909–1912 гг. Г. Ибрагимов-Шинаси вел свою педагогическую деятельность в медресе «Хусания». В 1910 г. была издана первая часть его учебника по химии «Мохтасар химия» (Краткая химия), который был составлен в процессе перевода учебников с французского и турецкого языков, а также в результате сбора интересной информации, содержащейся в данных учебниках. Последняя часть учебника была издана в 1912 г. В 1916 г. вышел в свет учебник Г. Ибрагимова-Шинаси на татарском языке «Хикмәте табиғия» (Физика). В предисловии к книге автор отмечал, что данный учебник написан с целью обучения шакирдов медресе таким понятиям, как *магнетизм, жидкость и газы*. Ученый вел еще начатую в свое время великим ученым К. Насыри большую деятельность и в области распространения и популяризации среди простого народа знаний по естествознанию. Эта деятельность отразилась в его трудах, изданных в послеоктябрьский период.

Стоит отметить большую деятельность Галимджана Ибрагимова в области терминологии татарского языка. Он подчеркивал, что в процессе разработки и упорядочения татарской терминологии основой должен стать сам татарский язык. Ученый выражал свое огорчение по поводу того, что язык науки и термины отстают от требований времени. Давая характеристику использовавшимся в тот период учебникам, Г. Ибрагимов отмечал, что татарское слово в них употреблялось лишь в приложениях. Он подчеркивал, что при составлении и употреблении терминов необходимо найти середину, крайности в данном вопросе он считал недопустимыми [6, с. 172–173].

Однако, несмотря на призывы великих татарских ученых употреблять татарский язык в качестве основного при создании учебников физики, еще до 1920-х годов XX в. предпочтение в них отдавалось арабским терминам. Лишь в послеоктябрьский период они постепенно начали вытесняться русскими и интернациональными терминами, а также собственными словами татарского языка.

Таким образом, единые требования для создания учебников на татарском языке, в т.ч. и учебников физики привели к усовершенствованию данных учебников и способствовали дальнейшим успехам в образовательной деятельности среди татар.

Литература:

1. Верхунов В. М. История физики в Казанском университете. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. — 360 с.
2. Камал Г. Әсәрләр III томда. Том III. — Казан, 1981. — 415 б.
3. Коблов Я. Д. Конфессиональные школы казанских татар. — Казань, 1916. — 119 с.
4. Корбангалиев М. Дөнъя. Иптидаи мәктәпләр өчен тәртип ителмеш жәгърафия рисаләсе. 1 нче кис. 2 басма. — Казан: «Мәгариф», 1914. — 88 б.
5. Курбатов Х. История татарского литературного языка (XIII — перв. четв. XX в.). — Казань: Фикер, 2003. — 653 с.

6. Шәмсетдинова Р. Р. Г. Ибраһимовның татар телендә фәнни терминологияне үстерү өлкәсендә эшчәнлеге // Галимжан Ибраһимов һәм XXI гасыр: Тууына 120 ел тулуга багышланган халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары. — Казан, 2007. — Б. 172–173.

Исследование фразеологизмов военной сферы в китайском языке

Полончук Руслан Андреевич, соискатель
Военный университет Министерства обороны (г. Москва)

В статье рассматриваются фразеологические выражения военной сферы на материале китайского языка. Анализируются некоторые аспекты происхождения, формирования и функционирования фразеологизмов военной сферы в связи с историей народа и военно-историческими событиями.

Ключевые слова: китайский язык, фразеологизмы военной сферы, фразеологическая единица, языковая картина мира

The article «Analysis of Military Phraseological Terms in Chinese and Russian» is devoted to a study of phraseological expressions of the military sphere on the material of Chinese language. Some aspects of the origin, formation and functioning of the phraseological units of the military sphere are analyzed in connection with the history of people and military-historical events.

Key words: Chinese language, phraseological units of the military sphere, phraseological unit, linguistic world-image

Военной сфере (деятельности) как одной из древнейших в истории человечества соответствует особая разновидность языка — «военный подъязык». Подъязык представляет собой один из вариантов реализации общенародного языка, используемый ограниченной группой его носителей в условиях официального и неофициального общения. Военный подъязык включает в свою систему: термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы.

Проблеме теоретического осмысления перехода терминологических сочетаний, в том числе и военных, в область фразеологии отечественные ученые уделяют значительное внимание [1–4]. В данных исследованиях авторы приходят к обоснованному выводу, что профессионализмы не выступают основой фразеологических единиц в отличие от терминов или профессиональных жаргонизмов. Формирование и функционирование военной лексики непосредственно связано с историей народа, его представлениями о справедливости, праве, свободе, насилии и других философских категориях. Результаты анализа словарного состава современного китайского и русского языков показывают, что военная лексика представляет собой сочетание нескольких подсистем: терминологической и общепотребительной, современной и исторической.

Например, в российской военной терминологии помимо терминов общеславянского и древнерусского происхождения отмечаются заимствования из других языков и интернациональные термины, что также, в свою очередь, свойственно и китайской терминологии военного характера. Постепенное проникновение военных терминов, в том числе и заимствованных, в общепотребительную

лексику и литературный язык приводит к формированию на их основе фразеологизмов, то есть идиоматических сочетаний слов, а также пословиц и поговорок.

Поговорками можно считать те фразеологизмы, которые построены на иносказательной образности и выполняют в речи образно-эстетические функции. В отличие от поговорок, которые почти никогда не оформляются сложными предложениями и не имеют законченного смысла, пословицы представляют собой самостоятельные предложения, имеющие поучительно-назидательный характер, которые преследуют определенные воспитательные цели, и делают речь говорящего более образной [2].

Отечественные и зарубежные филологи [8–10] считают, что к фразеологии военной сферы целесообразно относить, прежде всего, фразеологизмы, связанные с военно-историческими событиями, военно-политическими отношениями, развитием в государстве теории применения вооруженных сил, наращиванием возможностей вооружения и военной техники (оружия). В эту группу включаются также фразеологизмы, возникшие из речи военнослужащих, высказываний исторических личностей (преимущественно военных и государственных деятелей). В китайском и русском языках имеется большое количество фразеологизмов, употребляя которые в повседневной жизни, мы не задумываемся об их военном происхождении.

Так, например, в русском языке военная сфера может быть представлена следующими фразеологизмами: *попасть в цель, мобилизовать все ресурсы, выйти из строя, тяжелая артиллерия, на взводе, взять на пушку, трудовой подвиг, в передовых рядах, взять*

в штыки, резерв сил, между двух огней, разбить наголову, не понюхать и пороху.

В данном исследовании анализ фразеологизмов военной сферы в китайском языке проводился автором на материале периодических изданий китайской прессы [11, 12]. Так, например, исследование показало, что одними из наиболее используемых фразеологизмов военной сферы являются следующие: (на войне все средства хороши), (готовиться к войне), (полное поражение (армия разбита, территория отнята)).

Такой процесс, как «демилитаризация» военной лексики является иллюстрацией того, как меняется смысл профессиональной терминологии в результате переносного употребления. Время возникновения и внутреннюю мотивировку многих военных фразеологизмов разгадать довольно просто.

Например, многими фразеологизмами военной сферы русский язык обязан рукопашному бою, например, пословица «лежачего не бьют» или образные сочетания, отражающие поединки людей: «бить смертным боем», «пускать пыль в глаза». Эти выражения, которые сейчас употребляются чаще всего в переносном значении, ранее формулировались как конкретные наставления для любителей кулачных боев.

В свою очередь, одним из источников, породивших пласт фразеологических единиц военного происхождения в китайском языке стало фехтовальное искусство, которому принадлежит важное место в эволюции военного дела. В средневековом Китае поединки представляли собой военные состязания воинов, целью которых был показ боевых качеств, борьба за авторитет в обще-

стве, а также за рейтинг среди школ единоборств. Фехтование как форма обучения приёмам владения холодным оружием всегда являлось обязательным элементом воинского воспитания и входило в программу боевой подготовки в армии, в учебные планы военных учебных заведений. Примерами таких фразеологизмов могут быть (обнажить меч) и (скрестить мечи) [10].

Однако военный характер и мотивировку некоторых фразеологических выражений может раскрыть только лишь глубокий этимологический анализ. Например, выражение «ломать копья» сейчас означает «с жаром спорить о чем-л., горячо отстаивать что-л. в дискуссии». Можно согласиться с теми учеными, которые видят в нем связь с потешными боями, когда ломали копья для в рамках состязаний и «спортивного интереса». Однако в славянской культуре «ломание копий» — это более древняя традиция борьбы не на жизнь, а на смерть. Следует отметить, что подобная «демобилизованная» лексика, по образному выражению отечественного лингвиста Мокиенко В. М., не является пережитком прошлого, а напротив, находит свое применение в различных ситуациях повседневной коммуникации [3].

Таким образом, фразеологизмы военной сферы в китайском языке нашли широкое применение в повседневной жизни. Изучение специфики китайского и русского национально-культурного мышления и освоение культурной информации, заложенной во фразеологии военной сферы, несомненно, способствует диалогу двух древнейших культур. Результаты научных исследований в данной области позволят оценить особенности мировоззрения представителей китайской и русской лингвокультур и доказать их самобытность.

Литература:

1. Военная тематика в китайских пословицах и поговорках. Китайско-китайский тематический словарь / Л. Г. Абдрахимов, Л. А. Радус, В. В. Ткачук. — М.: Восточная книга, 2014. — 120 с.
2. Лексикология китайского языка / Кленин И. Д. Щичко В. Ф. — М.: Восточная книга, 2013. — 272 с.
3. Мокиенко, В. М. В глубь поговорки / В. М. Мокиенко. — М.: Просвещение, 1975. — 173 с.
4. Китайская картина мира: Язык, Культура, ментальность. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 272 с.
5. Китайский язык. Теория и практика перевода / В. Ф. Щичко. — 3-е изд., искр. и дом. — М.: Восточная книга, 2013. — 224 с.
6. Советская военная энциклопедия М.: Воениздат, 1976.
7. Солнышкина, М. И. Морской подъязык и проблемы детерминологизации и фразеологизации терминов / М. И. Солнышкина // Язык и общество. — Саратов, 1975. — Вып. 10. — С. 36–42.
8. Шевчук В. Н. Относительно калькирования советских военных реалий на английском языке // Лингвистические проблемы перевода. — М.: изд-во МГУ, 1981.
9. Hasanova Sevinj. Linguo-Cultural Aspect of Interrelation of Language and Culture. Azerbaijan University of Languages, Baku, Azerbaijan, 2014.
10. On Modern Written Chinese, Journal of Chinese Linguistics, Vol.37, No.1, 2009.
11. Xiandai Jianting / Xiandai Jianting Zazhishe, 2013–2017.
12. Kanwa Defense Review / Asian Defence Center, September, 2015.
13. HYPERLINK «<http://www.haijun360.com/>»<http://www.haijun360.com/>

Сопоставление лексикографического значения лексем «человек» и «a man»

Усачева Валерия Сергеевна, учащаяся 11 класса
МБОУ гимназия имени А.В. Кольцова г. Воронежа

В статье показана актуальность использования метода обобщения словарных дефиниций с целью получения унифицированного лексикографического значения. Обоснована необходимость использования унифицированных значений при переводе с одного языка на другой или же при обучении иностранному языку. Описан принцип работы метода при исследовании семантического значения слова.

Ключевые слова: лексема, семантика, унифицированное лексикографическое значение, словарная дефиниция

Одна из самых актуальных проблем в лингвистике в настоящее время заключается в адекватности подбора слов-эквивалентов в процессе перевода, а также при обучении английскому языку или русскому языку как иностранному. Очевидно, что для решения такого вопроса необходимо комплексное сопоставление лексем, выявляющее как совпадающие значения, так и те, которые обнаруживаются в семантике слова только одного языка.

Данное исследование представляет наиболее полное описание значения лексемы «человек» и лексемы «a man» в системе русского и английского языков в опоре на наиболее авторитетные толковые словари. Выявление максимально подробных значений исследуемых слов («человек» и «a man») на базе всей совокупности имеющихся толковых словарей с дифференциацией современных и устаревших значений в его смысловой структуре позволит наглядно представить структуру значения слова в каждом языке. Важность вопроса очевидна, поскольку лексикографические значения рассматривают как совокупность основных, ядерных сем значения, отражающих, по мнению лексикографов, основное описание значения.

Для решения вопроса в работе представлен метод обобщения словарных дефиниций (терминов) для выработки унифицированного лексикографического описания значения слова. Данный метод основан на теоретическом принципе дополнительности словарных дефиниций разных словарей, каждая из которых отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга.

Под унифицированным лексикографическим значением понимается вся совокупность значений, фиксируемых словарными дефинициями различных толковых словарей.

Источниками для исследования послужили следующие толковые словари русского языка: «Современный толковый словарь русского языка» под ред. Кузнецова С.А., «Словарь русского языка» Ожегова С.И. под ред. Скворцова Л.И., «Толковый словарь русского языка» под ред. Ушакова Д.Н., «Новый словарь русского языка» Ефремовой Т.Ф., «Малый академический словарь русского языка» под ред. Евгеньевой А.П.

Для изучения значений лексемы «a man» были использованы такие словари, как Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary, Longman Dictionary Of Contemporary English, Cambridge English Dictionary, Oxford English Dictionary и Macmillan English Dictionary.

Метод помогает обобщить дефиниции, использованные в вышеуказанных словарях. Прежде всего, производится фиксация всех значений исследуемого слова по всей совокупности толковых словарей и выделение всех значений, которые имеют минимальные различия в содержании (они выделяются жирным шрифтом). Значения, отражающие разные денотаты, включаются в описание семантики исследуемого слова как отдельные значения. Составляется *единый список* всех денотативно дифференцируемых значений слова по всей совокупности словарных дефиниций исследуемой лексемы в различных толковых словарях. [1, с. 35]

Нам необходимо сформулировать обобщённые значения исследуемого слова. На базе совокупности несопадающих дефиниций одного и того же значения в имеющихся словарях формулируется обобщающая дефиниция значения с учетом всех семантических компонентов и лексикографических помет, выделенных несопадающими дефинициями разных словарей.

В случае необходимости происходит модернизация метаязыковой формы дефиниции. [1, с. 40] Устаревшие метаязыковые единицы толкований заменяются на современные синонимы. Функциональные и стилистические пометы при их несопадении в разных словарях приводятся в обобщающем значении списком в альтернативной форме. Мы также обобщаем языковые иллюстрации — все примеры, иллюстрирующие употребление слова, выписываются общим списком. Эти примеры распределяем по унифицированным значениям.

И, наконец, самое главное: выделяем ядерные и периферийные значения. Ядерными считаются те, которые выделены всеми словарями и приводятся в этих словарях первыми. Периферийными значениями являются устаревшие, стилистически ограниченные значения, а также значения, выделенные только отдельными словарями. [1, с. 66]

На основе данного метода мы получили таблицу, полностью отображающую следующие унифицированные значения.

Таблица 1

Унифицированные лексические значения лексем «A man» и «Человек»

Унифицированное лексическое значение лексемы Человек	Унифицированное лексическое значение лексемы A man
1. Живое существо, в отличие от животного, обладающее даром речи и мысли и способностью создавать и использовать орудия в процессе общественного труда. <i>Человек разумный (С.И. Ожегов) Вы — человек, вы разумное существо, вы самое редкое, самое прекрасное явление на земле. М Горький. (А.П. Евгеньева)</i>	1. The human race (человеческая раса) The evolution of man. Эволюция человека. (Macmillan Dictionary) This is one of the worst diseases known to man. Это одна из самых страшных болезней, известных человечеству. (Longman Dictionary Of Contemporary English)
2. Воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств; эталон <i>Человек — Это звучит гордо. М. Горький. (Д.Н. Ушаков) Наша университетская наука воспитала его человеком. Каверин. (А.П. Евгеньева)</i>	2. Embodiment of high qualities (воплощение высоких качеств) <i>I told him that he should be man enough to admit he had done wrong. Я посоветовал ему быть мужественным, чтобы признать свои ошибки. (Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary)</i>
3. Личность, обладатель определенных качеств, существующих только ему <i>Семейство у Криворуковых, хоть и небольшое, но зато, что ни человек, то персона, личность. Марков (А.П. Евгеньева)</i>	3. An individual (индивидуум) <i>Be your own man. Make up your own mind. Будь собой. Принимай решения сам. (Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary)</i>
4. Любой слуга мужского пола, лакей <i>У подъезда стола дорожная колоска, и мой человек суетился около чемодана. Герцен. (А.П. Евгеньева)</i>	4. A servant <i>My man will show you to the door. Мой слуга укажет вам на дверь. (Cambridge English Dictionary)</i>
5. Официант, слуга в трактире в дореволюционной России. <i>Человек, рюмку водки! Шмелев. (Д.Н. Ушаков)</i>	5. —
6. Дворовый слуга (в Российском государстве при крепостном праве) <i>Я нашел для тебя здесь же в доме квартиру... Для человека есть передняя. Гончаров. (Д.Н. Ушаков)</i>	6. —
7. Лицо, являющееся носителем каких-л внутренних характерных качеств, свойств, принадлежащее к какой-л среде, обществу и т.п. <i>Добрый человек. Злой человек. (А.П. Евгеньева)</i>	7. —
8. Употр. в знач. местоимения: всякий <i>Ему ничего не стоит обидеть человека. Человек никогда не должен себя ронять. Тургенев. (Д.Н. Ушаков)</i>	8. —
9. Употр. в знач. местоимений: он, некто, любой <i>Не в себе человек. Уведите ж вы его. Л Толстой. (А.П. Евгеньева) Человек устал, а вы пристаёте с пустяками (может быть сказано вм. я устал, он устал, NN устал и др.). (Д.Н. Ушаков)</i>	9. —
10. Странник, нищий, юродивый <i>Грешный человек (А.П. Евгеньева)</i>	10. —
11. —	11. An adult male human (взрослый мужчина) <i>The thousands of men, women and children who are facing starvation. Тысячи мужчин, женщин и детей столкнулись с голодом. (Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary) A man's watch. Мужские часы.</i>
12. —	12. A person of either sex (мужчина/женщина) <i>All men are equal in the eyes of the law. Все люди равны перед законом. (Longman Dictionary Of Contemporary English) God cares for all men. Бог заботится обо всех. (Oxford English Dictionary)</i>

13. —	13. A soldier of low rank in the armed forces. (солдат низкого ранга в армии) <i>The captain ordered his men to fire. Командир приказал солдатам стрелять. (Longman Dictionary Of Contemporary English)</i>
14. —	14. Holder of authority over others (человек, имеющий власть над остальными) <i>The police. Полиция. (Cambridge English Dictionary)</i>
15. —	15. A man who for a particular company or organization (человек, относящийся к определенной компании или организации) <i>The Daily Telegraph's man in Abu Dhabi. Работник газеты The Daily Telegraph находится в Абу-Дали. (Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary)</i>
16. —	16. A man who does a job for you in your house (домработник/домработница) <i>I waited all day for the gas man. Я весь день ждал газопроводчика. (Longman Dictionary Of Contemporary English)</i>
17. —	17. A husband or lover (муж или любовник) <i>She spent five years waiting for her man to come out of prison. Она пять лет ждала, пока ее муж выйдет из тюрьмы. (Longman Dictionary Of Contemporary English)</i>
18. —	18. A male employee. (мужчина-сотрудник) <i>The gas company said they would send some men to fix the leak. Газовая компания пообещала отправить рабочих устранить утечку (Cambridge English Dictionary)</i>
19. —	19. A man who has been to a particular university (человек, получивший образование в определенном университете) <i>A Cambridge man. (Oxford dictionary) Человек, получивший образование в Кембриджском университете.</i>
20. —	20. A person associated with a particular activity (человек, занимающийся определенной деятельностью) <i>I'm not really a football man. I prefer tennis. Я не фанат футбола. Я предпочитаю теннис. (Macmillan English Dictionary)</i>
21. —	21. A person associated with a particular place (житель) <i>The truck was driven by a 28-year-old Doncaster man. Грузовиком управлял двадцативосьмилетний житель Донкастера. (Macmillan English Dictionary)</i>
22. —	22. A male pursued or sought by another, especially in connection with a crime (преступник) <i>Inspector Bull was sure they would find their man. Инспектор Билл был уверен, что они найдут преступника.</i>
23. —	23. A figure in board game (игровая фигура) <i>Mr Kravchuk, who prides himself on his chess-playing prowess, did not give up his man easily. Г-н Кравчук, гордящийся своим шахматным мастерством, никогда с легкостью не убирал свою фигуру с игрового поля. (Oxford English Dictionary)</i>
24. —	24. A type of prehistoric human (исторический этап развития человека) <i>Cro-Magnon man. Кроманьонец. (Oxford English Dictionary)</i>

Сопоставление унифицированных лексикографических значений, полученных в ходе обобщения словарных дефиниций

различных толковых словарей русского и английского языков, позволяет сделать следующие выводы:

- в унифицированном значении лексемы «человек» выявлено 10 значений, а лексемы «a man» — 18 значений;
- у лексемы «человек» и лексемы «a man» выявлено 4 совпадающих значений;
- 6 значений лексемы «человек» отсутствуют в семантике английской лексемы «a man»;
- в семантической структуре лексемы «a man» содержатся 14 значений, несовпадающих со значениями лексемы «человек».

Сопоставительная таблица дает возможность выявить те значения, которые совпадают в семантике русской лексемы и ее английского эквивалента, а также те значения, которые не фиксируются лексикографическими источниками одного из языков. Значения, которые не совпадают в структуре содержания семантики слова на лексикографическом уровне описания, отражают разницу языкового сознания носителей русского и английского языков.

Языковые единицы, называющие и характеризующие различные функции, состояния, эмоции, чувства и др. че-

ловека, в большей степени демонстрируют специфику языковой картины мира определенной нации. Различия в лексикографических значениях, представленных в таблице, дают возможность увидеть типовые, укорененные в культуре образы. [2, с. 25]

Внеязыковая реальность, окружающая русских и англичан, может быть абсолютно идентичной, но все же один язык замечает и лингвистически оформляет те стороны этой действительности, которые другой язык предпочитает не выражать.

Таким образом, проведенное описание лексических значений исследуемых языковых единиц методом обобщения словарных дефиниций показало, что ни в одном словаре не содержатся все значения исследуемых слов, присутствующие в системе языка.

Унифицированное лексикологическое значение слова позволяет выявить больше значений, чем каждый отдельный словарь, в чем и заключается смысл его формулирования для описания значения слов.

Литература:

1. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co. Kg: Saarbrücken, 2011. — 200 с.
2. Байрамова Л. К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны / Л. К. Байрамова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 25. — С. 22–27.
3. Словарь русского языка Ожегов. С. И. под ред. Скворцова Л. И. — М., 2008.
4. Современный толковый словарь русского языка под ред. Кузнецова С. А. — СПб., 2002.
5. Малый академический словарь русского языка под ред. Евгеньевой. — М., 1999.
6. Новый словарь русского языка. Ефремова Т. Ф. — М., 2000.
7. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1995.
8. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров, М.: Азбуковник, 2009.
9. Cambridge English Dictionary — Cambridge University Press, 2013
10. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary — HarperCollins Publishers, 2006
11. Longman Dictionary of Contemporary English: For Advanced Learners — Pearson Education, 2014
12. Macmillan English Dictionary — Pearson Education, 2014
13. Oxford English Dictionary — Oxford University Press, 2014

Днепр, «росские» и «славянские» пороги (этимология названий)

Федченко Олег Дмитриевич (г. Брянск)

Статья посвящена лингвистическому анализу названий днепровских порогов, упомянутых Багрянородным в своем труде «Об управлении империей». Автор выдвигает версию о балтской этимологии и порогов, и гидронима Днепр. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на противостояние сторонников и противников норманской теории происхождения Руси. Все названия порогов и по-росски, и по-славянски оказываются взаимосвязаны и отражают особенности географических объектов.

Ключевые слова: гидронимы, этимология, Днепр, пороги, норманская теория, Багрянородный

Уж более двух веков ведется дискуссия норманистов и антинорманистов. Одним из камней преткновения стала этимология днепровских порогов.

Первые утверждают, что названия порогов можно объяснить древне-скандинавским происхождением, вторые отдают предпочтение древне-русской версии.

Кроме того, М. Ю. Брайчевский озвучил вариант с иранской основой.

Позиции сторон выглядят примерно следующим образом:

Название порога [1, с. 58–60]			Норманская версия [2, с. 291–332]	Версия Брайчевского М. Ю. [3, с. 19–30]
По-русски	По-славянски	Значение (славянское)		
Εσσουπη	Εσσουπη	Не спи	древне-шведское Stupi: водопаду (дательный падеж)	осетинское хоуссуп — спать, сон, осетинское «ае» — негативная частица, образующая первую часть многих сложных слов со значением отсутствия чего-либо
Ουλβoρσι	Οστρoβoυνιπρaχ	Остров порог	древне-шведское Holmfors: островному порогу (дательный падеж)	осетинское ulaen (в архетипе *ul) — волна; общеранская (и аллородийская)* vага — окружение, ограничение, ограждение.
Γελανδρι		Шумный порог	древне-шведское Gaellandi: громкий, звенящий	осетинское qselsei/gaelses — голос; qser/; gser — «шум», крик; осетинское dwar — двери
Αειφορ	Νεασήτ	Гнездовье пеликанов	древне-шведское Aeidfors: допад на волоке	осетинское ajk — «яйцо». осетинское fars (*fors) — бок, ребро, порог или farm — крыло
Βαρουφορος	Βουληπράχ	Большая заводь	древне-исландское Barufors: порог с волнами	общеранское vагу — широкий; осетинское fars *fors — порог
Λεαντι	Βερουτζη	Кипение воды	древне-шведское Le(i)andi: смеющийся	осетинское lejup — бежать
Στρουκουv	Ναπρεζή	Малый порог	древне-исландское Strukum: узкой части русла реки (дательный падеж)	осетинское stur, ustur — большой; суффикс gon/kon ослабляет значение прилагательных

Однако незаслуженно забытыми оказались замечания известного российского историка Н. И. Костомарова о балтской этимологии порогов [4, с. 17]. Посмотрим в этом направлении более пристально.

По традиции, будем придерживаться правила, что названия тех или иных географических объектов должны создавать образ, соответствовать определенному принципу и укладываться в единую «систему координат» [5, с. 62].

I. Первым препятствием, которое встречали путешественники по Днепру, становился порог Ессупи (Εσσουπη), что означает по-русски и по-славянски «*μή κοιμάσαι*», отмечает в своем трактате Багрянородный.

Можно предположить, что в основе названия лежит *supti*, *supè* (в одном ряду — *supóti*) — *качать (колыбель), колыхать, коробиться, крутить, окружать, нагромождать*. Приставка *iš* — (в греческом — *ἔξ*) усиливает основное действие, что дает значение сильно качать, бурлить, клокотать вокруг каменной опоры (люльки, островков).

Стоит также отметить, название порога транслировано однокоренным славянским **sypati* со значением *за-*

ливать, рассекать, разбрасывать [6, с. 436], что дало одинаковое с балтским звучание Ессупи. Отсюда возможна и народная этимология, призывающая не поддаваться убаюкиванию, укачиванию — не спать! — или по-славянски — не засыпать!

При этом обратим внимание, что в определении *supti* присутствуют значения *verstì* и *rock*, которые приведут нас к следующим порогам.

«Когда они пройдут первый порог, то приходят к другому порогу, называемому по-русски Ульворси (Ουλβoρσι), а по-славянски Островунипрах. Он подобен первому, тяжек и трудно проходим».

Основная часть «ворси» может быть получена из *veřsti* (*veřcia*, латвийский — *veřšu; varčia* — *столб, веревка*, сюда же можно отнести *verséti*) имеет широкий спектр значений от *нагромождать, сжимать, рубить* до *переворачивать, колыхать, бросать вниз, вглубь*.

Часть «ул-», вероятнее всего, указывает на скалистую, каменистую (*uola* — *скала, камень, валун, выстун*). Получаем характерное описание скалистого, бурлящего порога.

Здесь уместно упомянуть еще одну параллель, имеющую отношение к нашим порогам. Балтское *veršis* значит, прежде всего, бык [6, с. 498], затем, — буйство, ярость. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля читаем: порог речной, бык поперек реки («бык» есть синоним «каменной глыбы, выступа») [19].

В то же время, понятия «гнать скот, загон» являются одним из значений *varyti*, которое ведет нас к четвертому порогу. В определении этого глагола так же встречаем и *veršti* с *veržtis* (стремиться, рваться, пробиваться).

«...четвертый порог, огромный, нарекаемый по-русски Аифор (*Аѳѳор/Аѳѳар*), по-славянски же Неасит».

Как было выше указано, в основе названия лежит *varyti* (*vāro, vārè*), значение которого сжимать, вить, нагромождать, низвергать, возгонять, гнать, ограждать. При этом, приставка *ai-/ei-* (*áibè*) указывает на усиление, множественность действия. Отсюда — мощный, бурный, труднопроходимый из-за нагромождений порог, один из всех незамерзающий зимой из-за быстрого течения и считающийся самым опасным у путешественников (о чем говорит и народная этимология — Ненасытецкий).

Вернемся к третьему порогу, у которого вновь сталкиваемся с народной этимологией — Звонецкий.

Слово состоит из двух частей — *вару* и *форос*. Первая — есть *vari* — *наильно, принудительно, мощно*, вторая — может быть определена понятием *varas* (производная от вышеупомянутого *varyti*) со значениями — *препятствие, преграда, затор, столбы, беспорядок* (сюда же можно отнести и *voros* — *цепь, вереница, цуг*). Таким образом, порог представляется большой (мощной) бурлящей беспорядочной запрудой.

Подходим к шестому порогу, называемому по-русски Леанди (*Λεαντι*), а по-славянски Веручи, что означает «Кипение воды» (отметим, что *βρασμα* — *кипение, встряхивание, сотрясение*). Индо-европейский корень (*s*) *leidh-* [7, с. 961] выводит нас на *lijsti* (тоже имеющим отношение к известным нам глаголам *versti* и *veržtis*), *lendù* (в общем ряду — *landýti, lañdè, landùs*). В этом понятии заключены и знакомые нам — *колыхать, качать, тесниться, сжимать, рваться*, и новые — *двигаться вверх-вниз (туда-сюда), вонзаться, оседать, толпиться*.

Стоит сделать небольшое замечание относительно передачи сочетания *-vt-* как *-нд-*. Согласно системы Рейхлина, основанной на византийском произношении древнегреческих текстов, *τ* после *ν* читается как [д]; *β* передается звуком [в]; *ου* произносится как [у] [8, с. 3].

Остался последний — называемый по-русски Струкун (*Στρουκουν*), а по-славянски Напрези, что переводится как «Малый порог» (хотя *μικρός* имеет более расши-

«...и третий порог, называемый Геландри (*Γελανδρι*), что по-славянски означает »Шум порога«. Происхождение названия можно связать с близким к *uola* глаголом *galásti* (*galánda, galándè*, вариант — *gelandyti*) — *оттачивать, заострять, рубить, переворачивать, сильно дуть (шум ветра)*. Именно последнее значение вкупе с созвучным славянским корнем *gal-* (*gol-*, **galati*, *галанить, галдеть, голос*) и придало Геландри особый смысл звенящего, шумного порога.

Пятый порог «называется по-русски Варуфорос (*Βαρουφορος*), а по-славянски Вулнипрах, ибо он образует большую заводь».

ренное толкование — *малый, небольшой, малорослый, непродолжительный, слабый*).

Здесь вновь встречаем знакомый нам *versti*, который присутствует в объяснении глагола *kūpyti*, в один ряд с которым можно поставить *kūpeti, kūpas*, — *полнеть, заполнять пространство, труднопроходимость*. Более убедительно значение определяется, если принять версию А. Vammesbergerio [9, с. 166] о связи *kūpas* с *kauti* (*каупа*) — *прорубать, резать, коверкать, колотить, останавливать*. Здесь же стоит упомянуть, что аналогичные выводы делает и О. Н. Трубочев, который считает **kūpa-Π* (вбитые, рубленные столбы, ограждения) производной от *kauti* [10, выпуск 13, с. 104–105].

Интересным замечанием может служить трако-балтская параллель, о которой упоминает в своем исследовании «Езикът на траките» Иван Дуриданов. Автор, разбирая происхождение топонима *Batkūnion* — *крепость на горе, скале в Тракии*, сопоставляет его с литовским именем *Batkūnas* [11, с. 33]. Таким образом, всё вышеизложенное позволяет определить *kūnas*, как *каменные глыбы, столбы, которые и создают порог*.

Вторая часть, в нашем случае — первая вытекает из индо-европейского корня *strē u-* [7, с. 1026] и указывает на *слабость, короткость, кургузость* (например, имеем *strūkas* — *короткий, непродолжительный, strūgas* — *обрубок*, сюда же можно отнести и *strūjus* — *старик, почтение и другие*). Выходит, хоть и не грозный — «малый»

с небольшим нагромождением каменных глыб, но требующий внимания («почтения») порог.

Стоит отметить, что все используемые в рассмотренных названиях порогов корни встречаются и в современной литовской гидронимии. Вот некоторые из них (в различных вариациях): *Supune*, *Supoji*, *Uolà*, *Uole*, *Varstis*, *Vers-aka*, *Gelañid*, *Vare*, *Verža*, *Lande*, *Landyne*, *Strū-* (-g-, -k-, -n-, -p-), *Kūpa*.

II. Можно сказать больше: в Литве мы неоднократно наталкиваемся на имя Днепр и его вариации — *Dniepras*, *Dniepris*, *Duneprelis*, *Neperas*, *Nipras* и другие [12, с. 88–89]. Поэтому есть повод взглянуть на Днепр, как на балтский гидроним.

Прежде всего, отметим, что довольно часто на старинных картах река носит название *Neper* (здесь попутно обратим внимание и на Днестр — *Niester*) [например, 13]:

С учетом литовских гидронимов и старинных географических названий Днепра можно предположить, что основой слова является *-непр-*. Первая же часть представлена частицей *di*, которая указывает на усиление корня (т.е. получаем звучание — де Непер). Тогда происхождение гидронима может быть возведено к глаголу *perti*, *perè* с приставкой *ni-*, значение которого *взбивать*, *колотить*, *выдрать*, *высечь*, *сильно стекаться*, *тяжело нести*, *хлестать в русле*. Здесь и равнинность, спокойность, и обильность, и своенравность, грозность (те же пороги, к которым *perti* имеет прямое отношение [7, с. 818–819]).

Отметим, что аналогичную словообразовательную конструкцию можно встретить у гидронима Днестр — *di ni-st(e)ru*. Впрочем, это тема отдельного исследования.

Мы же еще обратим внимание на элемент *per-*, присутствующий и в Днепре, и в Перкуне (*Perkūnas*). Последний — один из главных божеств балтского пантеона, который изначально был богом природы, метавший гром и молнии, давая воду, обеспечивающую плодородие земли. В своем облике он в какой-то мере соответствовал греческому Борею, от которого греческое название Днепра — Борисфен [14, с. 18].

Как описывал Геродот, «из прочих рек Борисфен наиболее прибылен: он доставляет прекраснейшие и роскошнейшие пастбища для скота, превосходнейшую рыбу в большом изобилии. Вода его на вкус очень приятна, чиста, тогда как рядом с ним текущие реки имеют мутную воду. Вдоль него тянутся превосходные пахотные поля или

растет очень высокая трава в тех местах, где не засеивается хлеб» [15, книга IV § 53].

Таким образом, очевидно, что и Днепр, и Перкунас первоначально олицетворяли для местных балтских племен изобилие, плодородие, грозную силу природы.

Подводя итог нашего исследования, можно сказать, что и Днепр, и названия порогов имеют балтскую этимологию, находят соответствие в литовской гидронимии, отвечают единому взаимосвязанному объяснению с характерными особенностями каждого из порогов.

III. Теперь обратим взор на славянские названия порогов, тем более, что первый — Эссупи уже этимологизировали (**sypati* — *заливать, рассекать, разбрызгивать*). Здесь лишь можно сделать замечание по поводу характеристики «Не спи!». Глагол *κοιμάω*, кроме *спать*, имеет значение *успокаивать, унимать*. Тогда с частицей *μή*, не имеющей смысла прямого отрицания, объяснение порога у Багрянородного может выглядеть, как «*беспокойный, неугомонный, бурный*».

Второй порог *Οστροβουνιπραχ*, очевидно, состоит из двух частей. Элементу «*прах*», безусловно, соответствует «порог» — *prah* [6, с. 352]. *Οστροβουνι* происходит из славянского *острево* [10, выпуск 36, с. 68] с суффиксом *-ун-*, дающим прилагательное со значением *острый*. Из славянского лексикона можно вспомнить, например, слово *остривник* — жердинник, срубленные нетолстые деревья с подсеченными сучьями [16, выпуск 13, с. 155]. В этой связи стоит уточнить и трактовку Багрянородного, который называет сей порог, как «*τό νησίον τοῦ φράγιμου*» [1, с. 58], читаемый — «остров порога». Однако с учетом того, что *νησίον* имеет значение «островок, большая скала» [17], можно допустить толкование — «скалистый порог».

Четвертый «славянский» порог — *Νεασήτ* имеет в основе, производную от глагола **ositi* — *колоть (ся), быть колким, иметь острие* [10, выпуск 36, с. 37]. Однокоренными существительными являются **osa*, **osъ*. Частица «*не*» употребляется в качестве сравнения [10, выпуск 24, с. 93]. Таким образом, визуально можно представить порог

острый, как, например, бурьян из чертополоха (**osътъ*). Возможно, об этом писал и Константин Багрянородный, а вовсе не про «гнездовья пеликанов», которые не могут селиться в бурном потоке. Его пояснение про Неасит — «*...Νεασήτ, διότι φωλευουσιν οἱ πελεκάνοι εἰς τὰ λίθάρια τοῦ φράγιμου*» [1, с. 58], в котором *πελεκάνοι* можно посчитать производным от глагола *πελεκάω* — *обрубать, обтесывать*. Тогда фраза может звучать, как «*...Неасит, потому что нагромождены обтесанные камни в преграде (заборе)*».

Два славянских компонента встречаем в составе пятого порога *Βουλνηπράχ*. Как было отмечено выше, «*прах*» соответствует «порог» — *prah*. Другая часть — *Βουλνη* представлена славянским корнем **vel-* (сюда же *vol-*, а также, например, чешский — *vůle* — *вольный простор*) с суффиксом *-н-* в значении большой, огромный, крупный, великий, вольный.

Шестой порог *Βερουτζή* восходит к корневой группе *ver-* с использованием суффикса *-уч-*. Здесь выделяем, прежде всего, *веря* — изгородь, столб, жердь, *вереница* — ряд, *в(е)рѣти* — кипеть, бурлить, сотрясать, колебаться, вертеть, крутить, валиться [16, выпуск 2, с. 87–88, 110; 18, том 1, с. 74–75]. Сей порог можно представить бурлящим (кипящим) потоком среди множества нагроможденных столбиков.

И напоследок — *Ναπρεζή*. Образ данного порога можно определить в виде забора из жердей или тонких палок, называемого *пращлы*. В основе лежит славянский глагол **pręsti* — *пращать, вращать, крутить, вить, плести* (в английском варианте — *spin*, от которого получила название популярная ныне у школьников игрушка спиннер). Распространенная многозначная приставка *на-* может выступать в качестве указания сравнительной характеристики (наподобие, сообразно). Здесь есть смысл провести некоторые параллели с порогом Вулнипрах. Если там прообразом преграды может выступать *вол (vůl)*, то Напрези может быть выражен менее крупным — бараном (в старославянском — *praz* [18, том 2, с. 108]).

В заключение, для наглядности, сведем результаты нашего исследования в таблицу:

Названия порогов				
По-русски	Значение (особенности)	По-славянски	Значение	В трактате Багрянородного (перевод автора)
Εσσουπη	Бурлящий среди каменных глыб	Εσσουπη	Нагромождения, рассекающие поток	Беспокойный, бурный порог
Ουλβουσι	Скалистые нагромождения	Οστροβουνιπραχ	Острый (скалистый) порог	Скалистый порог
Γελανδρι	Гудящий порог	* Γαλαντη (* <i>Галандый</i> — <i>реконструкция автора</i>)	Шумный порог	Шумный порог
Αειφορ	Мощные нагромождения	Νεασήτ	Острый, как чертополох	Порог острых камней
Βαρουφορος	Большая запруда	Βουλνηπράχ	Великий порог	Большая заводь
Λεαντι	Клокочущий порог	Βερουτζή	Кипящий порог	Кипение воды
Στρουκουν	Небольшой порог	Ναπρεζή	Малый порог	Малый порог

Литература:

1. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik. Washington, Dumbarton Oaks, 1967, с. 58–60
2. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Комментарии к гл. 9 // Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989, с. 291–332.
3. Брайчевский М. Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли южной Руси в IX–XIV вв. (история и археология). Киев, 1985, с. 19–30.
4. Костомаров Н. И. Начало Руси // Современник. СПб, 1860. Т. 79. С. 5–32.
5. Федченко О. Д. Новый подход к лингвистическому анализу гидронимов Центральной России // Филология и лингвистика. — 2017. — № 2, с. 62–63.
6. Derksen R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Brill. Leiden · Boston, 2015
7. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bern & München, 1959
8. Церковнославянский язык. Учебное пособие. Автор-составитель Стульцев А. Г. — Ростов-на-Дону, 2013.
9. Karaliūnas S., Lie. {kūpas} // Baltistica, 1982, XVIII (2), с. 165–166
10. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Под редакцией О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. — М: Наука, 1987–2012.
11. Дуриданов И. Езикът на траките: [Изследване]. — София: Наука и изкуство, 1976
12. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. («Etymological Dictionary of Lithuanian Hydronyms»). Vilnius, «Mokslas», 1981.
13. Détails entre le Dnepr et Niester 1724–1729 / Bibliothèque nationale de France <http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb42369595k>
14. Федченко О. Д. Геродотовы реки Скифии // Ростовский научный журнал. — 2017. — № 6, с. 17–20. <http://rostopjournal.ru/wp-content/journals/RostovScientificJournal62017.pdf>
15. Геродот. История в девяти книгах. Изд-во «Наука», Ленинград, 1972. Перевод и примечания Г. А. Стратановского, под общей редакцией С. Л. Утченко.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. / Главный редактор Р. Н. Кривко. М.: Наука; СПб: Нестор-История. 1975–2015
17. Νέα ελληνική-Ρωσικά λεξικό. И. П. Хориков, М. Г. Малев. 1980. http://new_greek_russian.academic.ru/42029/%CE%BD%CE%B7%CF%83%CE%AF%CE%B4%CE%B9%CE%BF%CE%BD
18. Этимологический словарь русского языка. Составил А. Преображенский. — М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1910–1914.
19. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-30799.htm>
20. Древнегреческо-русский словарь. Составил И. Х. Дворецкий. Под редакцией С. И. Соболевского. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
21. Яворницький Д. І. Дніпрові пороги: Альбом фотографій з географічно-історичним нарисом: альбом / Д. І. Яворницький. — Харків: Держвидав України, 1928.
22. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005
23. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. М.: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005

Понятие концепта как составляющей единицы картины мира

Фиклистова Яна Викторовна, магистрант;

Гаркуша Любовь Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, лингвокультурный подход, когнитивный подход, культура, концептосфера

Человек, как существо мыслящее, воспринимает окружающий мир, выстраивая свою картину мира, раскрашивая окружающую действительность различными цветами.

Мир — это взаимодействие человека с окружающей средой, а картина мира — это продукт переработки информации и формирование определенных представ-

лений о мире. Следовательно, можно сказать, что картина мира — это не фотоальбом, но процесс познания мира человеком, определенный образ мира. Человеческое сознание создает для себя образы фактов, которые являют собой определенную модель действительности. Эта модель, или картина фактов, воспроизводит структуру действительности в целом или структуру её отдельных компонентов (в частности, пространственных, цветовых и др.).

В современной понимании картина мира — это своего рода портрет мироздания, это некая копия Вселенной, которая предполагает описание того, как устроен мир, какими законами он управляется, что лежит в его основе и как он развивается, как выглядят пространство и время, как взаимодействуют между собой различные объекты, какое место занимает человек в этом мире. Накапливая опыт, человек преобразует его в определенные концепты, которые, в конечном итоге, выстраиваются в концептуальную систему, которую человек уточняет, модернизирует и перестраивает непрерывно.

Необходимо уточнить определение термина «концепт». Согласно Большому энциклопедическому словарю, «концепт (от лат. Conceptus — мысль, понятие) — смысловое значение имени (знака), т.е. содержание понятия, объект которого есть предмет (денотат) этого имени» [1]. Исходя из определения, лексическое значение слова можно называть концептом, но такое понимание концепта считается недостаточным, узким и далеким от реальности.

В изучении концепта выделяют два основных направления: лингвокультурное (отсюда возникла новая область в лингвистике — лингвоконцептология) и когнитивное. Эти два направления имеют много общего, но у них есть и различия.

В современной лингвистике термин «концепт» не новый. Еще в 1928 году С. А. Аскольдов, опубликовал статью «Концепт и слово». Эта статья является началом лингвокультурного подхода в современной науке. Указывая на заместительную функцию концепта, С. А. Аскольдов определяет его следующим образом: «Концепт есть мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [2]. Следовательно, можно утверждать, что концепт — оперативная содержательная единица памяти и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания.

Примерно в то же время Д. С. Лихачёв использовал понятие «концепт» для обозначения обобщенной мыслительной единицы, которая отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка и, являясь своего рода обобщением различных значений слова в индивидуальных сознаниях но-

сителей языка, позволяет общающимся преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является минимальной единицей этой картины. В то же время концепт — это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Таким образом, концепт по Д. С. Лихачёву выполняет заместительную функцию в языковом общении [3].

Еще одним сторонником лингвокультурного подхода является Ю. С. Степанов, который утверждает, что «концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [4]. Перефразируя данное утверждение, можно сказать, что концепт не столько мыслится, сколько переживается.

Очень важна точка зрения В. И. Карасика, который рассматривал концепт значительно шире, чем лексическое значение слова, утверждая, что «концепт — многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [5].

Заслуживает внимания теория концепта, предложенная В. И. Карасиком и Г. Г. Слышкиным. Основные ее тезисы сводятся к следующему:

- 1) сознание является областью пребывания концепта;
- 2) концепт — ментальное отражение культуры;
- 3) язык и/или речь — сферы опредмечивания концепта [6].

Согласно этой теории, концепт понимается как ментальное образование с привелигирующим ценностным свойством [7].

А. Вежбицкая определяет концепт как объект идеального мира, который имеет имя, определяется набором семантических данных и отражает культурное представление о действительности [8]. Сама действительность дана в мышлении через язык, а не непосредственно.

З. Д. Попова и И. А. Стернин развивают когнитивный подход к пониманию концепта. Согласно теории З. Д. Поповой и И. А. Стернина, «концепты в сознании человека возникают в результате деятельности, опытного постижения мира и складываются из:

- а) его непосредственного чувственного опыта — восприятия мира органами чувств;
- б) предметной деятельности человека;
- в) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами;
- г) путем сознательного познания языковых единиц» [9].

Как отмечает А. П. Бабушкин, «концепт — это ментальная репрезентация связей между объектами действительности» [10].

Приведенные подходы к определению концепта не исключают друг друга: концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. на культуру, а концепт как отражение культуры есть фиксация коллективного опыта, который есть досто-

яние индивида. Эти подходы различаются направлениями по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт — это направление от индивидуального сознания к культуре; лингвокультурный концепт — направление от культуры к индивидуальному сознанию.

Литература:

1. Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <https://www.vedu.ru/big-encdic/29936/> (дата обращения: 29. 05. 2017).
2. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Язык русской культуры, 1997. С. 267–279.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН — СЛЯ — 1993, № 1.
4. Степанов Ю. С. Концепт [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://www.ec-dejavu.net/c/Concept.html> (дата обращения: 29.05.2017).
5. Карасик в. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/2790175/> (дата обращения: 29. 05. 2017).
6. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под. ред. И. А. Стернина. — Воронеж: ВорГУ, 2001.
7. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. I. С. 13–15.
8. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. 2010 — Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/> (дата обращения: 29. 05. 2017).
10. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.
11. Словарь методических терминов. [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word/> (дата обращения: 07. 08. 2017).
12. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208с.

Особенности использования юридических понятий в публицистике (на примере американских и русских газетных статей)

Щепотина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Курская академия государственной и муниципальной службы

Газетно-публицистический стиль охватывает, среди прочего, популярные юридические тексты, относящиеся к области массовой коммуникации, которые воздействуют на актуальные процессы в социуме оперативным документальным отображением, основанном на осмыслении этих текстов и эмоционально выраженной оценке.

Понятие публицистического стиля складывается из языка газет, общественно-политических журналов, выступлений, бесед, дискуссий и т.д. Мы обратимся в дальнейшем к текстам, содержащим юридическую информацию, которая охватывает факты и события правовой и криминальной сферы жизни общества.

Тексты массовой информации образуют своеобразный социальный феномен, включенный в систему социального управления обществом, играют ведущую роль в современном использовании языка как средства воздействия, обладают общими системными и специфическими тексто-

выми характеристиками, реализуют двуединую цель информирующего воздействия [1].

Создатели публичной вербальной коммуникации не только представляют информацию правового характера, но и воздействуют на массы с целью побуждения их к анализу происходящих событий, а также к активным сознательным действиям.

В рамках данной статьи в качестве источников использованы юридические публицистические статьи, в которых реализуются определенные коммуникативные ситуации. Такие тексты можно отнести к одному из типов институционального дискурса, либо к промежуточной сфере между институциональным и бытовым дискурсом.

В практике СМИ сегодня широко используются методы подсознательного стимулирования, когда отношение адресата к предметам и явлениям действительности формируется с помощью стандартизованных представлений

(стереотипов, мифов, слухов), встроенных в информационные сообщения, автоматически вызывая в массовом сознании отрицательную или положительную реакцию на конкретное событие.

Главной функцией публикаций, имеющих правовую направленность, является высокая степень экспрессивности и эмоциональности. В популярных юридических статьях не подтекст, а сам текст, вполне определенно выражает оценочное отношение к излагаемым фактам.

Наличие эмоциональных и оценочных характеристик можно обнаружить в выдержках из газетно-публицистических статей:

— Сейчас в колонии отдельно от остальных содержатся только четыре **злостные нарушительницы**, которые были переведены из других исправительных учреждений страны за совершенные во время отбывания срока заключения преступления [3].

— Справедливость **восторжествовала** только сейчас [4].

— **Незадачливый** преступник признался в совершенном грехе и рассказал стражам порядка о том, что **едва удрал** от целой банды убийц [4].

Фразы **справедливость восторжествовала, незадачливый преступник, совершенный грех, едва удрал, злостные нарушительницы**, являются нетипичными для профессиональной юридической сферы, так как статья писалась не для нее, но читателю статьи понятен смысл сообщения и очевидно отношение к событиям автора статьи. (Перевод предложений приведен автором статьи).

— I think it is worse to take somebody and put them in **a small cell for the rest of their life**, deprived of their freedom, never to be pardoned [5].

(Я думаю, это хуже посадить кого-либо в **маленькую камеру пожизненно лишив человека свободы**, и надежды на прощение).

— **Far from prison walls**, Ebbers, who — has not been charged with any crime spends most of his time in his mansion on a Brookhaven [6].

(**Далеко от тюремных стен** Эберс, которого не обвинили ни в одном преступлении, проводит большую часть своего времени в своем особняке в Брукхэвэне).

Такие выражения, как **a small cell, for the rest of their life, far from prison walls** свидетельствует о том, что газетно-журнальная публицистика ориентирована на массовую аудиторию, на создание единого общеэтнического коммуникативного и культурного пространства. Для осуществления этой цели необходимо, чтобы вербальная оболочка популярных юридических статей была доступна массовой аудитории, т.е. максимально приближена к ее речевому узусу. Сказанное сопряжено с «усреднением», «массовизацией» речевого стандарта публицистики, подбором «общедоступных», общепонятных языковых средств.

В последние десятилетия в российской публицистике возросло количество статей, в которых авторы используют лексику, узнаваемую как негативно маркированную, обо-

значающую отрицательное отношение к социальной дифференциации в обществе.

Снижены способы общения, установившиеся в современной речевой коммуникации, которые отражают дифференциацию социально-культурных групп населения, микрогрупп, разного рода социальных коллективов. Поэтому, соответственно, наблюдается пестрая мозаика речевых манер, способов выражения мыслей и эмоций, тактик и стратегий диалогов, построения письменных и устных текстов, употребления слов.

— **Незадачливый преступник признался в совершенном грехе...** [4]

— **What happens when justice disappear into their marble temple?** [5].

Для наших дней характерна тенденция к сближению литературной и разговорной речи, которая ярко демонстрирует демократизацию литературного языка. Если для юриста-практика важна юридическая составляющая, квалифицирующая то или иное деяние, то для неспециалиста (автора и читателя популярных юридических статей), важно оценить противоправность деяния с утилитарных, морально-этических позиций (**наглое, подлое, коварное, ужасное**).

— And not just any gangster but an **extraordinary** crime [6].

— To set up, for **chocking** crimes capital punishment should be used but carefully [6].

— Корреспондентам «МК» удалось восстановить картину **дерзкого** преступления [4].

Поскольку публицистический текст обращен к более или менее широкой аудитории, автор стремится расширить фон знаний, повлиять на формирование мнений, на уровень этнической языковой культуры и в целом выразить установки той социальной группы, которую он представляет.

Реализованный набор составляющих типичной ситуации как в американских, так и в русских газетно-публицистических текстах зависит от вкусов потенциального адресата, от цензуры, статуса газеты или журнала, мастерства автора, от принятой схемы жанра, а также от известных фактов и актуальности описываемых норм.

Употребление в газетно-журнальном узусе специальных терминов диктуется определенным коммуникативным намерением, т.е. является функционально обусловленным. Так, например, в популярных юридических статьях это отражается в употреблении правовой лексики, а также некоторого круга терминов, «доступных» массовому читателю, продиктованным намерением «вписаться» в предполагаемый стандарт социума, быть коммуникативно-функциональным.

Юридические термины, относящиеся к видам преступлений, к формам наказания, преступникам и т.п., являются своего рода застывшими формулами ценностно-значимой информации. Для юриста важен состав преступления и обстоятельства, при которых оно совершено, в то время как для неспециалиста, т.е. представи-

теля массовой аудитории и носителя наивного языкового сознания, важно оценить преступление с эмоциональной позиции. В пределах одной культуры знак оценки того или иного явления, поступка, качества в правовом и наивно-правовом кодексах совпадает, что обусловлено накопленным социальным опытом.

Автор статьи, фрагмент из которой приведен ниже, оперирует как специальными юридическими терминами, которые снижаются в бытовой дискурс: *мотив, преступление, лишение свободы, колония строгого режима*; так и привычной газетной лексикой: *поражаешься, сельскохозяйственный спор, и т.п.*

— Отслеживая хронику убийств, поражаешься мелочности *мотивов* людей, готовых пойти на преступление.

— Так в результате *«сельскохозяйственного» спора* одного человека не стало, а второго приговорили к 6 годам лишения свободы в исправительной *колонии строгого режима* [3].

— *Бородатого «главаря»* милиционеры поблагодарили за помощь в задержании преступника [4].

Специальная лексика: *system of justice, victims, court process, courts*, и газетная лексика: *shockingly wrong, have little to offer* употребляется в примерах:

— «Governor Ryan's action was *shockingly wrong*». Mr. Lieberman said in an — interview on Friday. "It did terrible damage to the credibility of our *system of justice*, and particularly for the victims [5].

(Поступок губернатора Райна был ошибочным — заявил Г-н Либерман в своем интервью в пятницу — этот поступок на нес огромный урон нашей системе правосудия, особенно жертвам этого деяния).

— Even if the *court process* is in allocating reward and punishment litigation might *have little to offer* in ensuring compliance and using to achieve outcomes [7].

Литература:

1. Зильберт Б. А. Тексты массовой информации / Б. А. Зильберт. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. — 80 с.
2. Согланик Г. Я. Лексика газеты / Г. Я. Согланик. — М.: Высшая школа, 1981. — С. 54.
3. «Аргументы и факты» 2012–2015 гг.
4. «Московский комсомолец» 2012–2015 гг.
5. «The New York Times» 2012–2015 гг.
6. «US News and World Report» 2012–2015 гг.
7. «Law and Society» 2012–2015 гг.

Образный профиль лексем «мышь», «mouse», «maus», «souris» с позиций ономазиологии

Щукина Галина Олеговна, кандидат филологических наук, доцент
Международный институт рынка (г. Самара)

Отождествление поведения представителей животного мира с поведением человека является «базисной» метафорой [8, с. 39]. Мифологические сюжеты и прагмати-

(Даже если считать действия суда в распределении наказаний и поощрений, обоснованными и квалифицированными, тем не менее обращение в суд не может гарантировать гражданам желанных результатов).

Специальная лексика, как в англоязычных, так и в русскоязычных газетах и журналах, используется в прямом и переносном значении. Пресса отражает общий процесс «терминологизации» общелитературного языка. Целые группы терминов сохраняют свои прежние терминологические отношения и оказывают влияние на общелитературную лексику [2, с. 54].

При сопоставительном анализе текстов правовой тематики очевидным становится предположение того, что примеры с рассматриваемыми в исследовании вербальными мифологемами можно подразделить на три группы, для которых характерны: *1 — постоянство; 2 — эмоциональность и экспрессивность; 3 — идеологичность*. Очень часто в предложениях такого рода могут одновременно встречаться все указанные характеристики. Такое разграничение характерно для всех популярных юридических статей.

В популярных юридических статьях преобладает прагматическое «усреднение» узуса, его подстраивание под узус предполагаемого адресата с целью устранения возможных коммуникативных и вербальных помех, препятствующих общению. Следовательно, наряду с употреблением в статьях газетной оценочной, неоценочной лексики обязательно присутствуют термины юридического метаязыка, что способствует усилению влияния разговорной речи на узус публичной вербальной коммуникации, посредством категории авторитетности: повышение авторитетности высказывания за счет элементов «научного», «юридического», или даже «псевдонаучного» дискурса.

ческие представления народа становятся источником образной номинации представителей животного мира [2]. Зоонимные образы демонстрируют совокупность отно-

шений [3, с. 125], а значит, могут рассматриваться как отдельная система образов, отражающих метафоризированное восприятие окружающего мира [7, с. 62]. В процессе фразеологизации лексические компоненты фразеологизмов создают неповторимый яркий образ. Благодаря семантической перестройке у лексем могут постепенно формироваться самостоятельные переносные значения. На наш взгляд, такое восприятие максимально отражено во фразеологии.

А.И. Басова указывала, что во фразеологизмах с зоонимным компонентом особое место занимает коннотативное значение, которое объясняется образной двуплановостью устойчивых переосмысленных языковых единиц [1]. В настоящей работе мы остановимся на рассмотрении переносных и контекстуально-порождённых переносных значений лексем МЫШЬ, MOUSE, MAUS, SOURIS. А.И. Лызлов изучал аксиологический потенциал образов «мышь» и «крыса» на материале фразеологических единиц, имеющих структуру словосочетания и целого предложения (паремии) [4]. Во фразеологизмах высока роль ассоциативной и коннотативной составляющей. Исследователь подчёркивает амбивалентный характер образов «мышь» и «крыса», за счёт отражения в них как положительных, так и отрицательных черт.

Для начала обратимся к этимологии лексем MOUSE, MAUS, МЫШЬ, SOURIS и проанализируем основной образ, лежащий в основе как первичной, так и вторичной номинации. В первых трёх лексемах, относящихся к германской и славянской ветви индоевропейской языковой семьи, мы прослеживаем связь с праиндоевропейским **mus-* и санскритским *mus*, что и означало «мышь», «крыса». Многие источники указывают на связь санскритского слова со словом «*musika*», которое означает «вор», подчёркивая тем самым природу грызунов и их поведение в доме человека [9, 10, 11, 12]. Примечательно, что французское слово *souris* имеет связь с латинскими *soxex* и *susungus*, проявляющими, по предположению, праиндоевропейское происхождение от **swer-* (ср. в русском «свирель») [13, 14, 15]. Полученные данные указывают на некую метонимическую номинацию в лексеме «*souris*», когда в качестве имени отбирается один из сопутствующих атрибутов объекта действительности.

Определим существующие переносные значения изучаемых лексем. Во всех четырех языках зафиксировано переносное значение мыши как «устройство для ввода и представления информации на дисплее компьютера». В английском языке *mouse* выступает как в роли существительного «тихий, молчаливый, осторожно действующий человек», так и в роли глагола *to mouse* — делать что-то незаметно (по аналогии с поведением грызуна) [16]. Во французском языке *souris* метафорично означает партнера женского пола (преимущественно невысокого роста), маленького ребёнка, а также мясистую часть задней ножки (как правило, баранины) [17]. Здесь прослеживается некая этимологическая связь между словами «мышь» и «мышца» в общем индоевропейском пра-

языке. Помимо указанных значений, существует ряд переносных значений, реализуемых в постоянных переносных контекстах (фразеологических единицах).

Теперь опишем контекстуально-порождённые переносные значения лексем MOUSE, MAUS, SOURIS, МЫШЬ, обнаруженные нами в компаративных, метафоричных фразеологизмах со структурой словосочетания и паремиях со структурой предложения и аллегорично-нравоучительным содержанием. Большинство найденных нами переносных значений лексем MOUSE, MAUS, SOURIS, МЫШЬ антропоцентричны. Так, например, в немецком языке существует выражение *keine Maus* [18], что, в переводе на русский язык, значит «никого, ни души». Примечательно, что во многих семантических подгруппах изучаемая лексема способна номинировать как некий объект действительности, так и его атрибуты.

В процессе описания материала исследования мы обращали внимание на развёрнутость контекста и структуру фразеологизма, а также, насколько часто то или иное контекстуально-порождённое переносное значение встречается во фразеологическом фонде изучаемого языка. Взяв за основу теорию М.В. Никитина [5] относительно функциональной характеристики языковых знаков прямой номинации, а также труды В.М. Савицкого [6] об ономазиологических уровнях; мы пользуемся специальной терминологией для описания функциональной составляющей лексических компонентов фразеологизмов. Устойчивые образные языковые единицы могут демонстрировать характеристики слов, словосочетаний и предложений. В первом случае, компоненты выполняют роль морфем (фиксаторов смысла); во втором и третьем, — слов (номинаторов смысла). Среди фиксаторов смысла мы различаем фиксаторы-активизаторы смысла (значение, встречающееся только в одном переносном контексте) и лексические фиксаторы смысла (значение, встречающееся в двух и более переносных контекстах). В делимых фразеологизмах и предложениях указанные характеристики отражены в промежуточных номинаторах смысла и потенциальных номинаторах смысла соответственно. В случае, если фразеологизм или паремия содержат лексему с заданным переносным значением (т.е., отражённым в словаре), мы различаем вторичный номинатор смысла для делимых фразеологических единиц и квазивторичный фиксатор смысла для неделимых фразеологических единиц.

Лексема SOURIS обнаруживает следующие, специфичные только для французского фразеологического фонда контекстуально-порождённые значения в функции фиксатора-активизатора смысла: книжный червь *souris de bibliothèque* [19]; непоседа, егоза (о ребёнке) *éveillé comme une potée de souris* [20]; артремфит (инородное тело в суставе) *souris articulaire* [21]; женщина, служившая в гитлеровской оккупационной армии в 1940–1944 гг. *souris grises* [19]; карманные кражи *faire la souris* [19]; конус бокового воздухозаборника *souris d'entrée d'air* [22]. В функции промежуточного номина-

тора смысла — что-то невероятное, невысказанное *c'est le nid d'une souris dans l'oreille d'un chat* [22].

Лексема МЫШЬ обнаруживает следующие, специфичные только для русского фразеологического фонда контекстуально-порождённые значения в функции фиксатора-активизатора смысла каверзный вопрос допрашиваемому *забрасывать мышь* [23]; чванливый человек *наварчивать как мышь на крупу* [24]; человек, которого легко обмануть *попасть как мышь в сало* [24]. не порядочный человек *мышь подкопная* [23]; человек с лицом сероватого оттенка (например, от усталости или недуга) *(лицо) как у мыши* [24]; человек с жалобным голосом *пищать как мышонок* [24]; пьяный человек *ловить мышей* [23]; дискомфортное состояние *мышь в руках у кого* [23]; музыка *ловить мышей* [23]; единомышленники (негативно об увеличении их числа) *размножаться как мыши* [24]; серый цвет *серый как мышь* [24]; человек, внимательный к деталям *чтобы мышь (мыши) не узнала (не узнали)* [23]. В функции лексического фиксатора смысла было найдено значение человек, делающий что-либо незаметно для других *прикорннуть; проскользнуть, проскочить как мышь / мышонок* [24].

Лексема MOUSE обнаруживает следующие, специфичные только для английского фразеологического фонда контекстуально-порождённые значения в функции промежуточного номинатора смысла: характер и натура человека *you don't get rats out of mice!*; бесчувственный человек *a dead mouse feels no cold*; неопределённое будущее *today a man tomorrow a mouse*; помощь, благодарность *did you ever know a kitten/kitlin bring a mouse to the old cat?*; меньшее из неприятностей *burn not your house to fright away the mice*. В функции лексического фиксатора смысла были найдены значения: характер и натура человека *country mouse/town mouse*; что-то мягкое на ощупь *snod [smooth and sleek] as a mouse(s) back*; в функции фиксатора-активизатора смысла — значение голодный человек *hungry as a church mouse*.

Лексема MAUS обнаруживает следующие, специфичные только для немецкого фразеологического фонда контекстуально-порождённые значения в функции фиксатора-активизатора смысла: полицейский *die weißen Mäuse* [18]; еда *eine süße Maus sein* [18]; малое количество чего-либо *das trägt eine Maus auf dem Schwanz fort* [25]; пустые отговорки *j-m Mäuse (vor)Machen* [25]; фантазии; то, что привиделось *weiße Mäuse sehen* [18]. В функции промежуточного номинатора смысла были найдены значения: придирчивое отношение к кому-либо *Da beisst die Maus keinen Faden ab!* [26]; ребёнок *Kleine Mäuse haben auch Ohren* [27]; лексического фиксатора смысла: деньги, в т.ч. евроцент в немецком языке — лексический фиксатор смысла *dicke Mäuse haben* [25]; *ein paar Mäuse* [18].

Далее рассмотрим контекстуально-порождённые переносные значения, обнаруженные во всех четырёх языках:

человек, который делает что-то незаметно в русском языке — фиксатор-активизатор смысла *жить как мышь под корою* [24]; в английском языке — вторичный номинатор смысла *to mouse* [16]; в немецком языке — лексический фиксатор смысла *(das) Mäuschen spielen* [18]; *eine graue Maus* [18]; во французском языке — промежуточный номинатор смысла *vouloir être caché dans un trou de souris pour voir cela* [19].

подчиненный/слабый конкурент в русском языке — лексический фиксатор смысла *кошки-мышки* [28]; *играть как кошка с мышкой* [28]; *давить, задушить как мышей* [24]; промежуточный номинатор смысла *грозит мышь кошке, да издали* [29]; в английском языке — лексический фиксатор смысла *play cat and mouse* [30]; *cat-and-mouse life, play etc.* [16]; потенциальный номинатор смысла *shy, timid cat makes a proud mouse* [16]; *cat's away, mice at play!* [16]; *Don't make yourself a mouse, or the cat will eat you* [31]; в немецком языке — потенциальный номинатор смысла *Der Katzen Scherz ist der Mäuse Tod* [27]; *Katz aus dem Haus, Rührt sich die Maus* [27]; *Tote Katzen beißen auch die Maus* [27]; во французском языке — потенциальный номинатор смысла *le chat parti, les souris dansent (le chat parti {ulu absent le chat, quand le chat n'est pas là, quand le chat dort}, les souris dansent)* [19]; *absent le chat, les souris dansent* [20]; *qui naquit chat court après les souris* [19]; *le chat est lion pour la souris* [20].

результат работы, в т.ч. и незначительный в русском языке — потенциальный номинатор смысла *Дулась гора родами, а родила мышь* [32]; *Гора родила мышь* [33]; в английском языке — потенциальный номинатор смысла *a cat in gloves / mittened/ muffled cats catch(es) no mice* [16]; *The mountain has brought forth a mouse* [34]; в немецком языке — фиксатор-активизатор смысла *aus die Maus* [35]; потенциальный номинатор смысла *Dem schlafenden Fuchs läuft keine weise Maus in den Mund* [27]; *Er will anderer Leute Ratten fangen und fängt sich selber nicht die Mäuse* [27]; во французском языке — фиксатор-активизатор смысла *accoucher d'une souris* [19]; потенциальный номинатор смысла *Chat ganté ne prend souris* [36]; *la montagne a accouché d'une souris* [20].

человек, идущий на риск в русском языке — потенциальный номинатор смысла *Беззаботна та мышь, которая только одну лазейку знает* [37]; *Плоха мышь, что один только лаз знает* [37]; в английском языке — потенциальный номинатор смысла *It is a poor mouse that has only one hole* [38]; *it's a bold/wily mouse that nestles/can breed in a cat's ear* [16]; в немецком языке — потенциальный номинатор смысла *Es ist eine kühne Maus, die der Katz ein Nest ins Ohr darf machen* [27]; *Das ist*

¹ Здесь и далее в параграфе приводятся примеры из Wilkinson P.R. Thesaurus of Traditional English Metaphors. 2nd Edition. London, New York: Routledge., 2013. 896p.

eine arme Maus, die nur weiss zu einem Loch hinaus [27]; *Es ist eine schlechte Maus, die nur ein Loch weiß* [39]; во французском языке — промежуточный номинатор смысла *souris qui n'a qu'un trou est bientôt prise* [19].

тихий, молчаливый, скромный, осторожный человек в русском языке — лексический фиксатор смысла *тихий как мышь* [24]; *сидеть как мышка под метлой / в норке* [24]; в английском языке — квазивторичный фиксатор смысла *quiet/shy/still/timid/silent as a mouse* [16]; в немецком языке — лексический фиксатор смысла *still wie ein Mäuschen* [18]; *bei etw. Mäuschen*

spielen / mogen / sein mögen [35]; *(so) still wie eine Maus* [18]; во французском языке — лексический фиксатор смысла *petite souris* [20]; *guetter sa proie comme un chat guette la souris* (*guetter sa proie comme un chat guette {или fait} la souris*) [20].

Подводя итоги исследования, можно подчеркнуть, что образный профиль изученных лексем обладает довольно развёрнутой системой национально-лингвистических характеристик и только в нескольких случаях можно увидеть схожее представление грызуна в русской, английской, немецкой и французской вторичной картине мира.

Литература:

1. Басова А. И. Языковая репрезентация менталитета в пословицах и поговорках и их роль в межкультурной коммуникации (на материале русского, белорусского и немецкого языков). URL: <http://qoo.by/2rQI> (дата обращения: 20.07.2017)
2. Иванова Е. Н. Образы животных в предметной диалектной лексике русского языка / Е. Н. Иванова // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. трудов / [Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; ред. С. Г. Галинова]. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. — Вып. 3. — С. 180–185.
3. Леви-Строс К. Первобытное мышление. — М.: Республика, 1994. — 384 с.
4. Лызлов А. И. Языковая оценка в отражении паремических образов грызунов (на примере образов «мышь» и «крыса») // Известия ВГПУ. Филологические науки. — № 1 (114). — Волгоград, 2017. — С. 94–98.
5. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие. — М.: Высш. шк., 1988. — 168 с.
6. Савицкий В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования. — Самара: Изд-во Самарский университет, 1993. — 172 с.
7. Черданцева Т. З. Язык и его образы: Очерки по итальянской фразеологии. Изд. 3-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 168 с.
8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. — Chicago: The university of Chicago press, 2003. — 242 p.
9. <http://www.etymonline.com/index.php?term=mouse>
10. <http://www.todayifoundout.com/index.php/2011/03/where-the-word-mouse-comes-from/>
11. http://www.duden.de/rechtschreibung/Maus_Nagetier
12. Этимологический словарь русского языка. Фасмер Макс <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-8144.htm>.
13. <https://en.wiktionary.org/wiki/sorex>
14. <https://en.wiktionary.org/wiki/susurrus#Latin>
15. <https://en.wiktionary.org/wiki/Reconstruction:Proto-Indo-European/swer->
16. Wilkinson P. R. *Thesaurus of Traditional English Metaphors*. 2nd Edition. London, New York: Routledge., 2013. 896p.
17. <https://fr.wiktionary.org/wiki/souris>
18. Schemann H. *Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext*. — 2. Aufl., mit vollständig überarb. Einführung. — Berlin: de Gruyter, 2011. S.533
19. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / *Le nouveau grand dictionnaire phraseologique francais-russe* / под ред. В. Г. Гак. М.: Русский язык — Медиа. 2006. 1628с.
20. Кумлева Т. М. Самая современная фразеология французского языка Астрель, АСТ; 2011—147 с.
21. Новый французско-русский словарь <http://www.classes.ru/all-french/dictionary-french-russian-universal-term-68326.htm>
22. Новый французско-русский политехнический словарь <http://www.classes.ru/all-french/dictionary-french-russian-polytechnical-term-54805.htm>
23. Большой словарь русских поговорок / под общ. ред. В. М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2007.
24. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / под общ. ред. В. М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2008. 800 с.
25. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. — М.: Аквариум, 1995. — 768с.
26. Herzog A. *Idiomatische Redewendungen von A-Z* Langenscheidt 2001, 160s.
27. Sprichwoerter.net http://www.sprichwoerter.net/index.php?searchword=maus&option=com_search&Itemid=45
28. Фразеологический словарь современного русского литературного языка. Том первый (А — П) под ред. А. Н. Тихонова; М.: Изд-во «Флинта», Изд-во «Наука», 2004. 616с.

29. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 528 с.
30. Пархамович Т. В. Англо-русский, русско-английский словарь фразеологизмов. — Минск: Попурри, 2011. — 130 с.
31. Комаров А. С. The Concentrated Wisdom of the Race. Пословицы английского языка и их русские аналоги Учебное пособие 2-е издание, стереотипное Москва Издательство «Флинта» 2012
32. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 229
33. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереот. М.: Рус. Яз, 2000. 544 с.
34. Гварджаладзе И. С., Мchedlishvili Д. И. Английские пословицы и поговорки Москва, 1971. — 76 с.
35. Duden — Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Duden — Deutsche Sprache in 12 Bänden, Band 11. — 4 überarbeitete und aktualisierte Auflage. — Berlin, Duden Verlag: Bibliographisches Institut, Reihe, 2013. — 928 S. 499;
36. Критская О. В. Французские пословицы и поговорки. М.: Высшая школа. 1962. 95 с.
37. Маргулис А., Холодная А. Русско-английский словарь пословиц и поговорок / Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings. McFarland & Company, In C., Publishers Jefferson. North Carolina and London. 2000. 487 с. 286
38. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary. М.: Русский язык — Медиа. 2005. 1214с. 516;
39. Graf A.E. 6000 Deutsche und Russische Sprichwörter. M. Niemeyer. 1956. 297pp. 172—173.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

The Biblical expressions in English and Russian languages and the complexity of their translation

Artemova Milana Valerevna, student

Moscow Institute of Television and Radio Broadcasting «Ostankino»

It is known that the Bible is one of the most outstanding books in our life, and it is the most widely read and quoted book all over the world. Thanks, the high value of the biblical stories and symbols along with semantic depth existing in the Bible, Holy Writ is one of the richest and inexhaustible sources of phraseological composition of many languages. Currently there is a revival of interest in religion and directly to the Bible as an authoritative source which for many centuries defined the spiritual life of man. There are many turns of speech that came to us from the Holy Writ. The cause is because in this book included a bunch of long, unique, historical experience. The aim of this work is the general conclusion and systematization the information about the Biblical expressions in English and Russian languages. The aim is fulfilled in the course of solution the following tasks:

1. To consider the Holy Writ in English and Russian languages as sources for the penetration of the Biblical expressions in English and Russian languages.

2. To consider the similarities and differences of the Biblical expressions in the Russian and English languages.

In the process of given work I would like to know whether English biblical expressions have equivalents in the Russian language and how to translate these phraseological units from one language to another. The object of this work is biblical expressions in Russian and English languages.

The biblical texts throughout their existence have attracted the attention. The priests, theologians, philologists, linguists were working on the translations. Today the Bible is of interest not only from religious but also from a linguistic point of view as a collection of classic texts and being an integral part of world literary heritage.

The history of the Bible translations into English can be divided into three parts: the Old Testament time, the Middle Ages and New time. The Septuagint is the oldest known translation of the Old Testament into Greek. The Septuagint was written in the III — I centuries BC in Alexandria. By the end of the IV century was appearing the necessity in the translation of the Holy Scriptures on the Latin language, which was made by the blessed Jerome with Hebrew and Greek sources. This text received the name of the Vulgate. The translation which becomes central to English culture, as Luther's is to German, is the King James Bible (also called

the Authorized Version). Edited by forty-seven scholars between 1604 and 1611, it aims to take the best from all earlier translations.

Unlike the English translation, Russian history cannot boast of such an abundance of different variations, though, because historically Russia was not such a sharp division in the Christian world. The main languages are old Church Slavonic and Russian, respectively, with edits and amendments at different times. Together with the translation of the Bible enlighteners Cyril and Methodius brought to the Slavs their writing. In A. D. 863, Rostislav, Prince of Great Moravia, sent a petition to Byzantium asking the emperor to send him some teachers of the Christian faith. The emperor responded by sending two brothers: Cyril and Methodius. Cyril and Methodius' translations spread widely among the Slavonic tribes, including the Rus.

In the 15th century, people in Rus still didn't have the entire Bible, although they used its separate books. The necessity of the full collection of the Bible's books appeared as a result of an argument between Zachariah, a leader of one of the monasteries, and archbishop Gennady. The Bible of Gennady is the first complete Slavonic Bible. The Russian Bible Society was established in 1814 by the edict of Tsar Alexander I, who himself was an active member of the Society. At first RBS was distributing Slavonic Bibles. In the 1816 the Society published its own edition of the Slavonic Bible and also the New Testament as a separate book.

Nowadays the native speakers of English use biblical quotations in everyday speech, they meet them in different sources and they even don't know about their origin. Studying of biblical phrases in English language is necessary and interesting because to know language means to know a lot of aspects and also biblical words. There's no generally accepted classification of biblical phrases in the world. The linguists classify them according to different principles. Phraseological units of biblical origin often remain far apart with their biblical prototypes. It is associated in some cases with the fact that the biblical prototype often can be rethought and to be changed word order.

The fate of the biblical phraseology of the Russian language is quite unusual. Being very common in all areas of language before 1917, it has significantly decreased in volume and lost its readers during the years of Soviet power, when

the Bible was banned. As a result, many biblical phraseological units fell into the category of obsolete. Expressions that came from the Bible, and varied greatly in nature and activity of the use: some of them are common — ничтоже сумняшеся, камень преткновения, валаамова ослица, хлеб насущный, подставить другую щеку, не хлебом единым, да минует меня чаша сия, аредовы веки, много званых, да мало избранных; многие будут последними, и последние будут первыми; в поте лица своего, петь Лазаря.

Many biblical expressions in the process of their functioning in the Russian language have acquired new meanings or have changed their semantics and grammatical form. So, the value of biblical expression «Вааламова ослица» (a humble, silent man, who unexpectedly expressed their opinion or protest) is international but only in the Russian language there is yet another value (it is a stupid, stubborn woman, because in Russia national culture donkey is a benchmark of stupidity and stubbornness).

Another interesting example with the biblical expression of «the fiery furnace» (печь огненная). This expression is quite common in Byzantine and ancient texts, like in the old Testament and the new Testament value. The word «печь» in the biblical text repeatedly acts as a symbolic designation of God's wrath, retribution for human sins. Pay attention to one of the most important biblical passages which refers to the expression «печь огненная». In the third Chapter of the book of Daniel tells the story of the three youths Hananiah, Azariah and Misael, refused worship the idol at the command of king Nebuchadnezzar. They were thrown into the «печь огненная», but thanks to the intervention of God remained intact. This story has a deep symbolic implication. The fire and «печь» act as the phenomenon of punishing, but at the same time cleansing and healing of the soul. The flame wasn't seared the young men and wasn't brought them suffering. The test revealed that they overcame this trial with dignity thanks strongholds of their faith. So we see that in the Old Testament books originally formed the idea of the fire, where the fire is cleaning the righteous. However, in the later books of the Old Testament appearing other meanings of that expression.

There are difficulties in translating biblical phraseological units. To avoid these difficulties it's necessary to know how to translate biblical words. There are 3 main groups of biblical phrases, for each of the group there are certain ways of translation.

1. The same meaning and sphere of use of Russian and English biblical units. While translating them we use Russian equivalent.: daily bread — хлеб насущный, the salt of the earth — соль земли, by/in the sweat of one's brow — в поте лица своего, to turn the other cheek — подставить другую щеку, blind leaders of the blinds — слепые поводыри слепых, to cast pearls before swine — метать бисер перед свиньями, the sign of the times — знамение времени, not by bread alone — не хлебом единым. It's not difficult to translate this group.

2. English biblical phraseological units which have no equivalents in modern Russian language. The aim of the translator is to find the corresponding Russian equivalent. In

some cases it can be translation — explanation, in some — descriptive translation, in some cases — phraseological unit. For instance: at the eleventh hour (Matthew 20:9) — в одиннадцатом часу, в последнюю минуту, в самый последний момент; hewers of wood and drawers of water (Joshua 9:21) — рубящие дрова и черпающие воду — люди (а также группы населения и целые страны), выполняющие тяжелую, черновую работу (обыкн. физическую); to hide one's light under a bushel (Matthew 5:15) — держать свет свой под спудом/сосудом/скрывать свои достоинства, способности, быть излишне скромным, не использовать своих возможностей, талантов (ср.: зарывать талант в землю); to play Samson in the temple (Judges 16:21–30) — поступить, как Самсон в храме/погубить врагов/противников и погибнуть при этом самому; damascus road/road to Damascus (Acts 9) — путь/дорога в Дамаск — переломный момент в чьей-л. жизни; поворотный пункт, решающий момент; прозрение; внезапное озарение (за которым следует резкая перемена); to cast one's bread upon the waters (Ecclesiastes 11:1) — отпускать хлеб свой по водам — делать что-л., не ожидая немедленных результатов; делать добро, не ожидая вознаграждения, бескорыстно.

There are biblical phraseological units in both languages but there are some discrepancies while translating them. For example: Что-л./это — от лукавого (Matthew 5:37) — it is the work of the devil; it comes straight from the devil; на злобу дня — smth. topical; dealing with the topic of the day — Творить/сотворить себе кумира (Exodus 20:4) to idolize smb.; to make an idol of smb.; to make smb. an icon; to iconize smb.; to put smb. on a pedestal; Manna (of heaven; in the wilderness; in the desert) (Exodus 16:14–36) — манна (небесная)еда., 1. to fall/rain down/drop/descend on/upon smb. like 1. русск. — тж. падать/свалиться на кого-л., как 2. что-л./кто-л. очень желанное/ый, долгожданное/ый, сильно ожидаемое/ый, редкое/ий: to be like; to be as welcome as 2. русск. — тж. ждать чего-л./кого-л. как/будто/словно/точно манны небесной 3. духовная пища русск. — такого значения нет 4. что-л. очень вкусное: to feed on; to partake of — русск. — такого значения нет.

Based on the same Bible story in English and Russian languages there are different expressions whose values need to know exactly, not to be confused with the visible similarities. For example: As old as Adam (разг.) — старо, как мир; так заведено давным-давно/испокон веков: The custom is as old as Adam. — русск. — такого значения нет.; Not to know smb. from Adam (Eve) (colloquial.) — совершенно не знать кого-л., не знать кого-л. в лицо (ср.: они меня в глаза никогда не видели); не узнать кого-л. — русск. — такого значения нет. Job's news — печальные новости/вести; весть о несчастье. русск. — такого выражения нет.

This artistic book of Job in English and Russian languages included the following statements: The Lord gave and the Lord hath/has taken away (1:21) — Господь дал, Господь и взял; Let the day perish wherein I was born (3:3) — погибни день, в который я родился; Our days upon earth are a shadow (8:9) — наши дни на земле тень.

In English and Russian established various syntactical-morphological patterns of biblical equivalents. There exist the following examples: To wash one's hands of smb./smth. (Matthew 27:24) (обыкн.с дополнением)-умывать руки (без дополнения); Out of the mouths of babes and sucklings (Psalms 8:2, Matthew 21:16) употр. в такой форме-библ: из уст младенцев и грудных детей; обыкн. употребляется: устами младенцев глаголет истина; In smb's image, after one's likeness (Genesis 1:22) обыкн.только: in smb's image/in the image of smb. — по (чьему-л.) образу и подобию/кого-л. (всегда целиком);

Several biblical expressions are used in English in Latin form (sometimes in parallel is in use and English version), they often correspond to Bible in Russian Church Slavonic form. There are: Fiat Lux (Let there be light) (Genesis 1:3)-Да будет свет (иногда тж. употр. по-латыни); Ecce homo (Behold the man) (John 19:5)-Се человек; Quo Vadis? (Whither goest thou?) (John 16:5) — Камо грядеши; Nunc dimittis (Luke 2:29) — Ныне отпускаеши.

The use of quotations from the Bible — original or modified — is more characteristic of the English language; some of them are constantly used: I am not/am I my brother's keeper? (Genesis 4:9); Let us now praise famous men (Ecclesiasticus 44:1); What is truth? (John 18:32); And ye shall know the truth, and the truth shall make you free (John 8:32); Whither goest thou? (John 16:5); The rain falls on the just and unjust alike (Matthew 5:45);

The Bible in English-speaking countries constantly used as a source of headlines and book titles. The Bible can also be

cited for a particular reason (and there are quotes for all occasions). For example, during prohibition in the United States used the quote: «There is a crying for wine in the streets; all joy is darkened, the mirth of the land is gone» (Isaiah 24:11) — плачут о вине на улицах; помрачилась всякая радость; изгнано всякое веселие земли.

In different languages biblical expressions are not similar. However, even parallel phraseological units of biblical origin differ in semantic characteristics, or its grammatical structure. This is due to linguistic reasons (different language system), and extralinguistic (intercultural differences).

In both analyzing languages-English and Russian, there are certain fixed images connected with Christianity. But for the English people the Bible has always been the main book and has kept its strong positions practically in all spheres of life. Russian people were remoted from the sacred book, so they don't know lots of plots from it. Nevertheless, the Holy Bible has made strong influence on the language itself and remained its trace in the Russian phraseology.

Thus, summarizing, from the above we can draw the following conclusions:

First of all, biblical expressions are actively used both for the Russian and English languages. Holy Scripture is the main source of collocations and phraseological units of biblical origin, which when borrowing can undergo various semantic transformation. In General, modern English shows a more intensive use of Sola Scriptura than Russian, which, apparently, is connected with the extralinguistic factors, including historical and cultural.

References:

1. Кунин А. В. Основные понятия английской фразеологии и создание англо-русского фразеологического словаря. Дисс. д-ра филол. наук. — М., 1964
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
3. New and Old Testament. King James Version
4. The Oxford Dictionary of the Christian Church
5. Гак, В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. — 1997. № 5
6. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета канонические в русском переводе с параллельными местами
7. Бетехтина Е. Н. Фразеологизмы с библейскими именами: в русском и английском языках. — СПб.: Издательство СПб. ун-та, 1999
8. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. М.: Языки славянской культуры, 2011

Передача описания внешности персонажей с концептом цвета «black» при переводе романа Дж.Р. Р. Толкиена «Властелин колец»

Марьина Любовь Николаевна, магистрант
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

В статье рассматриваются переводы описания внешности персонажей с концептом цвета black. Анализ сделан на материале трех самых популярных переводов романа Дж.Р. Р. Толкиена «Властелин колец» — Н. Григорьевой и В. Грушецкого, В. А. Маториной, А. Кистяковского и В. Муравьева.

Ключевые слова: перевод, анализ текста, сравнительный анализ, цветообозначение, *black*, *черный*, Властелин колец, Толкиен

Создавая произведение, писатель ориентирует читателей на определенные нравственные, психологические и мировоззренческие установки. Носителями данных установок являются персонажи произведения. Автор выражает свою позицию по отношению к тому или иному герою посредством его описания, причем происходить это может эксплицитно и имплицитно. Значение портретирования крайне важно в художественных произведениях, так как хороший портрет способен дать глубокое представление о персонаже. Изображения героев помогают увидеть языковое мастерство писателя, узнать и понять его творческую манеру.

В искусстве литературного портрета упоминания цвета, воспроизводя объективные признаки внешности героя, непременно характеризуют существенные стороны его натуры и отношение автора к нему. Внешний портрет — описание наружности: телесных, природных, возрастных свойств, а также всего того, что сформировано социальной средой и культурной традицией, является одним из важнейших средств создания образа персонажа.

Описание персонажей в романе Дж. Р.Р. Толкиена «Властелин колец» занимает особое место: писатель соз-

дает подробные и развернутые описания внешности, часто — с указанием определенных внешних черт. Автор выстраивает яркие портреты героев, причем не только главных, но и второстепенных. Дж. Р.Р. Толкиен подмечает каждую деталь: цвет лица, глаз, одежды, обуви и т.д. Благодаря филигранной работе, читатель ясно может представить себе не только внешность героя, но и его характер, а также принадлежность к одной из воюющих сторон Средиземья — добра или зла.

В данной статье мы рассмотрим примеры употребления и перевода цвета *black* в составе описания внешности персонажей. Для переводческого анализа нами были выбраны три перевода романа, выполненные Н. Григорьевой и В. Грушецким (ГГ), В.А. Маториной (ВАМ), А. Кистяковским и В. Муравьевым (КМ). Сбор материала осуществлялся путем поиска употребления автором цветообозначений в тексте оригинала и сравнением соответствующих им переводов. Стоит отметить, что из всех цветов *черный* наиболее часто употребляется в романе, встречаясь, в том числе, в описании внешности персонажей.

Таблица 1

Описание внешности людей, призванных на службу в Мордор

Оригинал	Перевод ГГ	Перевод ВАМ	Перевод КМ
They are fierce. They have <i>black eyes</i> , and long <i>black hair</i> , and gold rings in their ears; yes, lots of beautiful gold. And some have red paint on their cheeks, and red cloaks; and their flags are red, and the tips of their spears; and they have round shields, yellow and <i>black</i> with big spikes [8, с. 646].	Они страшные. <i>Черные глаза</i> , и <i>черные волосы</i> , и золотые кольца в ушах — да, много золота! И на щеках красная краска, и красные плащи, и кончики копий тоже красные, и круглые <i>щиты</i> , желтые и <i>черные</i> , с большими шипами [2, с. 711].	Они страшные. <i>Черные глаза</i> , <i>длинные черные волосы</i> и золотые кольца в ушах. Золото красное, его много. У некоторых на щеках красная краска и плащи красные. Флаги красные. Копья тоже с красными наконечниками. <i>Щиты</i> у них круглые, желтые и <i>черные</i> , с большими шипами [3, с. 813].	<i>У них черные глаза и длинные черные волосы</i> , а в ушах золотые кольца; да, много всякого золотца на них, красивенького золотца. С красными, раскрашенными щеками, в красных плащах, и флаги у них красные, и наконечники копий. <i>А щиты</i> круглые, желтые и <i>черные</i> , с большими шипами посредине [5, с. 369].

Данный отрывок описывает внешность расы людей, призванных на службу в Мордор. Так как они находятся на стороне зла, в описании автор в изобилии использует цвета, характеризующие ее: *черный*, *красный* (Всевидящее око Саурона носит еще и название *Red Eye*, таким образом, *красный* цвет — один из цветов-символов *Черного Властелина*). Не случайным является и то, что автор не просто упоминает о золоте на персонажах, а акцентирует внимание на этом: люди считаются слабой расой, поддающейся искушениям, и алчность — один из пороков. Напомним, что правители людей были извращены силой

девяти колец, которые Саурон распределил между ними, и превратились в назгулов — самых сильных из слуг *Темного Властелина*.

В описании внешности мы видим не только физические характеристики персонажей (*черные глаза*, *черные волосы*), но и в подробностях можем представить, во что они одеты. Цвет *black* помогает живее вообразить оружие людей. Цветообозначение в данном примере использовано в прямом, денотативном значении, при этом фоновые знания читателя помогают отнести упомянутых воинов к одной из воюющих сторон, что означает, что

автором в колоративе заложен еще и символический символ. Переводчики перевели все упоминания black как

черный, используя, тем самым, полные, абсолютные эквиваленты.

Таблица 2

Описание внешности хоббита Ted Sandyman

Оригинал	Перевод ГГ	Перевод ВАМ	Перевод КМ
There was a surly hobbit lounging over the low wall of the mill-yard. He was grimy-faced and black-handed [8, с. 1017].	Через низкую стену мельничного двора на них смотрел рослый, грубого вида хоббит. Лицо у него было недоброе, а руки совсем черные [2, с. 1013].	Из-за низкой каменной ограды вокруг мельницы высунулась неприветливая рожа, <i>измазанная сажей и машинным маслом</i> [3, с. 1173].	На низкую мельничную ограду тяжело облокотился здоровенный хоббит, чумазый и засаленный [6, с. 423].

В данном примере колоратив употреблен в коннотативном значении и отражает одну из черт внешности героя — грязные руки. Переводы отрывка разнятся, местами искажая смысл оригинала. Колоратив black дословно передали лишь ГГ, однако у них наблюдается стилистическая неточность. В их переводе *черные руки* не обозначают руки, черные от грязи. В совокупности с *недобрым лицом* данное описание ассоциируется со злым характером хоббита. Искажение смысла произошло из-за неверного перевода grimy-faced: у переводчиков слово используется для описания черты характера персонажа (агрессивный, недобрый), в то время как у Дж.Р. Р. Толкиена оно — внешняя характеристика персонажа (grimy — запачканный, грязный). Таким образом, несмотря на буквальный перевод цветообозначения, мы наблюдаем потерю смыслового порядка.

Подобная потеря наблюдается и в переводе ВАМ. Переводчица производит подмену понятий: колоратив black, указывающий на грязные руки персонажа, ВАМ исполь-

зует для того, чтобы показать, что грязным у персонажа является лицо. Следовательно, происходит смысловая потеря, из-за которой описание персонажа получается менее ярким и точным.

Наиболее удачным, на наш взгляд, представляется перевод КМ. Переводчики отошли от слов «лицо» и «руки», описав внешний вид персонажа в целом. Такое описание помогает создать у читателя образ неопрятного, грязного с ног до головы персонажа, как и задумывалось у Дж.Р. Р. Толкиена. Кроме того, благодаря устойчивым выражениям в русском языке — чумазое лицо, засаленные рукава — читатель, не задумываясь, понимает, к каким частям тела относятся данные характеристики. Таким образом, несмотря на, казалось бы, опущение слов, мы наблюдаем полные, абсолютные эквиваленты. Black, согласно словарю Longman, в одном из значений: «dirty: informal very dirty» [7, с. 157], согласно Ожегову, «грязный — покрытый грязью, запачканный, нечистый» [1, с. 214].

Таблица 3

Описание внешности людей в таверне

Оригинал	Перевод ГГ	Перевод ВАМ	Перевод КМ
One or two gave Frodo a black look and departed muttering among themselves [8, с. 161].	Местные, выходя, <i>недобро поглядывали</i> на Фродо и бубнили меж собой [2, с. 330].	Один или двое <i>уничтожающе посмотрели</i> на Фродо и вышли, переговариваясь [3, с. 356].	...а в дверях один-другой обернулись и <i>мрачно поглядели</i> на Фродо [4, с. 207].

Дж.Р. Р. Толкиен для описания тяжелого, недоброго взгляда персонажей использует метафору *black look*. Black здесь используется в коннотативном значении — речь идет об эмоциональном состоянии персонажей. В русском языке нет похожего устойчивого выражения. Таким образом, переводчики должны были выполнить целостное преобразование данного словосочетания. Согласно словарю Longman, колоратив black в одном из значений означает: «angry: [only before noun] full of feelings of anger

or hate» [7, с. 157]. Как мы видим, у всех переводчиков получилось передать эмоциональную окраску выражения, однако если говорить о морфемном составе слов, то ближе всех к оригиналу *black* оказались КМ, использовавшие наречие *мрачно*, имеющий корень *мрачн-*, созвучный со значением колоратива при переводе на русский язык. Одним из значений слова *мрачный*, согласно словарю Ожегова, является: «исполненный печали, наводящий грусть, безрадостный, угрюмый» [1, с. 360].

Подводя итог, можно сделать вывод, что Дж.Р. Р. Толкиен в своем романе «Властелин колец» создает детальные описания внешнего облика героев, активно используя цвет black для их более яркого изображения. Слова и словосочетания с указанным нами колоративом носят как общий, так и специальный характер, приобретая, тем самым, символический смысл, заложенный автором. Цвет black не во всех случаях используется в коннотативном значении, для создания более живого образа писатель также употребляет метафоричные словосоче-

тания, помогающие глубже раскрыть и понять персонажа. Рассматриваемый нами цвет несет в себе эмоционально-экспрессивный оценочный оттенок, что помогает реализовать функцию воздействия на читателя.

При этом перевод цвета black в описании внешности персонажей не всегда является точным. Наблюдаются потери стилистического и семантического характера. Это, в свою очередь, ведет к искажению или даже потере смысла, заложенного автором в описание образа того или иного героя.

Литература:

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; — 3-е изд., стереотипное — М.: АЗЪ, 1996. — 928 с.
2. Толкин Дж. Р.Р. «Хоббит, или Туда и Обратно. Властелин Колец» / Пер. с англ. Н. Рахмановой, Н. Григорьевой, В. Грушецкого. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 1136 с.
3. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и Обратно. Властелин Колец / Пер. В. А. М. — М.: Издательство Эксмо, 2004. — 1376 с., илл.
4. Толкиен Дж. Р.Р. Хранители: Повесть / Пер. с англ. В. Муравьева. — М.: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс, Издательство ЯУЗА, 2000. — 544 с.
5. Толкиен Дж. Р.Р. Две Твердыни: Повесть / Пер. с англ. В. Муравьева. — М.: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс, Издательство ЯУЗА, 1998. — 512 с.
6. Толкиен Дж. Р.Р. Возвращение Государя: Повесть / Пер. с англ. В. Муравьева. — М.: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс, Издательство ЯУЗА, 2001. — 480 с.
7. Longman Dictionary of Contemporary English. Fifth edition. Pearson Education, Longman, 2009. — 2082 с.
8. Tolkien J. R. R. «The Lord of the Rings». — Harper Collins Publishers, 1994. — 1168 с.

О правилах выполнения перевода научно-технической литературы и документации

Паршина Татьяна Вячеславовна, документовед деканата факультета иностранных учащихся Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Для осуществления перевода научно-технического текста переводчик обязан знать и умело применять правила выполнения перевода научно-технической литературы и документации.

Ключевые слова: правила выполнения перевода научно-технической литературы и документации, технический перевод, технический переводчик, Методические рекомендации ВЦП, Рекомендации СПР, нормативно-технические документы, ГОСТы

Технический перевод в своем существе очень сложный и трудоемкий процесс. Переводчик должен обладать глубоким массивом знаний и умений для осуществления перевода научно-технического текста, а именно:

- глубоко знать вопросы теории технического перевода и умело применять на практике знание закономерностей технического перевода;
- системно и продуманно набирать свой терминологический словарь; детально изучать терминологию предметной области (областей);
- всесторонне познать предметную область и постоянно совершенствовать свои знания в предметной области.

Проработав и изучив массив информации, представленной в сборниках материалов конференций, в частности, III-ой Международной научной конференции «Актуальные вопросы филологических наук: материалы (Казань, 2015 г.) [2]; 69-й Международной студенческой конференции ГУАП (Санкт-Петербург, 2016 г.) [3]; 71-й Всероссийской научно-технической конференции, посвященной Дню радио (Санкт-Петербург, 2016 г.) [4]; Международной научной конференции «Филология и лингвистика в современном мире» (Москва, 2017 г.) [5]; 72-й Всероссийской научно-технической конференции, посвященной Дню радио, секция «Прикладное переводоведение

и проблемы практического перевода« (Санкт-Петербург, 2017 г.) [6], автор резюмирует о том, что переводчики, преподаватели перевода определяют ещё одну важную составляющую подготовки переводчика — знать и умело применять правила выполнения перевода научно-технической литературы и документации. По мнению автора, это не случайно, так как при переводе научно-технических текстов, например, инструкций по монтажу, эксплуатации, обслуживанию и ремонту оборудования, технических условий, спецификаций деталей и материалов, нельзя довольствоваться верностью перевода «в целом». Технические тексты содержат элементы, которые передаются в переводе согласно определенным правилам. Так, существуют правила пунктуации в различных языках для римских и арабских цифр, правила перевода названий приборов и устройств, математических формул, единиц измерения, правила по перерасчету размерностей. Некорректный перевод технического текста может не только нанести вред репутации переводчика, но и явится причиной более тяжелых последствий. Например, некачественный перевод инструкции по использованию того или иного механизма может привести к тому, что рабочий, обслуживающий данный механизм, может получить производственную травму, применяя такую инструкцию.

В этой связи, автор, придерживается твердой позиции о том, что нельзя пренебрегать правилами выполнения перевода научно-технической литературы и документации и оставлять без внимания документы и источники, содержащие правила, ибо это есть залог высокого качества работы переводчика.

Для иллюстрации своей позиции, автор обращается к лучшим отечественным практикам осуществления письменного перевода, перевода научно-технической литературы и документации, а именно, к документам, в которых обобщен опыт отечественных переводчиков:

Методические рекомендации для переводчиков и редакторов научно-технической литературы ВЦП. Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации, Москва, 1988 [7];

Письменный перевод — Рекомендации переводчику, заказчику и редактору. Союз переводчиков России, 3-я редакция, Москва 2015 [8].

В Методических рекомендациях для переводчиков и редакторов научно-технической литературы ВЦП. Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации, Москва, 1988 (далее — Методические рекомендации ВЦП) приведены правила выполнения перевода научно-технической литературы и документации. Всего сформулировано 75 правил. Например, некоторые из них:

1. Перевод должен быть полным и адекватным. Полный перевод должен быть выполнен без пропусков и произвольных сокращений текста оригинала. Адекватный научно-технический перевод должен точно передавать содержание оригинала, иметь общепринятую в языке перевода терминологию и соответствовать нормам языка

научно-технической литературы, на который выполняется перевод.

2. При подборе переводных эквивалентов по словарям переводчик должен учитывать, к какой области науки и техники относится данный иностранный термин, а также контекст, в котором термин применен. Переводчик должен пользоваться соответствующими пометами в словарях. Например, «power» — «мощность» (техн.); «энергия» (физ.). Переводчик должен учитывать также, что научно-техническая терминология постоянно развивается и даже широко распространенные термины могут получать новые значения или заменяться новыми терминами. Например, «analysis» — «анализ», но и «теория», «теоретические исследования»; «usefulness» — «полезность», но и «эффективность».

3. Если в тексте оригинала встречается термин, не зафиксированный в научно-технических словарях по данной или смежным отраслям, то переводчик должен подобрать к нему переводной эквивалент, используя справочники или другую специальную литературу, или же обратиться за консультацией к соответствующему специалисту. В случае, если для данного иностранного термина эквивалент на русском языке вообще не установлен, то переводчику рекомендуется совместно со специалистом создать новый эквивалент по существующим моделям терминологического образования. В крайнем случае, если новый эквивалент на русском языке, соответствующий по значению иностранному термину образовать не представляется возможным, то переводчик должен перевести этот термин описательным путем и при первом упоминании привести его в скобках на языке оригинала.

4. В переводе необходимо соблюдать единообразие терминов, наименований физических величин и их единиц, условных обозначений, сокращений, символов. Переводчик дает только один вариант перевода отдельных слов, терминов или выражений. Приводить несколько вариантов как бы «на выбор редактору» не допускается.

5. В переводе не должно быть неясных формулировок, мешающих правильному восприятию смысла оригинала. При построении русской фразы переводчик должен учитывать, что не всегда порядок слов иностранного предложения совпадает с порядком слов русского предложения. В русском языке члены предложения, несущие основную информационную нагрузку, располагаются в конце предложения. Поэтому порядок слов иностранного предложения при переводе нередко приходится перестраивать. Неясные вопросы, возникающие при переводе оригинала, переводчик не должен опускать.

6. Если переводчик обнаружил, что оригинал содержит смысловые ошибки или грубые опечатки, то он обязан дать точно соответствующий оригиналу перевод, а внизу страницы в сноске указать на ошибку в оригинале и привести правильный вариант. При этом переводчик несет полную ответственность за приводимое им толкование данной части оригинала. В конце сноски после точки необходимо дать пометку в скобках (Прим. пер.). Опечатки

явно полиграфического характера следует исправлять непосредственно в тексте перевода без выноса в сноску.

7. Перевод заглавия должен быть по возможности близок к оригиналу. Однако переводчик должен учитывать, что в иностранной научно-технической литературе заглавия нередко отличаются краткостью и в определенной степени рекламностью. Поэтому перевод заглавия должен быть выполнен в соответствии со стилем и нормами, принятыми в научно-технической литературе на русском языке. Как правило, он должен быть выполнен после завершения всего перевода. Нередко в иностранном оригинале встречается несоответствие некоторых пунктов оглавления (содержания) заголовкам в тексте. Переводчик должен устранить это несоответствие. Перевод заглавий в тексте и оглавлении (содержании) должен быть идентичным.

Анализ правил, изложенных в Методических рекомендациях ВЦП, позволяет для удобства условно сгруппировать их следующим образом:

- группа правил, раскрывающих сущность перевода научно-технической литературы и документации;
- группа правил, определяющих работу переводчика с терминами науки и техники;
- группа правил, определяющих изложение текста и перевод заглавия;
- группа правил, определяющих работу переводчика с аббревиатурами и сокращенными наименованиями марок приборов, механизмов;
- группа правил, определяющих работу переводчика с именами собственными, географическими названиями, наименованиями фирм, фирменными названиями машин;
- группа правил, определяющих работу переводчика с названиями иностранных учреждений, должностей, званий;
- группа правил, определяющих перевод физических единиц;
- группа правил, определяющих работу переводчика с математическими знаками, числами, цифрами, значениями температуры;
- группа правил, определяющих работу переводчика с иллюстрациями (рисунки, схемы, графики и др.);
- группа правил перевода названий иностранных журналов и библиографических ссылок.

Таким образом, правила, приведенные в Методических рекомендациях ВЦП, обеспечивают переводчика знанием для осуществления перевода научно-технической литературы и документации. Однако, следует обратить внимание на то, что правила следует применять с учетом реалий сегодняшнего дня. Так, например, современный уровень развития информатизации позволяет при переводе оформлять схемы и таблицы в едином электронном документе Word. Нет необходимости вклеивать схемы и таблицы. Также следует обратить внимание на то, что многие ГОСТы обновлены. Так, ГОСТ 8.417–81 прекратил свое действие. Взамен него постановлением Госстандарта Российской Федерации от 04.02.2003 № 38-ст введен с 01.09.2003 года ГОСТ 8.417–2002.

Рекомендации переводчику, заказчику и редактору Союза переводчиков России (далее — Рекомендации СПР) охватывают разные стороны процесса выполнения письменного перевода, а именно:

- исходный текст;
- критерии выбора переводчика;
- взаимодействие сторон;
- организацию перевода;
- переводной текст;
- проверку качества выполненных переводов;
- организацию редактирования переводов в целях повышения их качества.

Рекомендации СПР имеют своей главной целью способствовать обеспечению устойчивого высокого качества письменных переводов за счет унификации требований к переводу, формализации и гармонизации отношений между заказчиком и переводчиком.

В отличие от Методических рекомендаций ВЦП, Рекомендации СПР не имеют в своем содержании отдельное систематизированное положение о правилах выполнения письменного перевода. Однако, изучение и анализ Рекомендаций СПР позволяют выделить типовые решения вопросов, с которыми сталкивается переводчик в своей работе. Типовые решения вопросов содержат, в частности, правила выполнения письменного перевода, технического перевода. Например, несколько правил:

1. Специфическая терминология. Если глоссарий или иные справочные и информационные материалы не предоставлены заказчиком, то переводчик при переводе текста опирается исключительно на собственный опыт и знания. Переводчик обеспечивает единообразие часто встречающихся лексических единиц во всем тексте (во всех документах данного заказа/во всех документах для данного заказчика), то есть на протяжении всего текста (во всех документах данного заказа, во всех документах для данного заказчика) он использует один и тот же вариант перевода типичного слова, фразы, предложения или части текста.

2. Переводной текст должен соответствовать правилам орфографии, грамматики и нормам словоупотребления языка перевода — быть безупречным с точки зрения требований языка перевода.

3. При переводе фрагментов исходного текста, описывающих сходные явления, необходимо соблюдать синтаксическое единообразие. Заголовки, названия разделов, элементы перечней и другие однородные конструкции должны иметь одинаковую синтаксическую структуру, даже если в исходном тексте они сформулированы по-разному. Для описания последовательности действий не допускается использовать попеременно повелительное и изъявительное наклонение.

4. При переводе научно-технической литературы и документации необходимо учитывать, что для научно-технических русскоязычных текстов характерна строгость изложения. Она проявляется в соблюдении нейтральности стиля, единообразия терминологии, однозначности опи-

саний и синтаксическом единообразии однородных фрагментов текста.

5. Во всем тексте перевода должно быть соблюдено единство терминологии, присущей данной области знаний или сфере деятельности. Например, при переводе технических текстов рекомендуется использовать термины, установленные соответствующими государственными терминологическими стандартами, либо термины, содержащиеся в терминологических приложениях к государственным стандартам, а в отсутствии таковых — термины из Сборников рекомендуемых терминов Комитета научно-технической терминологии РАН и аналогичных документов. Рекомендуется также использовать в качестве авторитетного источника технических терминов специальные двуязычные и одноязычные толковые словари.

Нестандартизированные термины должны соответствовать терминологическим рекомендациям международных организаций, например, Международной организации по стандартизации (ISO).

6. При переводе необходимо руководствоваться Международной системой единиц (СИ) и употреблять единицы, применяемые наравне с единицами СИ, а также метрическую и российские ведомственные системы единиц, в том числе кратные и дольные единицы, образованные соответствующим образом.

7. Если текст содержит цифры, переводчик переносит их в итоговый документ без искажений. Поскольку формат представления цифровых значений различен в разных языках, следует руководствоваться правилами языка перевода. При переводе на иностранные языки следует учитывать установившуюся в конкретном переводящем языке практику написания числительных. Например, в американском английском достаточно распространенным является написание цифрами числе меньше 100 и словами — больше 100 (это не относится к научным и математическим текстам).

Анализ правил, изложенных в Рекомендациях СПР, также позволяет условно разбить их по группам:

- группа правил, регламентирующих работу с терминами;
- группа правил, регламентирующих работу с международной системой единиц;
- группа правил, регламентирующих перевод национальных реалий;
- группа правил, определяющих перевод имен собственных;
- группа правил, определяющих перевод аббревиатур и сокращений;
- группа правил, определяющих перевод цитат, названий книг, документов, однородных конструкций.

Таким образом, правила, приведенные в Рекомендациях СПР, также обеспечивают переводчика знанием для осуществления перевода научно-технической литературы и документации.

Следует отметить, что Рекомендации СПР не исключают использование правил перевода, сформулированных в Методических рекомендациях ВЦП. Иными словами, технический переводчик может использовать в своей работе оба этих документа.

Важным замечанием является и тот факт, что формулирование правил перевода, изложенных в Методических рекомендациях ВЦП и Рекомендациях СПР, основано на требованиях государственных стандартов Союза Советских Социалистических Республик, Российской Федерации, межгосударственных стандартов. Это объясняется тем, что перевод научно-технической литературы и документации осуществляется в строгом соответствии с требованиями нормативно-технических документов (ГОСТов), необходимых для обеспечения высокого качества перевода и упорядочения процесса перевода [1].

В таблице 1 автор приводит некоторые ГОСТы, используемые переводчиками при осуществлении перевода.

Таблица 1

ГОСТ	Краткое содержание
ГОСТ Р 6.30–2003 [13]	Устанавливает состав реквизитов документов, требования к оформлению документов, требования к бланкам документов, приводит образцы документов и справочную информацию.
ГОСТ 8.417–2002 [14]	Устанавливает единицы физических величин: наименования, обозначения, определения и правила применения этих единиц.
ГОСТ 7.32–2001 [15]	Устанавливает общие требования к структуре и правилам оформления научных и технических отчетов, а также правила для тех случаев, когда единая процедура оформления будет содействовать обмену информацией, совершенствуя обработку отчета в информационной системе.
ГОСТ 7.79–2000 [16]	Распространяется на правила транслитерации средствами латинского алфавита отдельных букв, слов, выражений, а также связанных текстов на языках, письменность которых базируется на кирилловском алфавите. Правила согласно настоящему стандарту применяют везде, где требуется обеспечить однозначное представление кирилловского текста латинскими буквами и возможность алгоритмического восстановления текста в исходной кирилловской записи, в частности при передаче документов по компьютерным сетям.

Отдельно следует заметить, что Методические рекомендации ВЦП и Рекомендации СПР являются основой для разработки переводческими компаниями своих памяток, методических и справочных руководств, инструкций, справочников для внутреннего использования. В них переводческие компании акцентируют внимание переводчиков на правилах перевода, применяемых в практической работе.

Вот несколько примеров.

В бюро переводов «Литтера» руководствуются памяткой переводчику технических текстов [9] (далее — памятка), где приводятся ГОСТы, которые технические переводчики должны изучить, знать и применять на практике. Переводчику предписывается соблюдать правила перевода текста, числовых данных и единиц, научно-технических терминов, наименований команд, описаний технических средств. Памятка разработана на основе Рекомендаций СПР.

В методическом и справочном руководстве инженерной переводческой издательской компании «Интент» [10] приводятся требования к качеству переводного текста, стилистические дефекты переводимого текста; раскрываются основные элементы текста и инженерно-технические аспекты перевода. Методическое и справочное руководство разработано на основе переводческого опыта сотрудников компании, а также Методических рекомендаций ВЦП.

В краткой инструкции по переводу технических текстов на русский язык переводческой компании «All correct» [11] (далее — инструкция) приведены правила перевода терминологии, аббревиатур, сокращений, единиц измерения; правила перевода текста на схемах, графиках

и изображениях. Инструкция разработана на основе Рекомендаций СПР и ГОСТов.

В справочнике переводчика и редактора переводческой компании «Переведем.ру» [12] (далее — справочник) приведены правила перевода чисел, единиц измерения, имен, аббревиатур, географических названий, адресов, названий организаций. Справочник разработан на основе ГОСТов, Методических рекомендаций ВЦП.

Подводя итог, автор обращает внимание на следующие важные моменты:

- переводчик для осуществления перевода научно-технического текста обязан знать и умело применять правила выполнения перевода научно-технической литературы и документации (далее — правила), изложенные в Методических рекомендациях ВЦП и Рекомендациях СПР;
- правила со временем совершенствуются и обновляются с учетом актуализации нормативно-технических документов;
- для переводческих компаний правила служат основой для разработки внутренних методик по техническому переводу, акцентирующие внимание переводчиков на важные и узловые моменты.

В заключении автор замечает о важности и необходимости продолжения кропотливой работы по аккумулярованию опыта переводчиков, осуществляющих перевод научно-технической литературы и документации, накоплению комментариев по применению ГОСТов при осуществлении технического перевода, актуализации существующих и разработке новых правил, способствующих обеспечению качественного перевода.

Литература:

1. Паршина Т. В. О стандартах, используемых при переводе научно-технической литературы и документации // Филология и лингвистика. — 2017. — № 2. — с. 77–80.
2. Теория и практика образования в современном мире: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). — СПб.: Свое издательство, 2015. — vi, 84 с.
3. Шестидесят девятая международная студенческая научная конференция ГУАП. Сб. докл.: В 2 ч. Ч. II. Гуманитарные науки / СПб.: ГУАП., 2016. 446 с.: ил.
4. 71-я Всероссийская научно-техническая конференция, посвященная Дню радио: сб. тр. 71-й науч. — техн. конф., посвященной Дню радио. Санкт-Петербург, 20–28 апр. 2016 г. СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2016. 472 с.
5. Филология и лингвистика в современном мире: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2017 г.). — Москва: Издательский дом «Буки-Веди», 2017. — vi, 106 с.
6. 72-я Всероссийская научно-техническая конференция, посвященная Дню радио. Санкт-Петербург, 2017 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.utr.spb.ru/> (на данный момент сборник материалов конференции находится в печати).
7. Методические рекомендации для переводчиков и редакторов научно-технической литературы ВЦП. Всеоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации, Москва, 1988. Составитель: И. П. Смирнов. [Электронный ресурс] URL: translation-ethics.ru. (дата обращения: 29.06.2017–14.07.2017).
8. Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору. Союз переводчиков России, Москва 2015. Составитель: Н. Дупленский. Редактор: Е. Масловский [Электронный ресурс] URL: www.translators-union.ru. (дата обращения: 15.07.2017–31.07.2017).
9. Бюро переводов «Литтера». Памятка переводчику технических текстов. [Электронный ресурс] URL: www.lit-tera.ru/art/pamyatka/ (дата обращения: 19.07.2017).
10. Инженерная переводческая издательская компания «Интент». Методическое и справочное руководство по переводу на русский язык, тематическому редактированию, литературной правке и редакционно-издательскому

- оформлению инженерно-технической документации. [Электронный ресурс] URL: http://www.intent93.ru/userloads/files/Metod_01.pdf (дата обращения: 25.07.2017–29.07.2017).
11. Бюро переводов «All correct». Краткая инструкция по переводу технических текстов на русский язык [Электронный ресурс] URL: http://www.allcorrect.ru/files/attached_files/%20%D0%B8%D0%.pdf (дата обращения: 22.07.2017–23.07.2017).
 12. Бюро переводов «Переведем.ру». Справочник переводчика и редактора. Редакция 1.4., исправленная и дополненная, 2008 г. — 92 с.
 13. ГОСТ Р 6.30–2003. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов» (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта РФ от 03.03.2003 N65-ст)
 14. ГОСТ 8.417–2002. Межгосударственный стандарт. Государственная система обеспечения единства измерений. Единицы величин» (введен в действие Постановлением Госстандарта РФ от 04.02.2003 N38-ст)
 15. ГОСТ 7.32–2001. Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления». (введен Постановлением Госстандарта России от 04.09.2001 N367-ст) (ред. от 07.09.2005)
 16. ГОСТ 7.79–2000 (ИСО 9–95). Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом» (введен в действие Постановлением Госстандарт России от 04.09.2001 N371-ст).

Toward a study in corpora in the frames of Translation Science and its general overlook

Шичкина Мария Геннадьевна, студент

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва (г. Саранск)

Данная статья посвящена исследованию понятия и феномена корпусной лингвистики в области современной науки, в частности в области переводоведения. Компьютеризация современной науки открыла возможность для исследователей собирать и накапливать всевозможные образцы текстовых фрагментов с целью дальнейшего изучения и исследования языковых особенностей. Наиболее оптимальным способом корпус может облегчить задачу переводчика, так как может предложить в каждой конкретной ситуации целый спектр переводческих решений.

Ключевые слова: corpus, corpora, TS, texts, translation

With the advent of the equipment, in particular computers providing translators and interpreters with a much greater variety of options, it appears that there has been a consequent shift towards analysis of naturally occurring language data. The current approach has gained popularity among researchers carrying out investigations in various fields and areas of linguistics: these include the Translation Science, commonly abbreviated as TS. Translation Science has been a rapidly developing area of linguistics, soon growing into another branch of science with its laws and regulations, and as any science, it has followed the latest techniques and inventions in the computer technology. This way it is possible to integrate the two sciences and obtain more successful results of further investigations and researches, which originated the new area in Translation Science and comparative linguistics, corpus linguistics. This branch of linguistics studies blocks of texts, sentences, phrases and words, collected together to exemplify certain rules of the language. A resurgence of interest in empirical and statis-

tical methods of language analysis has turned corpus analysis into a common practice, with a number of frequently occurred sentences, phrases and words included in collected blocks. These blocks are used when there appears a necessity to carry out a knowledge-based research, given the fact that contemporary corpora are getting more and more complete. As the popularity of corpus linguistics rose, there appeared new works covering the subject of the branch of linguistics mentioned above: ...

All of the works, starting from experimental studies and finishing with corpus-based works could be considered a great contribution to the whole bulk of science. They investigate various problems and issues partially or totally interconnected with each other and the overall goal is commonly enriching corpus linguistics. This branch is divided into different parts, each of which studies its own area, for example, a set of phrases that cover a certain topic or a set of words with the same grammatical meaning. This specific feature of the corpus linguistics is peculiar to it due to the differentiation

of parts of speech and words by meaning in English, as well due to the numerous variables existing in the language. All the variables should be divided into different groups, which overall compose the bulk of English vocabulary. This division is necessary for better understanding of the rules, which function within the language. For example, a «girl» is a noun and «to do» is a verb and the words, same in their grammatical function as the ones above could be united with those into corpora, which could be used for educational and translational purposes. Dictionaries exist to fulfill a range of various tasks, such as learning new words in the arranged order or finding a certain meaning for the current word, therefore dictionaries could be called corpora. As it seen, there could be found a number of corpora, which are to be studied and analyzed as well. Our work is aimed at bringing to light specific features of corpora and describing them in the common sense, which could be later used for further researches and better understanding of the concept.

Interest in language development brought scientists to the systematic diary studies, starting in the 19th century (Jaeger 1985) and lasting into the first decades of the 20th century. Diaries could be divided into two types: comprehensive diaries with a broader focus and topical diaries with a narrower focus. The 20th century was more predominated by the scientific research, still limited by the scientific resources barely existing at that time. However, it should be mentioned that the results of various studies and researches led to further surveys in the 21st century, with more means to use in the course of research. Technical and methodological resources have grown in number and, as opposed to the data written in diaries, were overlaid to more reliable printed variants and electronic sources. Most of the data was collected and added to the Internet, which enabled scientists from all over the world and every researcher, interested in a certain subject, search for the information on the Internet, 'pick up' certain details and consequently personally contribute to the whole bulk of science, grounded on previous researches. Overall, with the information collected and studied, it was possible to give the definition for the term «corpus» (or «corpora» in plural, originated from Latin), now used in common practice by scientists and researchers: «a collection of texts assumed to be representative of a given language, dialect or other subset of a language, to be used for linguistic analysis». It is also possible to add the statement that there also exists the opinion that corpora could also be considered dictionaries for the fact they possess a number of words, arranged in a specific order and processed by analogy through the careful analysis of an expert or a group of experts. The term «corpus» itself, originated from Latin as it was mentioned earlier, means a «body» which consequently could be regarded to anything that could be viewed as a whole thing. Dictionaries are quite full and provide the learner with the information related to the sphere that one is interested in. Some are organized in order of the subject that they belong to: for instance, law or medicine, others are arranged in the alphabetical order which helps to orient oneself better

in case one is interested only in one word and searches for it in the dictionary. Therefore, it is possible to consider dictionaries corpora to some extent. However, the group of linguists, viewing corpora exceptionally as texts collected together with a definite particle in common, believes that it is much more profitable to relate to corpora only with the definition in question. This opinion could be proved by the generally accepted fact: the narrower a definition is, the better it is for understanding and using a term. Thus, we will use the term «corpus» (or «corpora» in plural) as the term denoting a collection of texts arranged together for the sake of achieving some goal. There is no «standard size» for corpora: starting from a sentence and finishing with a larger text of any non-defined form, such as the British National Corpus (BNC) or any other one, currently accessible on the Internet. Some dictionaries, for instance the ABBYY dictionary, also include a corpus of sentences or a couple of sentences, each of which usually possesses a word in question. As a rule, these corpora consist of sentences, borrowed from literary, scientific and other texts which usually gained some popularity and became quite well-known. It could be a fragment from a famous novel by Terry Pratchett, Daniel Defoe, Jonathan Swift, Mark Twain or any other world-famous author; it could be as well a part of a scientific research published by a world-acclaimed organization; eventually it could be a fragment from the Constitution which inevitably serves the educational and translational purposes. The origin of the fragment is usually displayed, so as to help a corpus user orient oneself in the large collection of texts: the origin tells which way the fragment or a part of it should be exploited. In case a fragment belongs to the medical sphere, words with exactly the same meaning should be used in the exactly same medical context without alternation on the account of the semantic segregation in the English language. The word «attack» could be both used as one component of the phrases «heart attack», «anxiety attack», «panic attack», «terrorist attack», «air attack», «DoS attack» etc. The first three examples could manifest the fact that even within one sphere the meanings for one word could slightly differ, the other examples use the word «attack» in such an aspect that it could be defined as an act of aggression, administered toward some group or person. As it is known, each word has its own definition and sometimes even more than one. Corpora help define these definitions, while each definition should be grounded on a basis of frequency, in which this or that meaning occurs in the context. Therefore, corpora enable researchers define the frequency, prepare an exact definition for each meaning of the word and lay it out in the dictionary or in the article, which would in turn provide other researches with a possibility to continue contributing to the body of science. Contextual relations, which are one of the main factors for apprehension of the functions of a word, play an important role in corpora formation. A number of words, belonging to the same theme or subject, define the meaning of the other word, co-existing with others in the same context, such as a word «attack». In the sentences below we tried to differentiate the

meanings of the same word on the account of the phrases used in this paragraph:

- 1) *After the serious heart attack he could hardly walk and speak and the doctor recommended him to stay more in bed.*
- 2) *The anxiety attack she had finished in the hospital.*
- 3) *Due to serious panic attacks she was prescribed medicine which she was to take twice a day.*
- 4) *The terrorist attack was carefully planned and the military forces could not prevent it.*
- 5) *The subsequent air attack on the terrorists' positions was successful.*
- 6) *It was an attempt to make a computer resource unavailable to its intended users, it was a DoS attack.*

In every sentence it is possible to outline words and phrases that altogether give the notion of the context. In the first sentence these words are «doctor», «heart», «to recommend», «to stay in bed». Whereas the first two words clearly indicate at the context, the other two display their context in the relation to the first words. Therefore, if one can say so, all words help each other. In the second sentence such words, so-called «indicators» could be «anxiety», «hospital», which can immediately show what kind of situation is described in the fragment. In the third sentence these words are «prescribed», «medicine». In the fourth one these are «terrorist», «military forces». In the fifth sentence these are «computer resource», «intended users», «DoS». On the account of the «indicators», the researchers collecting corpora segregate one group of fragments from each other and include the fragments in the right corpora, so that these who are interested in a certain word could immediately find it without spending much time on the search.

Another way to differentiate corpora is based on the origin of texts, as well as the author, type and even year of publication, while researchers could follow different goals in the process of search. The study could be aimed not only at contributing to linguistics, but to other branches of science as well. The translation might be still required because some studies are carried out on the basis of foreign texts. Thus, a corpus is not only the object of scientific research, but a tool useful for carrying out a range of various operations, for instance it could be immensely useful for improving the results of translation. It might be sometimes difficult to precisely determine, in which context, in which phrase a word as a component could be used, so the corpus as an accurately collected body of the text could be used. It might be also quite difficult to pick up an exact way to translate a word or a phrase, even though it is (as one can say) on the tip of tongue. A corpus user can type in one component of the phrase or the word

that the unit in question is associated with, and there commonly comes the result. It is a great facility for a translator to use the corpus for the following reasons:

1) A corpus usually provides a lot of results, united by a specific feature that is of interest for the searcher, and the variety of sentences or fragments can most brightly manifest the peculiarity that the searcher is interested in. A dictionary can provide a number of results too, but these results do not so clearly display the contextual relations of the word, which lessens the probability of its usage by the translator. It is important to mention that the contextual relations represent a very important point to the translator because, as a rule, translation requires the clear understanding of the context, interrelated grammatical functions of words, the syntactic peculiarities, the overall structure of the text, which could be most brightly shown by the corpora examples.

2) A corpus usually possesses texts, segregated by different traits and features, such as, as it was mentioned, the author, the year etc. This way if the translator is for instance interested in the vocabulary of the nineteenth century and the way the word in question correlated with archaisms and outdated words that were used, it is possible to search for sentences within the certain corpus. It would provide the maximum of information that the searcher requires.

3) Corpora are getting larger and therefore obtaining a possibility to provide a translator with a great amount of results which could enable one to view the word from different angles.

4) Corpora can provide a possibility for a person with the analytical bias to realize this attitude when studying fragments of texts and using the same phrases and constructions within a translated fragment.

This way it is possible to conclude that corpora provide their exploiter with great facilities which should not be underestimated and underappreciated. Corpora have existed for a long time and the study related to corpora has started in the nineteenth century which led to the current situation, in which corpora are accessible almost to every researcher, both (mostly) in the electronic and printed versions. Corpora are of a great use for everybody interested in exploiting them, in particular researchers and translators. Corpora provide specialists and experts with a wide variety of different words, phrases, expressions that co-exist within the context and obey certain rules. A very clear manifestation of contextual relations are the reason why corpora should be used by translators: it is known that every text is translated with a deep analysis into its context. Corpora should be studied and there should be further studies on the subject for the mentioned reasons.

References:

1. Banko M., Brill E. Scaling to very very large corpora for natural language disambiguation // Proceedings of the 39th annual meeting on association for computational linguistics. — Association for Computational Linguistics, 2001. — C. 26–33.
2. Chierchia G. Reference to kinds across language // Natural language semantics. — 1998. — T. 6. — № 4. — C. 339–405.

3. Fishman J. A. Language modernization and planning in comparison with other types of national modernization and planning // *Language in Society*. — 1973. — Т. 2. — № 1. — С. 23–43.
4. Leech G., Smith N. Extending the possibilities of corpus-based research on English in the twentieth century: A prequel to LOB and FLOB // *ICAME Journal*. — 2005. — Т. 29. — С. 83–98.
5. Nesselhauf N. Learner corpora and their potential for language teaching // *How to use corpora in language teaching*. — 2004. — Т. 12. — С. 125–156.
6. Quirk R. Language varieties and standard language // *English Today*. — 1990. — Т. 6. — № 1. — С. 3–10.

Штрихи к пониманию роли интерференции личности переводчика в переводческом процессе

Шичкина Мария Геннадьевна, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П.

Перевод как явление характеризуется многогранностью, многофункциональностью, широкой распространённостью в межкультурной среде, и, как достаточно распространённый в межкультурной среде акт коммуникации, является в современной науке одним из наиболее значимых объектов исследования. Существует одна особенность перевода как акта межкультурного общения, заключающаяся в том, что перевод всегда осуществляется с помощью билингва-посредника, и эффективность во многом зависит именно от него. В таком случае билингва-посредника можно также назвать переводчиком: задача переводчика состоит в том, чтобы донести информацию, сообщённую на одном языке (*source language*), на том языке, который будет понятен для целевого получателя информации (*target language*). Билингвизм — это ключевая способность, которая позволяет переводчику воспринимать и передавать необходимую информацию с использованием двух языков одновременно. Профессиональный билингвизм, которым владеет переводчик, представляет собой сбалансированную «интерлингвокультурную картину мира, позволяющей определить возможный коммуникативный сбой и использовать средства номинации, эксплицирующие специфику лингвокультур». Переводчик, в полной мере обладающий всеми необходимыми навыками, может с лёгкостью пользоваться всевозможными средствами межкультурного общения для достижения цели коммуникации. В процессе взаимодействия двух культур у посредника могут возникать проблемы с их взаимной адаптацией к реалиям, существующим в рамках каждой лингвокультуры. Возникает так называемая «интерференция», заключающаяся в том, что лингвокультурные особенности одной стороны проникают в систему другой стороны, что приводит к невольному смешению языков и образованию новой разновидности языка с уклоном в ту сторону, которая послужила источником для заимствований. Таким языком-источником, как правило, является исходный язык перевода. Степень отличия языка-источника от языка-цели определяет особенности новой разновидности языка. Так, к при-

меру, языки, совершенно не схожие друг с другом, могут частично сливаться друг с другом при языковой интерференции и образовывать новые формы, которые получают соответствующие названия (как «рунглиш» и т.д.). Однако не только интерференция становится препятствующим фактором для точного перевода. Переводчик, как индивид, обладающий уникальной личностью, может использовать текст, *в том числе* в целях реализации своей личности в рамках перцепции и воспроизведения полученного им фрагмента текста в контекстуальной реальности. Личность переводчика является предметом различных исследований в области переводоведения, психолингвистики, социолингвистики и других смежных наук, но в фокусе внимания большинства учёных она была сравнительно недолгое время — приблизительно тридцать пять лет. Такой факт можно объяснить тем, что ранее в исследовательских работах акцент делался на механическом применении знаний, высокий процент которых считался залогом точного, безошибочного перевода. С последним утверждением можно отчасти согласиться, так как научные парадигмы в лингвистике и переводоведении, существующие более одного века, могут стать источником ценной информации и верной подсказкой в случае трудной задачи. Однако соглашаться следует не полностью: процесс перевода — не только механическое действие и во многих ситуациях требует от переводчика самостоятельного анализа, творческого подхода, нестандартного мышления и реализации собственного, заложенного психоэмоционального потенциала. Так как текст интерпретируется переводчиком в виде целого, монолитного полотна, профессиональный переводчик самостоятельно определяет основной посыл текста или сообщения и уже самостоятельно решает, какие моменты могут быть использованы им как ключевые в целях достижения поставленной автором цели. Как правило, многие фрагменты на языке оригинала и перевода коррелируют друг с другом, однако из-за различий в лингвокультурных особенностях языков и между менталитетом народов, некоторых внеязыковых тонкостей, реалии перевода иногда вынуждают перевод-

чика переориентироваться с одного фрагмента на другой или изменить содержание некоторых отрывков текста. Что может становиться причиной, побуждающей переводчика пересмотреть своё отношение к некоторой части текста? Во-первых, проблема может быть в триггерах, которые фрагмент текста может в себе нести. Известно, что получатель текста является отдельной личностью со своим багажом знаний, накопленных впечатлений и переживаний, и в том случае, если текст адресован конкретно данному индивидууму, автор принимает ответственность за некоторые моменты, которые могут показаться оскорбительными для получателя текста. Может также возникнуть ситуация, когда автор без злого умысла использует в тексте некоторые триггеры, которые могут вызвать у получателя текста негативную реакцию, особенно, если целевой аудиторией становится не один человек, а двадцать-тридцать и более, и абсолютно все могут быть представителем разных культур и национальностей. Автор текста может затронуть культурно-исторический аспект отдельной страны, и его трактовка может показаться оскорбительной для представителей культурной общности данной страны, или неоднозначно отозваться о некотором событии, или любым другим способом оскорбить носителей данного историко-лингвокультурного багажа. В таком случае переводчик, как медиатор двух сторон, исходя из своих впечатлений, психоэмоциональных ощущений и накопленных знаний, принимает решение, направленное на «сглаживание» фрагмента текста и приведение его в соответствующий вид. Во-вторых, определённые послы и трудноуловимые нюансы, доступные в современных условиях исключительно человеческому, не механическому анализу. Так, например, писатель, обладающий значительным корпусом знаний, может провести параллель между известным литературным трудом, что будет воспринято машиной буквально («как вижу, так и перевожу») и перевод получится некорректным. Сравнить с машинным переводом в данном случае можно перевод, основанный исключительно на механических знаниях, так как последние не дают возможности в полной мере изучить картину мира. Профессиональный анализ высококвалифицированного, эрудированного переводчика может дать ключ к пониманию заложенных автором в тексте «намёков», идей, концепций. В-третьих, переводчик, в отличие от машины, может определять прагматическую направленность текста и возможно отчасти заменять некоторые слова, предложения или даже фрагменты. Причина, как правило, заключается в несоответствии ожидаемого эффекта от прочтения текста на целевом языке реципиентом: в излишней сложности или, напротив, линейности перевода, обилии нетематической лексики и т.д. К примеру: небольшой текст, предназначенный для прочтения детьми возрастом от 8 до 12 лет, изобилует грамматическими оборотами и лексическими единицами, доступными для понимания ребёнка, выросшего в англоязычной среде. Однако та же самая целевая аудитория, читающая текст в «полумашинном» русском переводе, не сможет в полной мере вос-

принять данный текст, и прагматический эффект, на который «нацеливался» автором, таким образом, также не будет достигнут. Поэтому внимание переводчика должно быть ориентировано не только на применении заученных им знаний, но и в адекватной оценке конкретной ситуации, каждая из которых может быть настолько уникальна, насколько уникальны сами тексты (source texts).

Однако стоит заметить, что при выполнении работы над переводом и улучшением качества переводного текста переводчик не только выполняет требования, предписанные ему условиями договора и переводоведением в целом, но и реализует свою переводческую личность в рамках процесса перевода. Понятие языковой личности трактуется в различных научных работах несколькими разными способами, но общая концепция понимания данного термина сводится к тому, что языковая личность — это персоналия, вмещающая в себя психические, этические, социальные и другие компоненты, преломлённые через её язык, её дискурс; способная порождать текст, что и предопределяет её уровень понимания текста. Т. е., вместе с тем, что переводчик выполняет трансформацию текста с одного языка на другой, анализирует текст на предмет «подводных камней», определяет прагматическую направленность, он также оставляет некий отпечаток на самом тексте, характеризующий личность переводчика и его индивидуальные особенности. Следует уточнить, что, возможно, в пределах одного предложения или небольшого фрагмента фактор личности переводчика не будет прослеживаться слишком явно, однако на примере целого текста рассмотреть его будет несложно. Так, к примеру, если пригласить к участию в эксперименте двадцать-тридцать переводчиков, прошедших одни и те же курсы подготовки, и предложить им для перевода один большой фрагмент текста, велика вероятность того, что все тексты будут в большей или меньшей степени отличаться друг от друга. Данная особенность объясняется тем, что переводчик является личностью, совмещающей профессиональные и уникальные «человеческие» качества. Каждый индивидуум характеризуется неповторимым жизненным опытом, характерной исключительно для него совокупностью психологических качеств и, благодаря обозначенным выше особенностям, совершенно уникальным взглядом на мир. Такие свойства могут с одной стороны поддерживать конкуренцию в среде переводчиков, способствовать непрерывному самосовершенствованию и — при дальнейшем обучении и социализации — формированию у переводчика сбалансированной картины мира, богатого жизненного опыта и, соответственно, повышению качества перевода. С другой стороны, переводчик, не занимающийся самообразованием и ограничивающийся своей жизненной концепцией, не получающий новые знания о мире, может допускать при переводе лакуны, ухудшающие качество восприятия текста реципиентом и понижающие прагматический эффект перевода. Таким образом, переводчик — языковая личность, совершенно уникальная, способная вносить свой вклад в структуру текста и оставляющая свой отпечаток на понимании

каждого конкретного текста реципиентом, и наилучшим способом повлиять на качество перевода текстов — по возможности самосовершенствоваться и продолжать развивать свои переводческие и личностные качества.

Литература:

1. Богин, Георгий И. «Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов». Ленинград (1984), С. 31.
2. Бушев А.Б. Языковая личность профессионального переводчика. Тверь: ООО «Лаборатория деловой графики», 2010. — 265 с
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997. С. 238.
4. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79–95;
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — УРСС, 2004, С. 264.
6. Кушнина, Людмила Вениаминовна, and Марина Сергеевна Силантьева. «Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства». Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология 6 (2010), С. 71–75.
7. Ремхе И. Н. Языковая личность переводчика и когнитивные особенности переводческого процесса // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № . 24, С. 262–264.
8. Тарнаева Л. П. Концепции языковой личности в контексте проблем переводоведения // Вестник Ленинградского государственного университета им. АС Пушкина. — 2008. — № . 2 (13), С. 55–69.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Методы работы с неадаптированным лексическим материалом у магистров неязыковых вузов

Лашина Екатерина Николаевна, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

В современных социально-экономических условиях владение иностранным языком как средством межкультурной коммуникации становится необходимой составной частью профессиональной компетенции специалиста. Знание и владение языком выступает в качестве важного показателя современного образования и является обязательной предпосылкой успешной карьеры.

В программу обучения иностранному языку для студентов магистратуры входит работа с неадаптированным лексическим материалом по специальности, как правило, статья.

В газетах и журналах отражены практически все стили современного языка — специфично, в рамках собственной системы научно-публицистической речи. Этот стиль имеет свои внутренние разновидности, которым не свойственна замкнутость. Вместе они составляют целостный организм.

Научно-публицистический жанр не представляет явления чисто лингвистического — здесь огромную роль играет сам отбор актуального на сегодняшний день материала, его композиционная организация, приемы литературной обработки. Для студентов магистратуры, изучающих иностранный язык, эта сторона особенно важна.

Студенты магистратуры должны приобрести навыки письменного и устного перевода газетных произведений в соответствии с практическими потребностями. Они должны понимать, что автор газетной статьи выступает не только лично от себя, но и от имени той или иной части общества, репрезентируя его позицию и интересы.

Основной чертой языка статьи, формирующей ее системную организацию и ее главный конструктивный принцип является чередование экспрессии и стандарта. Этот принцип обусловлен экстралингвистическими факторами, которые и определяют специфику языка статьи. Во-первых, это основные функции, которые выполняет статья, а именно:

- информационно-содержательная функция;
- функция убеждения, эмоционального воздействия.

Информационно-содержательная функция предопределяет следующие экстралингвистические особенности языка статьи:

- периодичность, то есть информация статьи никогда не замыкается в себе, а всегда выражена в форме, пред-

полагающей предыдущие материалы и предсказывающей будущие;

- оперативность, то есть актуальность событий;
- специфика адресата речи, то есть обращенность автора к конкретной аудитории.

Функция убеждения и эмоционального воздействия также обуславливает определенные экстралингвистические черты языка статьи:

- способ изложения материала, суть которого — краткость, общедоступность, выразительность;
- социальная оценочность;
- особый характер экспрессии.

Для того, чтобы успешно работать с неадаптированными лексическими материалами, студенты магистратуры должны обладать необходимыми знаниями, навыками и умениями, которые уже сформированы на более ранних этапах обучения в высшей школе.

Учащийся должен знать:

- 1) нормы правильного литературного произношения, лексико-грамматический строй языка, лексику, представляющую нейтральный научный стиль;

- 2) основную терминологию своей специальности.

Уметь:

- 1) читать и понимать со словарем специальную литературу;
- 2) понимать устную монологическую и диалогическую речь;
- 3) вести беседу на бытовом и профессиональном уровне;
- 4) вести деловую переписку.

Владеть:

- 1) идиоматически ограниченной речью;
- 2) стилем нейтрального научного изложения;
- 3) наиболее употребительной (базовой) грамматикой;
- 4) терминологией своей специальности.

На базе этих знаний, навыков и умений студенту магистратуры предлагается работа с неадаптированным лексическим материалом (статьей) по его специальности для того, чтобы сформировать у него два основных коммуникативных умения:

1. Чтение с пониманием основного содержания неадаптированного текста;

2. Чтение с полным пониманием содержания неадаптированного текста и частными умениями, входящими в состав основных.

Первое умение включает в себя следующие частные умения:

1. Прогностические, т.е. умения прогнозировать характер текста, его основную идею и содержание, опираясь на имеющийся речевой опыт;

2. Уточняющие, т.е. умения уточнять характер и идею текста по ключевым словам;

3. Информационно-поисковые, т.е. умения находить необходимую или главную информацию на различных уровнях структуры текста: предложения, абзаца, всего текста, разделять текст на смысловые куски;

4. Обобщающие, т.е. умения обобщать полученную информацию на основе текста и понимать его главную идею.

Второе умение чтения с полным пониманием содержания текста включает следующие частные умения:

1. Информационно-детализирующие, т.е. умения выделить информацию, которая раскрывает и уточняет содержание абзацев, следит за раскрытием основной идеи текста;

2. Обобщающие, т.е. умения понимать основную идею текста как замысел автора, вывод, к которому он подводит, а также определять свое отношение к прочитанному.

Перед студентами при работе над статьей стоят две цели:

1. Понять основное содержание статьи;
2. Понять полное содержание текста.

Для достижения первой цели учащемуся необходимо сделать прогноз. В этом ему помогает название статьи, а также заголовки абзацев и иллюстрации к тексту. В результате анализа этих составляющих статьи студент определяет характер текста и формулирует его основную идею.

Следующим этапом является поиск в статье основной информации, заключенной в тезисах абзацев, их осмыслением и обобщением всей полученной информации и формулированием главной идеи текста.

Чтобы достичь вторую цель — понять полное содержание текста — студенту необходимо читать каждый абзац, качественно перерабатывая его, при этом выделяя детали информации, которые помогают раскрыть полное содержание текста статьи и сформулировать свое отношение к его содержанию.

Действия, осуществляемые в процессе работы над текстом, можно выделить в последовательность:

1. Прогноз характера текста, его основной идеи и содержания;

2. Поиск основной информации;

3. Обобщение полученной информации;

4. Детализация основной информации;

5. Определение своего отношения к содержанию текста.

При работе с неадаптированной научной статьей студент сталкивается как с лексическими, так и с грамматическими трудностями перевода, на которые следует обратить особое внимание. Если речь идет о терминологии, свойственной определенной специальности, которая включена в специфические речевые обороты, то в данном случае возможно сотрудничество со специалистами узконаправленных технических специальностей для определения точного значения того или иного понятия, процесса или явления.

Если речь идет о грамматических трудностях, то они должны стать предметом целенаправленной работы. Явления, отмеченные как характерные для языка статьи, представляют значительные трудности для студентов, хотя и входят в курс нормативной грамматики. В частности, большую трудность представляют страдательные конструкции заголовков с опущенным смысловым глаголом и атрибутивные цепочки.

Важно отметить, что для работы с неадаптированной научной статьей требуются не только знание лексики и грамматики изучаемого иностранного языка, но и умения и навыки анализировать текст, т.е. добывать, обобщать и детализировать нужную информацию, выделять главную идею, а также составлять собственное суждение на основе прочитанного.

В научно-публицистическом жанре активно осуществляется взаимопроникновение речевых стилей и сближение научной и разговорной речи. Газеты и журналы очень интенсивно осваивают экспрессивные средства и способствует проникновению культуры научно-письменной речи в среду межличностного общения, где формируется знание и представление о конкретных научных явлениях или событиях, являющихся частью жизни людей в современном мире.

Данный вид жанра способствует активной работе студентов с современной неадаптированной лексикой изучаемого иностранного языка, а также помогает оставаться в курсе научных в их сфере деятельности.

Литература:

1. Попович И. Ю., Булгарова Б. А. Основные цели при обучении чтению газетных текстов студентов-нефилологов. / Теория и практика общественного развития, 2013. С. 156–157.
2. Борисов А. В. Основные приемы обучения чтению газеты на французском языке. / Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, 2008. С. 135.

Индивидуальный подход в обучении английскому языку в школе

Ткачева Анна Николаевна, учитель английского языка
МБОУ г. Астрахани «Средняя общеобразовательная школа № 49»

Индивидуальный подход в обучении является одной из актуальных проблем методики преподавания иностранных языков в школе. Эта проблема не новая. Однако, наверное, не полностью раскрыто всё многообразие её сторон, вся значимость её при решении всего многообразия задач в процессе обучения.

Сам термин «индивидуальный подход» понимается как система дидактических средств организации учебного процесса по иностранному языку, которая включает изменение формы урока, цели, содержания, и процесса. Индивидуальный подход в обучении иностранному языку рассматривается как сложное педагогическое явление, которое определяет эффективность обучения иностранному языку и предполагает активную роль субъекта учебной деятельности.

Основными условиями реализации индивидуального подхода выступает дифференциация, которая выражается в оценке первоначальной языковой подготовки ученика, постановка лично значимых для него целей, выработка навыков самостоятельной работы и умения осуществлять системный подход к овладению новыми знаниями. На первый взгляд, эта вроде бы не сложная проблема вызывает большие трудности почти у каждого второго учителя, который работает в школе. Главная трудность состоит в неумении найти оптимальное сочетание фронтальных, индивидуальных и групповых форм работы при обучении иностранному языку. Остальные трудности связаны с определением индивидуальных особенностей личности ученика и организацией на этой основе деятельности учителя, которая должна быть направлена на развитие умственных способностей каждого ученика.

Бесспорным фактом является разная степень подготовленности учеников. Чтобы правильно понять причины неравномерной успеваемости в классе, необходимо выявить причины отставания каждого и постараться разобраться в них. Эти причины могут быть разными: один пропустил уроки по болезни, другой был невнимателен на уроке, а третий не понял объяснение учителя на уроке. Многие психологи и методисты считают, что часто дифференциация в обучении иностранному языку основывается не на индивидуальных особенностях личности ученика, а всего лишь на индивидуальных пробелах в его знаниях. Однако, стоит учитывать тот факт, что способности к изучению иностранного языка не одинаковы: одним язык даётся легко, другим — с большим трудом.

Изучение учащихся, их склонностей и интересов, их учебных возможностей, а также анализ перспектив развития этих возможностей должны послужить исходным моментом в индивидуальном подходе к обучению английскому языку. Я убедилась на собственном опыте, что осуществить это на практике нелегко. Основная трудность

заключается в подборе и использовании заданий дифференцированной степени сложности. При выполнении заданий с одинаковой степенью сложности способный и менее способный ученики могут добиться одинакового результата только при разных затратах времени.

Знание индивидуальных особенностей ребят позволяет предвидеть возникновение возможных конфликтных ситуаций на уроке, как, например, в случае несовпадения самооценки школьника с оценкой его ответа учителем.

На уроках английского языка есть такие условия, которые позволяют развивать индивидуальные учебные способности школьников. Языковые способности учащихся могут проявляться не только в легкости, скорости, и прочности овладения учебным материалом, но также и в предпочитаемых и наиболее успешно осуществляемых школьниками формах учебной деятельности. Так, учащиеся с низким уровнем обучаемости по иностранному языку предпочитают репродуктивные задания, например пересказ заранее выученного текста; средний уровень обучаемости позволяет ребятам сочетать заученное с элементами самостоятельного высказывания; достаточная обучаемость проявляется в том, что дети охотно выполняют задания, требующие самостоятельности; в случаях повышенного уровня обучаемости по иностранному языку учащиеся сопротивляются репродуктивным формам работы и предпочитают творческую самостоятельность.

В свою очередь, дифференцированное обучение предусматривает такие организационные формы, при которых каждый ученик работает на уровне своих способностей, преодолевая посильную, но достаточно ощутимую для него трудность.

Таким образом, индивидуализация обучения предполагает учет, как уровня подготовки учащихся, так и их потенциальных возможностей. Отсюда следует, что та или иная серия упражнений должна включать в себя специальные задания, направленные на развитие как индивидуальных, так и психологических особенностей учащихся. Дифференцированное обучение строится, в основном, на подборе индивидуальных заданий, в зависимости от подготовки учеников и уровня сформированности речевых навыков и умений. Существует много форм дифференцированного обучения. К ним можно отнести следующие: применение заданий разной степени сложности, различное количество повторений для выполнения одного и того же задания, использование разных вариантов однотипных заданий, выполнение упражнений по индивидуальным карточкам, оказание различной помощи учащимся при выполнении одного и того же задания, различная длина пауз для выполнения заданий, различные виды ключей, опор, чтение текстов разной трудности.

Для успешного осуществления индивидуального подхода в обучении английскому языку, при контроле чтения учи-

телю необходимо решить ряд организационных вопросов. Во-первых, исходя из уровня языковой подготовки учащихся, а именно из уровня их навыков и умений чтения на иностранном языке, я класс условно делится на подгруппы, равные по подготовке. Во-вторых, необходимо иметь психологическую характеристику класса, которая должна включать уровень развития тех индивидуально-психологических особенностей учеников, которые обуславливают успешность овладения чтением иноязычных текстов. К таким особенностям относятся уровень общего развития учеников, память, мышление, внимание, и сферы их интересов.

Опираясь на психологические характеристики учеников, учитель развивает их недостаточно развитые психические функции. Так, для развития внимания даются такие задания:

- скажи, сколько действующих лиц в рассказе;
- перечисли последовательно места, в которых происходит действие рассказа.

Задания такого типа направляют внимание учеников на содержательную сторону читаемого.

Возможны также задания:

- прочтите предложения и назовите элементы (слова), отличающие их друг от друга.

Для развития памяти учащихся им можно предложить следующие задания:

- Прочтите текст. Расположите предметы (картинки) в порядке, указанном в тексте. Расставьте предложения в последовательности, в какой они находятся в тексте; прочтите их.

Для развития языковой догадки, прогностических умений учащихся могут быть предложены задания, следующего типа направленные на догадку о значении того или иного сложного производного слова, на догадку о значении слова с помощью контекста, на понимание текста, в котором есть незнакомые ученикам интернациональные слова и т.д. Для общего развития можно назвать еще несколько слов, заимствованных из английского языка, или попросить сделать это ребят. Развитию прогностических умений способствуют задания типа:

- Прочтите начало предложений и закончите их; составьте из приведенных ниже предложений связный рассказ.

Одним из самых главных пунктов при изучении иностранного языка в школе является, безусловно, развитие навыков устной речи, навыков аудирования. Но нельзя упускать из виду и такой важный аспект изучения иностранного языка, как письмо. Программами отводится очень мало времени на изучение грамматики и орфографии. Что делать в таких условиях учителю? Применить метод индивидуальных заданий, который имеет большое значение для эффективного усвоения нового ма-

териала разными группами учащихся. С помощью индивидуальных заданий учитель может восполнить пробелы в знаниях учащихся, проводя более тщательный контроль усвоения изучаемого.

Учащиеся выполняют индивидуальные задания на уроке. Как правило, 3–4 ученика получают задания, написанные на карточках, и работают над ними в течение 5–10 минут. Ученик, выполнивший задание, сдает учителю тетрадь и тут же получает оценку. Задания могут быть одинаковыми для всех учащихся или совершенно разными.

Однако, не стоит забывать, что основная задача обучения иностранным языкам в школе — научить учащихся говорить на изучаемом языке. Уровень сформированности речевых умений и навыков своих учеников следует оценивать по отдельным видам речевой деятельности.

При выполнении задания по аудированию текста учащиеся встречают много трудностей: большой по объёму текст, много говорящих. Опыт показывает, что значительную трудность для многих учащихся при выполнении задания по аудированию представляют и понимание содержания текста, и умение показать учителю то, что понято (т.е. раскрыто содержание). Поэтому сильным учащимся можно предложить выполнение одного упражнения, а слабым другого, затем при втором прослушивании учащимся можно соответственно предложить упражнение, данное при первичном прослушивании сильным ученикам.

Также индивидуальные особенности учеников учитываются и при определении домашнего задания. Например, хорошо успевающим ученикам даётся задание пересказать текст, слабо успевающим — развёрнутый ответ на вопрос, план текста и т.д. Особенно помогают при дифференцированном подходе рабочие тетради к учебнику, так как там есть упражнения разного типа и разной сложности.

Разумеется, вопрос о том, применять ли индивидуальные задания и на каком уроке, решает учитель. Характер заданий зависит от того материала, который учащиеся изучали на предыдущих уроках.

Для осуществления индивидуального подхода в обучении иностранному языку для более эффективного достижения целей является возможность использования цифровых технологий. Интерактивные упражнения, то есть, обучение во взаимодействии, могут помочь школьникам избежать неэффективной и нудной зубрежки и активизировать самостоятельную работу вне урока.

В заключении хотелось бы обратить внимание на то, что осуществление индивидуального подхода при обучении иностранному языку требует от учителя большого искусства. Он должен учитывать реальные условия, складывающиеся в классе, и возможности каждого ученика, ни в коем случае не ущемляя достоинства и интересов каждого из них.

Литература:

1. <https://nsportal.ru/shkola/obshchepedagogicheskie-tehnologii/library/2014/01/18/individualnyy-podkhod-v-obuchenii>
2. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Урок иностранного языка. Ростов н/Д: Феникс; М: Глосса — Пресс, 2010

On the evolution of communicative methods of teaching foreign languages

Xoljigitova Dilbarxon Bahodir qizi, student;
Shoyimova Komila O'rol qizi, student;
Gozieva Nodira Rustam qizi, student;
Uzbek State World Languages University, (Tashkent, Uzbekistan)

The history of the methodology of teaching foreign languages knows numerous and diverse attempts to find the most rational methods of teaching foreign languages. The most ancient method was natural, which is no different from the method by which a child is taught his native language. A foreign language is assimilated by imitating ready-made samples, by repeatedly repeating and reproducing new material by analogy with what has been studied. The natural method, which pursued purely practical goals — teaching, above all, the ability to speak and read an easy text — long satisfied the needs of society, in which productive possession is of paramount importance.

Then came the direct method, which reigned supreme until the middle of the 19th century. Over the next hundred years, there was a struggle between supporters of natural, subsequently direct and transfer methods. And although modern methods of teaching are largely different, the question of using the native language in teaching a foreign language or refusing it is still of great importance when establishing a methodical credo of a particular methodical system. Further on, the direct method is replaced by an audio-lingual method. It originated in America in the 40s, when the knowledge of foreign languages was extremely necessary. In the seventies of the twentieth century a communicative method arose which has been successfully used and nowadays. But, despite this, one can say that each method has objective value under certain conditions. Currently, direct, comparative and mixed methods are used in the practice of teaching languages. All available methods are applied depending on the objectives and specific conditions of teaching a foreign language. The term «intensification» is actively used in modern teaching methods.

Its essence, first of all, consists in creation on practical employment of system of purposefulness and the organization of attention, as a result of which activity of students is increased. At the same time, the Methodists are guided by the maximum increase in the degree of effectiveness of the educational process within the planned time (Hence, the development of appropriate methodological recommendations and training systems aimed at improving the quality of teaching a foreign language. Intensification of teaching a foreign language is not a tribute to «fashion» in the age of scientific and technological progress, but an absolutely objective necessity, which is caused by a number of negative factors of the «traditionally» educational process being carried out. These factors conflict with the social order, according to which the task is to quickly sufficiently master the students of a foreign language and the ability to use it in practice.

Therefore, there were «new methods» — hypnopaedia, sugestopedia and relaksopediya, each of which is aimed at

achieving hyperthermia, i.e. (Yu. Abdullaev, A. Bushui 2000, pp. 124–126) But practice shows that the role of these methods ultimately amounts to carrying out purely auxiliary functions—to ensure a more stable assimilation of foreign vocabulary. While mastering other aspects of the language (let alone speech), the advantage of these methods is not revealed. But they are very promising and can open new horizons for the rationalization of the educational process in general, so we will consider it in more detail below.

In the 1950s, an audiovisual method was created and widely introduced, and some components of it could be transferred to the practice of mass schooling. Some intensification of students' speech activity is achieved, first of all, due to activation of specially selected samples of oral dialogical speech, and also due to the synchronous use of inseparably connected and interdependent auditive and visual teaching aids. In the audiovisual method, the emphasis is placed on the use of technical means, as a result of which the visual plot (as a content base for dialogue) is invariably accompanied by a sounded phonaterial. Intensification of the teaching of oral speech at the initial stage of learning is achieved through an audio-visual method. This work takes a lot of time, training tools and efforts, which, in the final analysis, does not lead to genuine intensification.

Currently, the communicative method of teaching foreign languages is widely used, which is the object of our research. In foreign methods, it is referred to as an approach. We see it as a principle. Consider it as a communicative method of teaching foreign languages.

Communicative language teaching appeared in the 60's in the British method, where the language was taught on a situational basis. The basic structures of the English language were processed in various communication situations. In the mid-60-ies in the United States, the theory of language on audio-linguistics was rejected. British methodologists questioned the theoretical provisions of the method of situational learning of foreign languages. They realized the ineffectiveness of the language teaching methodology in the 9th structure and began to develop a functional and communicative-potential approach to language learning. They saw the need for language learning on the basis of a communicative need, and not just on the basis of structures alone.

In 1971, a group of scientists began to develop a methodology for teaching the language, taking into account the needs, needs of students. In 1972, a commission led by the British linguist D.A. Wilkins prepared a communication in which a functional or communicative definition of the language was proposed, which could serve as the basis for the development of a communicative program in the teaching of

language. The merit of D. A. Wilkins was that he conducted an analysis of the communicative needs of the student in terms of both expression of thought and speech perception. This program was adopted by the Education Department of the Council of Europe. Later this program played a big role in developing the methodology and improving the quality of textbooks in Europe. The work of the Council of Europe, the research of British linguists, the communication of the commission on the language training program, etc. played a big role in spreading the communicative approach or simple communicative language training.

He suggested that the term «communicative competence» should relate to the interaction of grammatical (language rules) and sociocultural (language application rules) aspects of language. In his opinion, if people have a communicative competence, they will have the knowledge and ability to use the language. D. Hymes emphasized that literacy is one of the components of grammatical competence. He pointed out that the sociolinguistic aspect of language has to do with the intended use of language in this context. In his article «communicative competence» the author gives a broader meaning of competence, social and socio-cultural factor.

He proves that sometimes grammatical parts of utterances can be unintended to achieve certain goals, and non-grammatical utterances can be acceptable. D. Hymes concludes that we can separate sociolinguistic factors from linguistic competence. Consequently, knowledge of the language not only means knowledge of the language, but also knowledge of what is intended in this context. M. Kennel and M. Svein (1980) created an important speculative model that examines the relationship between theory and practice. They identified 4 main components of communicative competence: 1. Grammatical competence: perfect possession of lexical units, rules of morphology, syntax and phonology. Grammatical competence is mainly associated with the linguistic aspects of language focused on dictionaries, word order, sentence formation, pronunciation, writing, etc; 2. Sociolinguistic competence: the correspondence of statements (grammatical and communicative functions) in this context related to topics, roles and participants, directions and norms of interactivity; 3. Speech competence: mastering the skill of combining grammatical forms and knowledge to achieve the unity of oral and written text; 4. Strategic competence is the verbal communication theory, which consists of the above 4 types of competences. 5. In other words,

they consider communicative competence as a synthesis of knowledge of grammar, knowledge as the use of language in a social context.

Grittner (1975) argues that the ability to speak a foreign language is the essence of practice, not intellectual discipline. Willing (1978) writes, «learning a language means learning». In this connection, the main point of the beginning is the interaction of the teacher with the trainee and the trainee with the trainee. He advocates that learning a language can be more effective if the learner is the center of communication. «Communicative environment» involves the learners in themselves, and the place where the communicative process passes, attaches special importance to the interaction, communication and use of the language. However, in the development of the theory of communicative methodology for teaching language, a number of controversial issues take place. One of them is the use of terminology. J. Richards and Redrs write, the real «method» is defined in terms of three levels: approach, structure, procedure-procedure. The approach is the theory of language and learning. The design is a definition of the linguistic content and a description of the role of the teacher, student and educational material. The method of work is connected with the methods of work.

Thus, it can be concluded that in the history of teaching methods of foreign languages there were, and there are numerous and diverse attempts to find the most rational method of teaching foreign languages. Each attempt (approach, method) had and has a certain influence on the development of the theory and practice of teaching. At the same time, each approach or method was based on a certain theory, both the methodology itself and the related sciences. The creation of a communicative methodology is explained by the influence of two linguistic competences-structuralism and transformative-generative grammar, which dominated in the 50–60's. XX century. Supporters of structuralism were engaged in the study and description of the structure of the language, and representatives of the second concept, the formation of proposals based on certain images of models. It was assumed that by mastering the most common syntactic structures of the relations of their components, students will be able to communicate in a foreign language. In the 70's, communicative linguistics appeared. As a unit of communication began to take super-phrasal unity. The term «competence» has become widely used in the teaching of foreign languages.

References:

1. Alexander, P., J. Kulikowich and T. Jetton (1994) The role of subject — matter knowledge and interest in the processing of linear and nonlinear texts. *Review of educational Research*, 64, 2, pp. 201–252
2. Anitchkov I. Saakyants. V. *Methods of teaching English*. Moscow, 1966. — 248p.
3. Бугаев Н. И. Обучение — это общение. // *Народное образование Якутии* — 1992 № 2 с. 37–49
4. Dobson, J.M. (1974). *Effective Techniques for English Conversation Groups*. Rowley, Mass.: Newbury House.

Инфографический текст как новое средство наглядности на уроках по русскому языку как иностранному в военном вузе

Шашок Лариса Александровна, соискатель
Военный университет Министерства обороны (г. Москва)

В статье рассматриваются основные принципы обучения иностранных военнослужащих русскому языку как иностранному. Анализируется принцип наглядности в преподавании РКИ. Предлагаются рекомендации по внедрению инфографики для формирования языковых компетенций у иностранных военнослужащих.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, коммуникативная методика, обучение говорению, языковая картина мира, военный ВУЗ, групповое обучение, компетенции, инфографика, средство наглядности

Общеизвестно, что обучение иностранных военнослужащих русскому языку строится на основе ряда принципов, тесно связанных между собой и образующих единую систему, которая обеспечивает эффективность обучения. Выделяя лингвистические, дидактические, психологические и методические принципы, российский лингвист А. Н. Шукин замечает, что существуют доминирующие принципы, к которым относятся психологический принцип мотивации обучения, дидактические принципы сознательности и наглядности, методический принцип коммуникативности.

Принцип наглядности, в особенности для военнослужащих, является ведущим принципом обучения, поскольку независимо от конкретного содержания обучения, новый материал всегда лучше не только объяснить, но и показать. Необходимость данного принципа обосновывается диалектикой перехода от чувственного восприятия к абстрактному мышлению в процессе познания [4, с. 29]. При использовании данного принципа обучение строится на конкретных образах, которые непосредственно воспринимают учащиеся.

Принцип наглядности в общей дидактике — один из основополагающих принципов обучения. Наглядность служит средством мобилизации психической активности учащихся, введения новизны в учебный процесс, повышения интереса к занятиям, увеличения возможности произвольного запоминания, расширения объема усваиваемого материала, используется как краткий и эффективный способ систематизации знаний, выделения главного и т.д. [1, с. 60].

При построении урока в военном ВУЗе следует ориентироваться на различные виды памяти. Комбинированное воздействие на органы зрения и слуха возможно с помощью аудиовизуальных средств, которые увеличивают коэффициенты раздражителей, воздействуют на долговременную память и обеспечивают переработку и усвоение информации [2, с. 130].

В целом можно говорить о двух направлениях реализации принципа наглядности на занятиях РКИ в военном ВУЗе: использование наглядности возможно в качестве 1) средства обучения и 2) средства познания [4, с. 29].

Принцип наглядности как средство обучения выражается в том, что преподавателем специально подбира-

ются зрительно-слуховые образцы, которые помогают студентам овладеть произносительными и иными нормами языка, научиться понимать речь на слух и выражать свои мысли в пределах выбранного круга тем и ситуаций общения [4, с. 29–30]. Для этого используются звукозаписи, схемы, таблицы, ситуативные картинки, видео, кино, а также специальные стенды, плакаты и командирские карты т.п.

Во втором случае указанные средства наглядности выступают как источник сведений о России (стране изучаемого языка) и формировании профессиональных компетенций у военнослужащих.

Современная наука, выделяет четыре функции наглядности на занятиях по языку:

- **информирующая** (средства наглядности используются для введения учебной и познавательной информации);
- **обучающая** (средства наглядности привлекаются для сообщения знаний и формирования навыков и умений);
- **контролирующая** (средства наглядности используются для контроля за характером формируемых знаний, умений и навыков);
- **организующая** (функция, имеющая отношение к отбору пособий и созданию условий для их применения).

Наиболее важной функцией наглядности является обучающая, которая реализуется, например, при семантизации материала [4, с. 30]. Они способствуют удержанию в памяти логической последовательности излагаемых фактов и созданию речевых ситуаций [2, с. 131]. Кроме того, обучающая функция также реализуется в виде стандартизации материала, воссоздает ситуацию общения, стимулирует высказывание, способствуя облегчению процесса порождения речи, потому что учащийся имеет возможность сосредоточиться на отборе языковых средств (как сказать?), в то время как логическая последовательность изложения (что сказать?) задается образами восприятия [4, с. 30].

Л.Л. Вохмина утверждает, что наглядность вообще понимается не в узком значении применения картинок, схем, фильмов, звукозаписей, то есть различных визуальных и аудитивных средств, но как создание таких условий, в которых могла бы функционировать речь, переда-

ющая информацию в коммуникативных целях. Примеры такой наглядности — умело организованные дискуссии, игры, решение задач, активизирующих умственную деятельность учащихся, их рассказы о себе и пр. [1, с. 60].

Российские специалисты в области РКИ рекомендуют использовать на занятиях в военных учебных заведениях все виды наглядности: внешнюю и внутреннюю, статичную и динамичную, зрительную, слуховую, зрительно-слуховую, натуральную и абстрактную [4, с. 30].

Е. И. Пассов подробно рассматривает каждый из видов наглядности, применяемый на уроках РКИ. В частности, он замечает, что символика, в особенности для военнослужащих, выгоднее простых рисунков, так как каждая деталь несет в ней смысловую нагрузку; карта с нанесенной обстановкой обладает образной формой, которая хорошо раскрывает смысл явления; диаграммы, схемы, цифры и даты имеют под собой конкретные факты, поэтому при помощи данных опор легко управлять высказыванием.

Существует еще один способ представления информации, способный являться и средством, и способом обучения на уроке РКИ. С распространением интернета и появлением новых технологий, а также с развитием потребности в максимально лаконичном изложении большого массива данных появился такой способ изложения информации, как **инфографика**. Под данным термином следует понимать способ представления информации, сведений или знаний с помощью комбинации вербального и иллюстративного компонентов, предназначенный для быстрой и лаконичной презентации темы, а также призванный улучшить восприятие информации и мотивировать к прочтению. Основными функциями инфографики являются: информативная, аналитическая, организационно-связующая / конструктивная, адаптивная, экспрессивная, воздействующая, аттрактивная, эстетическая.

На первый взгляд может показаться, что инфографика — это лишь модное слово для обозначения традиционных способов визуализации — графиков и схем. Доля правды в этом есть, однако стандартные средства визуализации (графики, диаграммы и пр.) являются рациональным способом передачи информации, в то время как инфографика воздействует на эмоции военнослужащих, ведь в ее основе лежит идея, визуальная ассоциация, авторский образ, который связывает воедино элементы разных семиотических систем, графического, вербального, числового рядов.

Считаем, что вполне закономерно рассматривать инфографику как продукт креолизации, т.е. как креолизованный

текст. Для того чтобы подчеркнуть лингвистический аспект описываемого явления, предлагаем обозначать инфографику термином «инфографический текст» (ИТ) и считать его разновидностью креолизованных текстов.

Мы полагаем, что инфографические тексты на уроках РКИ в военном ВУЗе имеют все шансы стать эффективным средством обучения. Они абсолютно точно могут быть источником информации, материалом для отработки навыков рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности, материалом для ввода и анализа лексики и грамматики.

Инфографические тексты не просто передают готовую информацию, которая не всегда откладывается в памяти обучаемых военнослужащих, но позволяют учащимся самим добывать и интерпретировать ее, опираясь при этом не только на вербальный компонент, но и на оформление иллюстрации, главную образную идею (замысел) креолизованного текста. Работая с инфографикой, читая и рассматривая ее, обучаемые воспринимают текст одновременно рационально и эмоционально, что, безусловно, способствует более быстрому запоминанию, более глубокому пониманию и присвоению информации.

Сформулируем некоторые наблюдения по поводу использования инфографических текстов на уроках РКИ:

1. ИТ стоит предлагать вместе с традиционными текстами, поскольку это может быть хорошим приемом для самостоятельной семантизации незнакомой лексики и последующей работы с информацией текстов.

2. ИТ подходит не для всех учащихся: необходимо учитывать тип личности студента, его ведущий способ получения информации, возрастные особенности, возможно, даже национальную принадлежность и пр.

3. ИТ подходит для проектного метода работы и метода совместного обучения: работая над проектом в группе, учащиеся могут распределить обязанности и использовать для обработки и представления информации как традиционные способы, так и инфографические тексты.

Таким образом, использование инфографических текстов на уроке РКИ в военном ВУЗе является непосредственным применением принципа наглядности на уроке, а также позволяет реализовать все цели и задачи, которые обычно ставятся при работе с текстовым материалом. Кроме того, инфографика сможет повысить интерес обучаемых к языку, обогатить учащихся новыми знаниями, создать дополнительную мотивацию к обсуждению темы. В целом, инфографика — это способ, позволяющий по-новому, неординарно поработать с информацией как преподавателю, так и студенту.

Литература:

1. Вохмина Л. Л. Некоторые проблемы использования наглядности в обучении иностранным языкам / Л. Л. Вохмина // Русский язык за рубежом. — 1978. — №5. — с. 60
2. Гез Н. И. Некоторые вопросы теории урока иностранного языка / Н. И. Гез // Общая методика обучения иностранным языкам: хрестоматия. — Москва: Русский язык, 1991. — С. 123–136.

3. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. — М.: Русский язык, 1989. — 276 с.
4. Шукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов / А. Н. Шукин. — М.: Рус. яз, 1990. — 231 с.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

V Международная научная конференция
Казань, октябрь 2017 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *М.В. Голубцов*

Издательство «Бук», г. Казань

Подписано в печать 24.10.2017. Формат 60x90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 6,41. Уч.-изд. л. 8,93. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.